ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 342.1
EDN: CGYJMY
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-1

ЗАКАВКАЗЬЕ КАК УЧАСТНИК СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (ИСТОРИКО-ГОСУДАРСТВОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Ринат Ряшитович Акжигитов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

makwwwin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Изучение становления федеративного государства в нашем Отечестве всегда было и останется актуальным, что связано не только с патриотической направленностью проблематики, но и с ее высокой академической ценностью в ракурсе государствоведения. Цель данной публикации – показать сложный этнический состав Закавказья, своеобразие его социально-политических характеристик, что предопределило конструирование Закавказской федерации после окончания Гражданской войны. *Материалы и методы*. При рассмотрении острой внутриполитической полемики использованы исторические и историко-государствоведческие исследования, а также материалы XII съезда РКП(б). Применены диахронное и синхронное сравнение, геополитический анализ. *Результаты.* Отмечено, что Российская империя пыталась управлять Закавказьем как единой территорией, а после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. местные ведущие этносы достаточно неохотно шли на сепаратизацию связей. Известным компромиссом между ними стала Закавказская демократическая федеративная республика, просуществовавшая чуть более месяца. Турецкая агрессия против Закавказья весной 1918 г. спровоцировала создание независимых Грузии, Азербайджана и Армении, чьи буржуазные режимы пали в 1920–1921 гг. Причем уже с конца 1920 г. руководство большевиков задумывалось об объединении трех республик, что и было реализовано в марте 1922 г. Однако произошедшее объединение вызвало резкое неприятие со стороны грузинских национал-коммунистов. И. В. Сталин в своем докладе на XII съезде РКП(б) сформулировал основные причины подобного национал-сепаратистского поведения. *Выводы.* «Грузинское дело» достаточно ярко характеризует особенность советского федеративного проекта, который оформлялся сверху, централизованно. Конструкция Закавказской федерации, на которой настояло руководство большевиков, просуществовав до 1936 г., оказалась временной, но необходимой на том этапе федерализации мерой. Она помогла в известной степени сгладить территориальные и прочие противоречия между республиками, снизить градус накала националистических амбиций.

Ключевые слова: история государственности в Закавказье в 1917–1922 г., Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика, «грузинское дело», построение СССР, Двенадцатый съезд РКП(б)

Для цитирования: Акжигитов Р. Р. Закавказье как участник советского федеративного строительства (историко-государствоведческий анализ) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 3–13. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-1 EDN: CGYJMY

© Акжигитов Р. Р., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

TRANSCAUCASUS AS A PARTICIPANT IN THE SOVIET FEDERAL CONSTRUCTION (HISTORICAL AND STATE STUDIES ANALYSIS)

Rinat R. Akzhigitov

Penza State University, Penza, Russia
makwwwin@yandex.ru

Abstract. *Background*. The study of the formation of a federal state in our Fatherland has always been and will remain relevant, which is associated not only with the patriotic focus of the problem, but also with its high academic value in the context of political science. The purpose of this publication is to show the complex ethnic composition of Transcaucasia, its socio-political characteristics, which predetermined the construction of the Transcaucasian Federation after the end of the Civil War. *Materials and methods*. The article uses historical and historical-political studies, as well as materials from the Twelfth Congress of the RCP(b) when considering acute domestic policy. The author resorts to diachronic and synchronous comparison, geopolitical analysis. *Results*. The article recalls that the Russian Empire tried to govern Transcaucasia as a single territory, and after the February and October revolutions of 1917, local leading ethnic groups were quite reluctant to separatize. Relations. The famous compromise between them was the Transcaucasian Democratic Federative Republic, which existed for just over a month. The Turkish aggression against Transcaucasia in the spring of 1918 provoked the creation of independent Georgia, Azerbaijan and Armenia, whose bourgeois regimes fell in 1920-1921. Moreover, since the end of 1920, the Bolshevik leadership was thinking about uniting the three republics, which was implemented in March 1922. However, the unification that took place caused sharp rejection on the part of the Georgian national communists. I.V. Stalin in his report at the XII Congress of the RCP(b) formulated the main reasons for such national-separatist behavior, rooted in national chauvinism, geopolitical and economic egoism. *Conclusions.* The "Georgian affair" quite clearly characterizes the peculiarity of the Soviet federal project, which was formed from above, in a centralized manner. The construction of the Transcaucasian Federation, which the Bolshevik leadership insisted on, lasted until 1936 and turned out to be a temporary but necessary measure at that stage of federalization. It helped to a certain extent to smooth out territorial and other contradictions between the republics and reduce the intensity of nationalist ambitions.

Keywords: history of statehood in Transcaucasia in 1917–1922, Transcaucasian Socialist Federative Soviet Republic, "Georgian affair", building the USSR, Twelfth Congress of the RCP(b)

For citation: Akzhigitov R.R. Transcaucasus as a participant in the Soviet federal construction (historical and state studies analysis). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):3–13. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-1

Создание федеративного государства – это сложный процесс, имеющий как свои закономерности, определенную последовательность шагов [1, с. 36], так и свои особенности. Будущие субъекты федерации участвуют в нем как договаривающиеся стороны и одновременно между этими сторонами могут складываться сложные взаимоотношения старших и младших партнеров, инициаторов и присоединяющихся участников, а иногда и тормозящих достижение соглашения. В мировой истории федерализма подобное случалось. Уникальность образования СССР заключается в том, что данный федеративный проект организовался не снизу, а исключительно сверху и стал возможен благодаря консолидирующей роли правящей марксистско-ленинской партии, функционирующей на основе жесткого централизма. Реальным главным инициатором советской федерализации стали не республики,

© Akzhigitov R.R., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

не входящие в состав РСФСР регионы или сама РСФСР и даже не партийно-советская элита, а руководящее узкое по своему составу ядро большевистской партии. Республики составили как бы второй эшелон федерализации.

Среди этих республик любопытным феноменом являлись территориально-административные единицы Закавказья. В состав Российской империи Грузия, Азербайджан, Армения вошли поэтапно достаточно давно – в конце XVIII – первой половине XIX в. [2], но управлялись они как единое целое, будучи объединены в Кавказское наместничество. В 1840 г. здесь было введено общероссийское управление, однако «практически все отрасли экономики, командные должности (гражданские и даже военные), юриспруденция попали в руки коренного населения региона» [3, с. 167]. Вместе с тем имперские власти, желая добиться должной цетрализации, привлекали православных великороссов, малороссов, русскоязычных религиозных сектантов, которые в основном селились в городах (Баку, Тифлис). Приглашались также армяне из Персии и Османской империи, немцы из германских государств. Сюда направлялись и ссыльные поляки [4, с. 20–25].

Наместник соединял в своих руках высшую военную и гражданскую власть, подчиняясь напрямую императору. Особый статус этой должности придавало то, что в 1915–1917 гг. наместником являлся великий князь Николай Николаевич младший, внук императора Николая I и дядя царствовавшего тогда Николая II. Наместничество включало в себя шесть губерний (Бакинскую, Елисаветпольскую, Кутаисскую, Тифлисскую, Черноморскую (с центром в Новороссийске) и Эриванскую), пять областей (Батумскую, Дагестанскую, Карсскую, Кубанскую, Терскую (с центром во Владикавказе)) и два округа (Закатальский и Сухумский).

В геополитическом отношении Закавказье издавна являлось объектом устремлений крупных внешних игроков – Османской империи и Ирана, к которым в условиях и после окончания Первой мировой войны присоединились Германия и Великобритания, что усложнило решение внутриполитических задач. В то же время в плане коммуникационной доступности эти территории были более близки к Европейской России, чем Сибирь и Дальний Восток, что способствовало созданию труднопреодолимой турбулентности. На эту же турбулентность работал и пестрый этноконфессиональный состав, многолетние национальные противоречия [5, с. 83].

В условиях 1917–1918 гг. «едва ли не самой сложной по структуре, интенсивности и пластичности процессов оказалась политическая ситуация в Закавказье...» [6, с. 7]. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. дестабилизировали старую власть, однако новые устойчивые властные структуры так и не были созданы. Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ), состоявший из депутатов Государственной Думы, после свержения Временного правительства сменил Закавказский комиссариат с более широким партийным представительством (состоял из грузинских меньшевиков, правых эсеров, армянских дашнаков, азербайджанских мусавистов), позже был дополнен в феврале 1918 г. таким представительным органом, как Закавказский сейм в составе членов Всероссийского учредительного собрания от Закавказья и представителей местных политических партий. 26 марта, приняв отставку Закавказского комиссариата, он сформировал Временное Закавказское правительство, а 22 апреля провозгласил создание Закавказской демократической федеративной республики в составе Бакинской, Елизаветпольской, Эриванской, Тифлисской, Кутаисской губерний, Батумской и Карской областей Закатальского и Сухумского округов бывшей Российской империи.

Однако острые этнотерриториальные противоречия в совокупности с непреодолимыми внешнеполитическими вызовами помешали сохранить продекларированную федерацию. У трех ведущих этносов – грузин, азербайджанцев и армян, каждый из которых насчитывал менее 2 млн человек, были многочисленные пограничные споры. «…Азербайджан и Армения не могли поделить Нагорный Карабах, Зангезурский, Нахичеванский, Шарупо-Даралагезский уезды; Грузия и Армения спорили по поводу Борчалинского уезда, Лори и Ахалкалаки; Азербайджан и Грузия оспаривали принадлежность Закатальского округа, Сигнахского и Борчалинского уездов» [7, с. 199]. У ведущих закавказских этносов была и разная внешнеполитическая ориентация: грузинская и азербайджанская элиты считали после октября 1917 г.

для себя оптимальным провозглашение независимости, армянская община предпочитала занять выжидательную позицию и не рвать связей с Россией, рассчитывая на ее защиту в пограничных спорах с двумя другими этносами.

Во временное неустойчивое политическое равновесие вмешался и внешнеполитический фактор – турецкий. Османская империя на завершающем этапе Первой мировой войны сохраняла еще боеспособность и, воспользовавшись отсутствием стабильной власти, усилила военное давление в Закавказье. В декабре 1917 г. командование Кавказского фронта после начала распада русской армии заключило с турками перемирие. «К февралю 1918 г. фронт был фактически оголен, что создавало уникальную возможность для турецкой армии взять реванш за поражение и отторгнуть Закавказье, Северный Кавказ, замаячила перспектива продвижения в Среднюю Азию. В середине февраля турецкая армия начала медленно продвигаться в сторону Закавказья, практически не встречая сопротивления» [8, с. 227].

Турецкая агрессия больнее всего ударила по слабой Армении и разрушила последние следы союза трех ведущих закавказских этносов. Грузия, также страдая от турецкой экспансии, нашла покровительство у Германии, что ускорило провозглашение Грузинской Демократической Республики 27 мая 1918 г. [9]. Азербайджан также объявил о своей независимости 28 мая 1918 г., опираясь на поддержку Османской империи, хотя его главный город – Баку – находился под контролем большевиков, эсеров и меньшевиков. Германия, пытавшаяся договориться с Советской Россией о поставках нефти, сдерживала наступление турецко-азербайджанской армии, но турецкая сторона в свою очередь вела двойную игру.

***

Воспользовавшись военным ослаблением Германии, в сентябре турецко-азербайджанские силы возобновили наступление и захватили Баку 15 сентября 1918 г., однако уже через два месяца Турция как проигравшая сторона в Первой мировой войне была вынуждена покинуть Закавказье, 17 ноября английские войска вошли в Баку [10, с. 145–153].

Армянская Республика, объявившая о своем рождении 28 мая 1918 г. в составе трех уездов, вздохнула с облегчением после ухода их Закавказья турецких оккупантов. Но начавшаяся турецкая эвакуация создавала ситуацию «неразберихи» при передаче под контроль Армении или Грузии территорий, что неизбежно порождало конфликты между ними [11, с. 27]. С этой высокой конфликтогенностью между ведущими этносами столкнулись и большевики, когда свергли буржуазно-националистические режимы (28 апреля 1920 г. в Азербайджане, 29 ноября 1920 г. в Армении, 25 февраля 1921 г. в Грузии).

Следует отметить, что **длительность периода советизации Закавказья объяснялась не только и не столько военными, сколько дипломатическими обстоятельствами**. После практически триумфального взятия Баку (не без помощи кемалистской Турции) Кавказское бюро ЦКРСДП, созданное как полномочный орган 8 апреля 1920 г., предлагало перейти к захвату Грузии как наиболее серьезного антисоветского очага, поддерживаемого англичанами. Но Москва как раз поэтому и предпочитала взять паузу и не трогать весной – летом 1920 г. ни Грузию, ни Армению. Тем более что положение РСФСР дестабилизировала фаза обострения польско-советской войны весной – летом 1920 г. Кроме того, армянский вопрос теперь был основан на поддержании хороших отношений с Турцией, с которой складывались союзнические связи.

«Весной и летом 1920 г. ввод войсковых частей XI Красной армии Карабах (Арцах), Зангезур (Сюник) и Нахичевань, а осенью – военное вторжение кемалистской Турции в Карсскую область и Александрополь (ныне – Гюмри) вынудили власти Республики Армении принять выдвинутые Советской Россией условия советизации республики» [12, с. 342].

«РСФСР стала предлагать посредничество Армении в отношениях с кемалистской Турцией со следующим минимальным набором условий: полный разрыв отношений с Антантой, от которой она получила поддержку, дезавуирование Севрского договора и, что было наиболее насущной потребностью для Советской России, предоставление свободного транзита для товаров, оружия и войск в Турцию» [13]. Адрианопольский договор, вынужденно

подписанный армянской стороной с Турцией, означал крах Армении как государства. В этой ситуации «большевики пошли на советизацию, так как в противном случае Турция занимала Армению и приближалась вплотную к границам Азербайджана. К моменту подписания договора дашнакское правительство считалось низложенным. Поэтому у РСФСР были юридические основания не признавать его условий» [13].

Сработав на опережение в Армении, большевики некоторое время продолжали придерживаться выжидательной тактики в отношении Грузии, стремясь убедиться в том, вмешаются ли англичане в случае ее захвата. Улучшение военно-дипломатического положения РСФСР в результате окончания советско-польской войны побудило советскую сторону 15 февраля 1921 г. пересечь грузинскую границу. 25 февраля был уже занят Тифлис.

Если не знать всех особенностей Гражданской войны в Закавказье, то с позиции эпохи зрелого социализма 1960–1980-х гг. создание Закавказской республики после окончательного прихода сюда советской власти выглядело не вполне понятным. Бывшие буржуазные государства, наслаждавшиеся своей самостоятельностью в период хаоса Гражданской войны, оказались объединены в федерацию трех советских республик. Для революционной интеллигенции – в первую очередь грузинской, считавшей себя наиболее просвещенной, – подобный шаг виделся оскорбительным.

Между тем тактически это был совершенно правильный шаг. Этнический состав населения был сложным, причем русские в его составе занимали весьма скромное место (не более 10 % в Бакинской губернии и Карсской области, 5–7 % в Батумской области и Сухумском округе, не более 2 % в Елисаветпольской и Эриванской губерниях, менее 1 % в Кутаисской губернии и Закатальском округе) [4]. Это затрудняло контроль со стороны Москвы. Социальный состав был непролетарским. «В Армении и в значительно меньшей степени в Грузии существовало торговое сословие и радикально настроенная интеллигенция, но пролетариат здесь, по сути дела, не сформировался… В Баку развитие нефтяной промышленности привлекло большое число как русских, так и армянских поселенцев, создавших крупные колонии, а также пролетариат как местных национальностей, так и русский». Это также усложняло управление данными республиками в парадигме марксистко-ленинской теории и практики. В дополнение этническая чересполосица провоцировала этническую враждебность. «Армян было больше в Грузии и Азербайджане, чем в сформированной наконец Армянской Республике. В Тифлисе, столице Грузии, армянского населения было больше, чем в любом другом городе, и число армян превышало число грузин» [14, с. 270–271].

Судя по всему, В. И. Ленин уже с конца 1920 г. задумывался об объединении трех новых республик в Закавказье [15, с. 269]. Такую же позицию в письме к вождю занимал и представитель Азербайджана в РСФСР Б. Шахтахтинский, а И. В. Сталин в своем выступлении 6 июля 1921 г. перед тифлисской партийной организацией напоминал о необходимости сотрудничества республики с Москвой и закавказскими соседями [16, с. 99]. Однако грузинские национал-коммунисты П. Т. Мдивани, Ф. И. Махарадзе и др. отвергали идею объединения закавказских республик под предлогом «народного недовольства», которое культивировалось членами небольшевистских партий, обвинявших местных большевиков в предательстве в пользу «московских оккупантов». Тем не менее объединенный Пленум Кавказского бюро РКП(б) 3 ноября 1921 г. принял решение о создании федеративного союза. Сам Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ) был учрежден 12 марта 1922 г. в момент, когда вопрос об образовании СССР еще не ставился. Впереди еще были споры о способах объединения советских республик.

«В ведение Союза перешли внешние отношения, оборона, финансы, внешняя торговля, транспорт и экономика. Ряд дополнительных договоров, подписанных в последующие недели, должны были включать федеративный Союз в экономику РСФСР и уполномочить последнюю представлять кавказские республики на международной арене» [7, с. 213]. Однако ФСССРЗ со столицей в Тифлисе оказался временной, промежуточной структурой.

Он явно не вписывался в последующую схему федерализации всей страны. В то же время ситуацию осложняло конфронтационное поведение старых грузинских большевиков,

выступивших с позиций национального эгоизма. Они не просто были против консолидации страны ради успеха общего большевистского дела. На XII съезде РКП(б) им припомнили попытки сохранить «таможенные рогатки» на границах с Азербайджаном и Арменией и «страсть к иностранным банкам», которые стремятся просунуть свои щупальца и в Персию, и в другие страны «Передней и Средней Азии», присвоение денег за пароход, принадлежавший РСФСР, грузинским республиканским бюджетом[1].

Казалось бы, мелочь, но на присутствующих на съезде не могла негативно повлиять другая информация о действиях грузинских уклонистов. Так, в условиях голода в Поволжье и на Северном Кавказе в марте 1922 г. закрываются республиканские границы для беженцев; вводятся денежные поборы для граждан и неграждан Грузии, пересекающих ее границы; тормозится изъятие земли у помещиков[2].

И все же, как справедливо отметил в своем выступлении на съезде Генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. В. Сталин, «основной вопрос в Закавказье – это вопрос о федерации Закавказья». И. В. Сталин привел переписку с В. И. Лениным в ноябре 1921 г., из которой видно, что он мыслил «федерацию закавказских республик абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению». Сталин был не согласен с ним только в сроках реализации задуманного, поскольку «провести» федерацию в Грузии «снизу» в «советском порядке» в «несколько недель» нельзя, так как в Грузии Советы только начинают строиться. По мнению Сталина, «нужно положить 2–3 месяца…»[3]

Между тем проект В. И. Ленина – И. В. Сталина, проведенный через Политбюро, не устраивал группу П. Г. Мдивани (1877–1937). Ее неформальный глава в 1920–1921 гг. являлся председателем КП(б) Грузии, в 1921–1922 гг. – председателем Революционного комитета Грузии, в марте–мае 1922 г. – председателем СНК Грузии, в марте–декабре 1922 г. – председателем Союзного совета ФСССРЗ. В эту же группу входили бывший нарком земледелия Грузии, а с марта по октябрь 1922 г. – председатель ЦИК Грузии Ф. И. Махарадзе (1868–1941), председатель грузинской ЧК в 1921–1922 гг. К. М. Цинцадзе (1887–1930), заместитель председателя Реввоенсовета и нарком юстиции Грузии, а с 28 февраля 1922 по январь 1923 г. председатель Совнаркома Грузии С. И. Кавтарадзе (1885–1971).

Группа Мдивани не только не приняла сталинский проект автономизации в сентябре 1922 г., но и нажаловалась В. И. Ленину. Однако навязать свое неприятие вхождения Грузии в СССР в составе ФСССРЗ, преобразованной 13 декабря 1922 г. в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР), руководству РКП(б) группе не удалось. На Октябрьском пленуме 1922 г. весь ЦК Компартий Грузии демонстративно ушел в отставку и был избран новый, адекватно мыслящий состав.

Так называемое «грузинское дело» долгое время было принято объяснять особенностями характера главы Кавбюро Г. К. Ордженикидзе – его властолюбием и излишней самостоятельностью в отношении Москвы. Ему не доверял Л. Д. Троцкий (что само по себе с учетом авантюристических взглядов ультрареволюционного автократора свидетельствовало в пользу Орджоникидзе) [17]. Однако дело было не только и не столько в личности К. Г. Орджоникидзе, которому доверял И. В. Сталин. Существовали принципиальные разногласия между теми, кто думал о судьбе огромной страны в целом в ее противостоянии Западу, и теми, кто ради сиюминутного и мнимого комфорта своего этноса требовал каких-то поблажек и преференций.

Грузинские национал-коммунисты полагали, что В. И. Ленин их поддерживает. Во всяком случае они постоянно к нему обращались, жалуясь на Г. К. Орджоникидзе и И. В. Сталина. Но в главном – в построении Советского государства – его основатель оставался на своих позициях, не допуская принципиального ослабления центральной власти. В деталях – в том числе в вопросах этики – он был готов идти на некоторые уступки. Например, в «инциденте с конем», когда член ЦК КП Грузии обозвал Орджоникидзе «сталинским ишлаком»

[1] Стенографический отчет (Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.). М. : Политиздат, 1968. 903 с.
[2] Там же. С. 175–178.
[3] Там же. С. 202, 203.

и получил ответную оплеуху, он принял сторону грузинских раскольников по этническим, но не политическим соображениям. В последней записке от 6 марта 1923 г., направленной Г. П. Мдивани, Ф. Е. Махарадзе (копия – Троцкому, Каменееву), говорилось: «Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь» [18, с. 330].

В. И. Ленин не успел выступить с речью по национальному вопросу на XII съезде РКП(б). С ней выступал И. В. Сталин, который был вынужден воспроизводить весьма спорные ленинские клише о русском великодержавном шовинизме. По мнению Генерального секретаря, «в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила – великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях…». В то же время оратор делал и оговорку: нэп также «взращивает и шовинизмы местных, особенно в тех республиках, которые имеют несколько национальностей». И все же далее делался реверанс в сторону националов: «эти местные шовинизмы, конечно, не представляют по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский»[1]. Спрашивается, почему? Тогда, как это нам видится в XXI в., перед страной стояла главная задача – сохранять централизованное имперское пространство, чтобы не быть поглощенным Западом. Националистический партикуляризм в своей озабоченности «самостойностью» ставил под вопрос будущее Советского государства.

Грузинские уклонисты продолжали отстаивать свою неправоту. П. Г. Мдивани, прикрываясь именем В. И. Ленина, причислял себя и своих единомышленников к «верным ленинцам», пытаясь учить присутствовавших национальному вопросу. Параллельно с этим он убеждал всех, что уклонисты не оказывали давления на абхазов, аджарцев и осетин, являясь их «лучшими друзьями». Выступая за передачу дополнительных хозяйственных функций республикам, Мдивани напоминал, что «хозяйственный момент никоим образом не должен быть исключен из национальной проблемы». Завершил свою речь оратор в общем-то банальной фразой: «Мы создаем и централизм, и децентрализм, дополняющие один другого, и чем сильнее будут развиваться наши отдельные республики, тем сильнее будет наш Союз Республик»[2].

В сумбурном выступлении Махарадзе содержалось мало позитивных идей, но проводилось все то же местно-националистическое понимание национального вопроса со все теми же выпадами против «великодержавности». «Можем ли мы проводить великодержавническую или колонизаторскую политику?» – вопрошал оратор[3]. В то же время выступление его единомышленника Цинцадзе было более конкретно и упоминало о недопустимости «бесшабашного» хозяйственного объединения железных дорог, финансов, внешней торговли. Особенно возмущало оратора изъятие из управления у Грузии железных дорог и завоз рабочих и специалистов из-за пределов республики. В то же время он обращал внимание, что на уровне Закавказской федерации в ее непосредственном ведении с созданием СССР оставалось мало субъектов управленческой деятельности. «Для чего же должна существовать тогда Закавказская республика, когда все те органы, которые имеют общегосударственное значение, объединяются в общем союзном масштабе?.. Если говорить об экономическом объединении, пожалуй, для этого достаточен экономсовет, который будет регулировать как взаимоотношения экономического характера, так и пограничные споры, вроде пастбищ, торгово-промышленных дел и т.д., и т.п.»[4].

Претензиям национал-уклонистов на партийном форуме был дан достойный ответ. Нарком земледелия Грузии, бывший рабочий, член РСДРП с 1896 г. И. Ф. Стуруа (1870–1931) – бывший сторонник Б. Мдивани – откровенно выражал сомнение в социальной поддержке уклонистов в республике, показав что именно в рамках Закавказской федерации был важный территориальный спор с Азербайджаном[5].

[1] Стенографический отчет (Двадцатый съезд РКП(б). 14–15 февраля 1956 г.). М. : Политиздат, 1956. 640 с.
[2] Там же. С. 495–502.
[3] Там же. С. 518.
[4] Там же. С. 682–585.
[5] Стенографический отчет (Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.). М. : Политиздат, 1968. 903 с.

Нарком военно-морских дел Грузии (март 1921 – декабрь 1922 г.) и нарком военно-морских дел ЗСФСР (декабрь 1922 – январь 1923 г.), председатель СНК Грузинской ССР (январь 1923 – июнь 1927 г.) Ш. З. Элиава (1883–1937) подчеркнул общесоюзное значение грузинского вопроса ввиду значимых традиций революционной борьбы в республике, социал-демократического движения, возглавлявшегося меньшевиками, опыта буржуазной демократии, что делает ее непохожей на Азербайджан или Туркестан[1].

Секретарь ВЦИК и секретарь ЦИК СССР (1922–1935) А. С. Енукидзе, весьма осведомленный человек, близкий партийным элитам, свидетельствовал: «Ни одно советское учреждение на территории РСФСР не пользуется такой свободой действий, как грузинский Совнарком или грузинский ЦИК в Грузии»[2]. В то же время Грузия в полной мере живет щедротами всероссийского и всесоюзного центра». Из Грузии в Россию ничего не было вывезено за время советской власти. Наоборот, Грузия получила большую помощь за последние годы. Ей были даже возвращены ее старые регалии. «Она получила помощь и хлебом, и всевозможными предметами – например, оборудованием для ткацкой фабрики...»[3]

Первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б) Г. К. Орджоникидзе акцентировал внимание на непропорционально высоком представительстве грузин в органах власти, что опровергало всяческие подозрения в их «национальном угнетении». Более того, были рассказаны конкретные истории о бездушном отношении грузинских бюрократов-националистов к иноязычным гражданам-негрузинам. Это-то и побудило оратора высказать разумное требование к грузинским чиновникам: «Если к тебе обращаются в госучреждении на другом языке, то ты позаботься дать ему ответ на его языке, а не заставляй изучать грузинский язык»[4].

Свое слово сказали и представители соседних закавказских республик. Например, председатель Ревкома Армении (май 1921 – февраль 1922 г.), секретарь ЦК КП Армении (апрель 1921 – апрель 1922 г.) и председатель Совнаркома Армении (май 1922 – июнь 1925 г.) С. Л. Лукашкин (С. Л. Срапионян) (1885–1937) обратил внимание на исторические корни национализма в Закавказье, которые он связал с 1890-ми гг., когда «армянская торговая буржуазия начинает появляться в городах и начинает покупать имения у грузинского дворянства». Острые трения «возникали в Тифлисе из-за городского самоуправления, в Баку из-за нефтяной промышленности…» В итоге «когда крупная армянская торговая буржуазия в Грузии и Азербайджане стала давить мелкую буржуазию этих народов, эта мелкая буржуазия совокупно с землевладельцами придала острый характер национальным отношениям»[5]. Теперь же «товарищи уклонисты хотят самостоятельно войти в СССР, порвав свои связи с Азербайджаном и Арменией. Если это случится, тогда станет вопрос не грузинский, как сейчас, а вопрос, скажем, армянский и азербайджанский»[6]. Одним словом, по мнению секретаря Бакинского партийного комитета Р. Ахундова, этот уклон принимает «безобразную форму»[7].

Собственно говоря, И. В. Сталин совершенно исчерпывающе вскрыл причины грузинского национал-коммунизма. Нет, он здесь не был связан с какой-то традиционной для национальных окраин подозрительностью к русским – «в Грузии отношение к русским играет второстепенное значение…»[8] Здесь «имеется 30 % негрузинского населения. Среди них: армяне, абхазы, аджарцы, осетины, татары. Во главе стоят грузины. Среди части грузинских коммунистов родилась и развивается идея не очень считаться с этими мелкими национальностями: они менее культурны, менее, мол, развиты, а посему можно и не считаться с ними. Это есть шовинизм – шовинизм вредный и опасный, ибо он может превратить маленькую Грузинскую республику в арену склоки, и он уже превратил ее в эту арену склоки»[9].

[1] Стенографический отчет (Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.). М. : Политиздат, 1968. С. 576.
[2] Там же. С. 587.
[3] Там же. С. 588.
[4] Там же. С. 594.
[5] Там же. С. 599.
[6] Там же. С. 600.
[7] Там же. С. 608.
[8] Там же. С. 489.
[9] Там же. С. 487.

Сталин также объяснил неуступчивость грузинских уклонистов геополитическими и экономическими обстоятельствами, поскольку «узы федерации Закавказья лишают Грузию той доли привилегированного положения, которое она могла бы занять по своему географическому положению». Так, «Грузия имеет свой порт Батум, откуда притекают товары с Запада; Грузия имеет такой железнодорожный узел, как Тифлис, который не минуют армяне, не минует Азербайджан, получающий свои товары из Батума. Если бы Грузия была отдельной республикой, если бы она не входила в Закавказскую федерацию, она могла бы некоторый маленький ультиматум поставить и Армении, и Азербайджану…»[1]

Конструкция Закавказской федерации, как показали дальнейшие события, оказалась явлением временным. У нее были свои управленческие дефекты, поскольку она создавала лишнее бюрократическое звено. Она, видимо, эффективно функционировала какой-то период времени во многом благодаря личности Г. К. Орджоникидзе. Но в 1926 г. он был переведен на работу в Москву на пост председателя Центральной контрольной комиссии ВКП(б), и «межведомственная борьба обостряется». Заменивший его М. Д. Орахелашвили «не смог подавить ведомственный сепаратизм». В письме к В. М. Молотову И. В. Сталин писал 21 августа 1929 г.: «Заккрайком не руководит национальным и ЦК. Он не способен ими руководить» [19]. Однако дело было не только и не столько в кадрах. После удаления Орахалашвили на его должности с промежутками примерно в год побывали В. В. Ломинадзе, Л. И. Картвелишвили, опять Орахелашвили. Больше Сталина удовлетворял Л. П. Берия, который управлял Закавказьем с 17 октября 1932 г. до 23 апреля 1937 г. И все же в определенный момент – после принятия Конституции СССР 1936 г. – ЗСФСР была упразднена, а в составе СССР появились три новые союзные республики.

Зарубежные авторы, рассуждая о советском федеративном проекте, трактуют его в терминах имперского строительства. «Так, А. Хаугент считает, что советское государство было организовано как иерархическая квази-федерация национальных советских республик, при этом никогда не было посягательств на культурную самобытность как таковую. Проект большевиков был империалистическим, но при этом отличался от классического империализма, поскольку режим использовал власть не для экономической эксплуатации периферии, а для того, чтобы навязать на периферии принципиально новый тип общества, и это не означало русификации. Ф. Хирш назвала это империей нации, в отличие от Т. Мартина с его известным определением СССР как империи позитивной дискриминации» [20, с. 33].

И в самом деле постсоветская наука не должна отказываться от имперского прошлого, а призвана им гордиться. Советская империя складывалась постепенно, с учетом местных особенностей и внешнеполитических реалий, что, собственного говоря, и демонстрирует включение в нее Закавказья.

Список литературы

1. Гуляков А. Д. Федерализм: возникновение и основные направления развития (историко-государствоведческое исследование) : монография. М. : РИОР, 2019. 388 с. doi: 10.29039/02016-6 EDN: DZEGJS

2. Варданьян Э. Г. Российская империя, СССР и национальный вопрос в Закавказье: проблемы и дискуссии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 270–276. EDN: RRUAZF

3. Дамешек И. Л. Управление окраинами в документах российских архивов: проблема доступа к материалам // Архивы и управление Восточной Сибирью: теория и практика, прошлое, настоящее, будущее : сб. тр. межрегион. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 27 сентября 2004 г.). Иркутск : Оттиск, 2004. С. 50–56. EDN: MQEHEP

4. Гачечиладзе Р. Конфликтогенность распада и реставрации империи: политико-географический подход (на примере бывшего российского Закавказья 1917–1923 гг.) // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6, № 3. С. 160–174. EDN: QZGAHP

5. Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Участие в федерализации Закавказья, Северного Кавказа, Дона и Кубани в постсамодержавной России (историко-государствоведческий анализ) // Известия

[1] Стенографический отчет (Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.). М. : Политиздат, 1968. С. 489.

высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 3 (71). С. 81–92. doi: 10.21685/2072-3016-2024-3-7 EDN: HGJCAL

6. Мирзеханов В. С., Ланник Л. В. Батумская подсистема как пространство Османской гегемонии в Закавказье в 1918 году: к постановке вопроса // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 5–22. doi: 10.31857/S013038640014691-8 EDN: DTYHSX

7. Гатагова Л. С. Республики Южного Кавказа на пути к «социалистической федерации» (1917–1922) // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14, № 3. С. 195–226. doi: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-195-226 EDN: FIATZL

8. Сапаров А. Гражданская война в Закавказье 1918–1921 с точки зрения социальных, этнических и политических процессов // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 224–253. doi: 10.51255/2311-603X-2018-00060 EDN: YLLAPR

9. Тамазов М. С., Пазов И. С. Германия и образование независимой Грузии в 1918 году // Научный диалог. 2016. № 4. С. 229–240. EDN: VWADSP

10. Гасанлы Д. Азербайджан на перекрестке эпох: первая попытка интеграции в свободный мир (1917–1920) // Кавказ и глобализация. 2009. Т. 3, № 4. С. 140–161. EDN: QAQYAD

11. Величко Л. Н., Амбарцумян К. Р. Армянско-грузинский территориальный вопрос и особенности национально-государственного строительства в Закавказье (1918 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 26–32. doi: 10.37494/2409-1030-2019-4-26-32 EDN: KGFGFB

12. Мелконян А. А., Хачатрян К. Г., Крючков И. В. Проблемы советского национально-государственного строительства (историко-критический анализ на примере Армении) // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 2. С. 340–352. doi: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-340-352 EDN: FERGMY

13. Амбарцумян К. Р. «Грузия нам нужна как временный барьер»: международные факторы большевистской советизации Южного Кавказа (1920–1921 годы) // Новый исторический вестник. 2019. № 1 (59). С. 88–105. doi: 10.24411/2072-9286-2019-00006 EDN: GHYKLE

14. Карр Э. Х. История Советской России : в 14 т. Кн. 1, т. 1–2: Большевистская революция 1917–1923 / пер. с англ., авт. вступ. сл. к рус. изд. А. П. Ненароков. М. : Прогресс, 1990. 763 с.

15. Азизбекова П. А. В. И. Ленин и социалистические преобразования в Азербайджане (1920–1923 гг.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 366 с.

16. Гросул В. Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М. : ИТРК, 2007. 215 с.

17. Smith J. Georgian Affair of 1922 Policy Failure, personality clash or power struggle? // Europe-Asia Studies. 1988. Vol. 50, iss. 3, P. 519–544. EDN: GVODFF

18. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Госполитиздат, 1958–1965.

19. Лебский М. Загадочная смерть Закавказской федерации (1922–1936 гг.) // Свободная мысль. 2024. № 6 (1708). С. 161–181. EDN: HYXZQK

20. Аманжолова Д. А. Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23, № 1. С. 30–40. doi: 10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40 EDN: LOTKCK

References

1. Gulyakov A.D. *Federalizm: vozniknovenie i osnovnye napravleniya razvitiya (istoriko-gosudarstvovedcheskoe issledovanie): monografiya = Federalism: origin and main directions of development (historical and political studies research): monograph*. Moscow: RIOR, 2019:388. (In Russ.). doi: 10.29039/02016-6

2. Vardan'yan E.G. The Russian Empire, the USSR and the national question in Transcaucasia: problems and discussions. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2013;(11):270–276. (In Russ.)

3. Dameshek I.L. Management of the outskirts in the documents of Russian archives: the problem of access to materials. *Arkhivy i upravlenie Vostochnoy Sibir'yu: teoriya i praktika, proshloe, nastoyashchee, budushchee: sb.tr. mezhregion. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 27 sentyabrya 2004 g.) = Archives and management of Eastern Siberia: theory and practice, past, present, future: proceedings of interregional scientific-practical conference (Irkutsk, September 27, 2004)*. Irkutsk: Izdatel'stvo Ottisk. 2004:50–56. (In Russ.)

4. Gachechiladze R. Conflictogenicity of the collapse and restoration of the empire: a political-geographical approach (using the example of the former Russian Transcaucasia 1917–1923). *Kavkaz i globalizatsiya = The Caucasus and globalization*. 2012;6(3):160–174. (In Russ.)

5. Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu. Participation in the federalization of Transcaucasia, the North Caucasus, the Don and Kuban in post-autocratic Russia (historical and political science analysis). *Izvestiya*

vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2024;(3):81–92. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2024-3-7

6. Mirzekhanov V.S., Lannik L.V. The Batumi subsystem as a space of Ottoman hegemony in Transcaucasia in 1918: towards a formulation of the question. *Novaya i noveyshaya istoriya = Modern and contemporary history*. 2021;(3):5–22. (In Russ.). doi: 10.31857/S013038640014691-8

7. Gatagova L.S. The Republics of the South Caucasus on the Path to a "Socialist Federation" (1917–1922). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Moscow University Bulletin. Series 25. International relations and world politics*. 2022;14(3):195–226. (In Russ.). doi: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-195-226

8. Saparov A. The Civil War in Transcaucasia 1918–1921 from the point of view of social, ethnic and political processes. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal = Petersburg historical journal*. 2018;(3):224–253. (In Russ.). doi: 10.51255/2311-603X-2018-00060

9. Tamazov M.S., Pazov I.S. Germany and the formation of independent Georgia in 1918. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2016;(4):229–240. (In Russ.)

10. Gasanly D. Azerbaijan at the crossroads of eras: the first attempt to integrate into the free world (1917–1920). *Kavkaz i globalizatsiya = The Caucasus and globalization*. 2009;3(4):140–161. (In Russ.)

11. Velichko L.N., Ambartsumyan K.R. The Armenian-Georgian territorial question and the peculiarities of national-state construction in Transcaucasia (1918). *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya = Humanitarian and legal studies*. 2019;(4):26–32. (In Russ.). doi: 10.37494/2409-1030-2019-4-26-32

12. Melkonyan A.A., Khachatryan K.G., Kryuchkov I.V. Problems of Soviet national-state construction (historical and critical analysis using the example of Armenia). *Oriental Studies*. 2023;16(2):340–352. (In Russ.). doi: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-340-352

13. Ambartsumyan K.R. "We need Georgia as a temporary barrier": international factors of the Bolshevik Sovietization of the South Caucasus (1920–1921). *Novyy istoricheskiy vestnik = New historical bulletin*. 2019;(1):88–105. (In Russ.). doi: 10.24411/2072-9286-2019-00006

14. Karr E.Kh. *Istoriya Sovetskoy Rossii: v 14 t. Kn. 1, t. 1–2: Bol'shevistskaya revolyutsiya 1917–1923. Per. s angl., avt. vstup. sl. k rus. izd. A. P. Nenarokov = Bolshevik Revolution 1917–1923. Translated from English, author's introduction to Russian edition by A. P. Nenarokov*. Moscow: Progress, 1990:763. (In Russ.)

15. Azizbekova P.A. V.*I. Lenin i sotsialisticheskie preobrazovaniya v Azerbaydzhane. (1920–1923 gg.) = Lenin and socialist transformations in Azerbaijan (1920–1923)*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962:366. (In Russ.)

16. Grosul V.Ya. *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.) = Formation of the USSR*. Moscow: ITRK, 2007:215. (In Russ.)

17. Smith J. Georgian Affair of 1922 Policy Failure, personality clash or power struggle*? Europe-Asia Studies*. 1988;50(3):519–544.

18. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy. V 55 t. = Complete Works. In 55 volumes*. Moscow: Gospolitizdat, 1958–1965. (In Russ.)

19. Lebskiy M. The mysterious death of the Transcaucasian Federation (1922–1936). *Svobodnaya mysl' = Free thought*. 2024;(6):161–181. (In Russ.)

20. Amanzholova D.A. The Soviet federal project and conflicts of nation-building in the 1920s–1930s. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*. 2024;23(1):30–40. (In Russ.). doi: 10.22363/2312-8674-2024-23-1-30-40

Информация об авторе / Information about the author

Р. Р. Акжигитов – аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0009-0007-3596-5098

R.R. Akzhigitov – Postgraduate student, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0009-0007-3596-5098

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 20.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.05.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9
EDN: CRYPOU
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-2

ФУНКЦИИ ОСОБОГО ПРАВОВОГО ПОРЯДКА: НЕКОТОРЫЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Светлана Ивановна Ежикова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

s.krasnova1927@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Исследование функций особого правового порядка является актуальной проблемой. При отсутствии должной доктринальной проработанности данного вопроса функциональная характеристика особого правового порядка, определение перечня функций и их содержательное наполнение имеют как теоретико-правовое, так и практическое значение. Познание функций есть познание сущности особого правового порядка, определение его специфики, назначения, особенностей взаимодействия с другими государственно-правовыми образованиями. Цель работы – обосновать значимость функционального исследования особого правового порядка, изучить имеющиеся в доктрине концепции. *Материалы и методы*. В рамках проведенного исследования использовались общенаучные и специальные методы познания (диалектика, анализ, системный метод, функциональный метод, формально-юридический), позволившие рассмотреть понятие и основные функции особого правового порядка. *Результаты.* Рассмотрены теоретико-правовые и практические аспекты основных направлений воздействия особого правового порядка на общественные отношения. Выделены различные подходы к классификации функций особого правового порядка и их содержательной интерпретации в контексте функций права. Определена приоритетная роль регулятивной функции, посредством которой организуется порядок управления и контроля, конкретные права и обязанности субъектов особого правового порядка, основания его введения, изменения либо прекращения. *Выводы.* Функциональный анализ сущности и содержания особого правового порядка позволяет выявить потенциальные возможности государства, эффективно и адекватно реагировать на разнообразные нетипичные ситуации, которые возникают как в самой общественной жизни, так и под воздействием внешних факторов и угроз. Сделан вывод о полифункциональности особого правового порядка. Отмечено, что функциональная характеристика особого порядка позволяет уточнить его социально-правовую сущность, специфику его установления.

Ключевые слова: функции, особый правовой порядок, регулирование, охрана, юридические средства

Для цитирования: Ежикова С. И. Функции особого правового порядка: некоторые общетеоретические аспекты // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 14–21. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-2 EDN: CRYPOU

© Ежикова С. И., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

FUNCTIONS OF A SPECIAL LEGAL ORDER: SOME GENERAL THEORETICAL ASPECTS

Svetlana I. Ezhikova

Penza State University, Penza, Russia
s.krasnova1927@yandex.ru

Abstract. *Background*. The study of the functions of a special legal order is an urgent problem. In the absence of a proper doctrinal elaboration of this issue, the functional characteristics of a special legal order, the definition of a list of functions and their substantive content have both theoretical and practical significance. Cognition of functions is the cognition of the essence of a special legal order, the definition of its specifics, purpose, and features of interaction with other state legal entities. The purpose of the work is to substantiate the importance of functional research of a special legal order, to study the concepts available in the doctrine. *Materials and methods*. The research used general scientific and special methods of cognition (dialectics, analysis, system method, functional method, formal legal method), which allowed the author to consider the concept and main functions of a special legal order. *Results*. The theoretical, legal and practical aspects of the main directions of the impact of a special legal order on public relations are considered; various approaches to the classification of functions of a special legal order and their meaningful interpretation in the context of legal functions are highlighted. The priority role of the regulatory function is defined, through which the order of management and control is organized; the specific rights and obligations of subjects of a special legal order; the grounds for its introduction, modification or termination. *Conclusions.* A functional analysis of the essence and content of a special legal order makes it possible to identify the potential capabilities of the state, effectively and adequately respond to a variety of atypical situations that arise both in public life itself and under the influence of external factors and threats. The conclusion is made about the polyfunctionality of a special legal order. The author has established that the functional characteristic of a special order makes it possible to clarify its socio-legal essence, the specifics of its establishment.

Keywords: functions, special legal order, regulation, protection, legal means

For citation: Ezhikova S.I. Functions of a special legal order: some general theoretical aspects. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):14–21. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-2

Исследование любого государственно-правового института неразрывно связано с познанием его функциональных аспектов, характеризующих его не только в статике, но и в динамике. По утверждению Б. И. Пугинского, «функциональное исследование позволяет, по сравнению с нормативно-описательным подходом, познать объект в целом, раскрыть его связи и динамику воздействия на общественные отношения» [1]. Именно функциональный анализ позволяет рассматривать правовой феномен в целостности, определить его сущностное назначение, природу, качественные характеристики, специфику взаимосвязи с иными правовыми явлениями.

Продуктивность функционального метода познания, его твердая позиция в системе общих методов давно не вызывают сомнений. Познание функций любого явления есть познание его сущности. По словам В. М. Корельского, «между сущностью и функциями нет никаких промежуточных звеньев, поэтому, как ничто другое, функции позволяют проникнуть в сущность явления, вскрыть то главное, что его характеризует, выявить основные, определяющие черты и связи» [2].

© Ezhikova S.I., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Категория «функция», не являющаяся по своей природе сугубо правовой и длительный период применяющаяся лишь в философии, социологии, психологии, довольно прочно вошла в правовой оборот и заняла в нем особую нишу.

Понятие «functio» латинского происхождения, означает совершение, исполнение, специфическое проявление объекта. С функцией связывается направленное, целостное и избирательное воздействие системы на определенные стороны внешней среды [3].

Философия и социология определяют функцию как «роль, которую социальный институт выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов, а также зависимость, наблюдаемую между различными социальными явлениями и процессами в рамках данной общественной системы» [4]. Ряд теоретиков также связывают функции права с его ролью в обществе [5, 6]. Не станем отрицать, что категории «роль» отводится значимое место в понимании функций, но не исчерпывается ею. Для познания сущности функций принципиальное значение отводится целям, т.е. итоговому результату, тому, чего необходимо достигнуть. Сказанное позволяет ряду теоретиков определять функции именно как цели [7, 8], что не представляется верным. Цели и задачи определяют наличие и существование определенных функций, их конкретное содержание.

Консолидируя многочисленные научные концепции, определяющие природу функций, их следует рассматривать как направления воздействия на реальную действительность, в котором отражается сущность явления, его назначение и закономерности развития [9–11].

В контексте правового порядка, в частности особого правового порядка, аспекты функций недостаточно изучены в доктрине. Основными научными трудами, в которых рассматриваются вопросы функциональной характеристики правового порядка, являются работы профессора В. В. Борисова, отмечающего, что «при рассмотрении функций правопорядка как целостного образования должны выделяться общественные связи, в которых проявляется его отношение к окружающей действительности» [12]. Особое внимание ученый обращает на «функции сохранения и совершенствования правопорядка; функции взаимодействия с внешней средой; функции обособления качественной определенности правопорядка как целостного образования, обеспечивающей взаимодействие целого и составных элементов» [12].

Интеграционная функция правового порядка, правообеспечительная, рискориентирующая, консервативная и прогрессивная выделяются и исследуются Е. В. Свининым [13].

С учетом отмеченного, а также специфики особого правового порядка данные функции отличаются следующими признаками:

– их перечень, а также содержательное наполнение предопределяются сущностной природой особого правового порядка, социальным назначением, целями;

– функции выступают положительным направлением воздействия, ориентированным на удовлетворение потребностей людей;

– они обладают относительной стабильностью, что не исключает динамики в их развитии и изменения содержания;

– отличаются определенным набором средств и методов правового воздействия в особых областях социальной действительности.

Функции особого правового порядка находятся в тесной и неразрывной связи с функциями права. Соответственно, сообразно последним их можно определить как относительно стабильные, положительные направления воздействия особого правового порядка на сознание людей и их групп, особые сферы социальных отношений, в которых выражаются его сущность, место и назначение в механизме правового регулирования.

Не вызывает сомнений, что особому правовому порядку свойственны все те функции и их градация на общие и специальные, которые присущи в целом праву. Однако содержательно с учетом специфики правового феномена они разнятся.

Остановимся на анализе некоторых специальных функций. Прежде всего, в их ряду следует выделить регулятивную функцию, заключающуюся в упорядочении социальных отношений посредством регламентации прав и обязанностей лиц, выступающих субъектами

особого правового порядка, контроля за их взаимодействием, определения комплекса необходимых мероприятий и т.д.

Природа регулятивной функции предполагает детальную регламентацию определенного правового отношения посредством установления конкретной, особой цели, послужившей основанием закрепления особого правового порядка. В зависимости от степени детализации регулятивного воздействия определяется регулятивная направленность.

Регулятивная функция по отношению к иным функциям представляется приоритетной, поскольку посредством нее организуется:

– порядок управления, при котором определяются субъект и объект, способы управления;

– конкретные права и обязанности субъектов особого правового порядка;

– основания введения, изменения либо прекращения особого правового порядка;

– порядок осуществления контроля за его реализацией.

Особому правовому порядку присуща также контрольная функция, обеспечивающая мониторинг и оперативность реагирования на возможные отклонения. «Контроль хода реализации особого правового порядка, не дожидаясь конечного результата, когда исправить положение уже практически невозможно, позволяет своевременно и четко установить, где, когда, по чьей вине произошло отклонение от промежуточных результатов» [14].

Регулятивная функция традиционно характеризуется двумя «срезами» – статическим и динамическим. Динамическая сторона заключается в «воздействии порядка на общественные отношения путем оформления их движения» [15]. Так, особый правовой порядок может закреплять для обоснованности его введения определенные цели и задачи, перечень мероприятий, разумные сроки и т.д. Указ Президента РФ от 6 февраля 2023 г. № 72 «Об особом порядке проведения расчетов между некоторыми юридическими лицами – резидентами при осуществлении внешнеэкономической деятельности» четко декларирует, что подобный порядок устанавливается «в целях создания условий для проведения расчетов между некоторыми юридическими лицами – резидентами при осуществлении внешнеэкономической деятельности и в соответствии со ст. 4.2 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ "О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств"»[1].

В контексте изложенного представляется допустимым в качестве отдельной функции особого правового порядка выделить телеологическую функцию, суть которой заключается в постановке конкретных целей его введения и их обоснованности [16]. В первую очередь следует определить проблему, поскольку особый правовой порядок отличается адресностью, ориентированностью на конкретных лиц и объекты. Цель должна отражать комплекс социально-экономических, политических, культурно-идеологических и иных причин, объясняющих необходимость его установления.

Что касается второго аспекта регулятивной функции – статики, то с некоторой долей условности все же можно констатировать, что особый правовой порядок характеризуется выполнением и регулятивно-статической функции, объективированной во влиянии обозначенного порядка на общественные отношения путем закрепления их в тех или иных правовых институтах. Например, институт налога не может быть сформирован вне учета специфики особого порядка по уплате отдельных налогов и сборов с отдельных категорий лиц.

Таким образом, особый правовой порядок, с одной стороны, обеспечивает стабильность, а с другой – предоставляет возможность для изменения и совершенствования социальных отношений.

Для регулятивной функции особого правового порядка характерны две подфункции: ограничительная и стимулирующая. В процессе реализации ограничительной функции используются правовые средства ограничивающей, сдерживающей направленности (в виде

[1] Об особом порядке проведения расчетов между некоторыми юридическими лицами – резидентами при осуществлении внешнеэкономической деятельности : указ Президента РФ от 6 февраля 2023 г. № 72 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2023. № 7, ст. 1104.

ограничений, запретов, приостановлений, юридических обязанностей). Посредством особых порядков правового регулирования, использующих в процессе упорядочения общественных отношений правовые ограничения, в сознание личности поступает информация, которая воспринимается и в дальнейшем учитывается субъектами права, определяя поведение субъектов. Так, установление законодателем правовых ограничений направлено на защиту конституционного строя, обеспечение национальной безопасности, которые в то же время являются разновидностью механизма соблюдения субъективных прав и свобод человека [17].

В качестве примера можно назвать утвержденный Указом Президента Российской Федерации в 2022 г. «особый порядок осуществления (исполнения) между резидентами и иностранными лицами, связанными с иностранными государствами, которые совершают в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия… сделок (операций), влекущих за собой прямо и (или) косвенно установление, изменение или прекращение прав владения, пользования и (или) распоряжения долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью либо иных прав, позволяющих определять условия управления такими обществами с ограниченной ответственностью и (или) условия осуществления ими предпринимательской деятельности»[1].

Данный порядок предусматривает дополнительные меры экономического характера по обеспечению финансовой стабильности России, выражающиеся в ограничениях использования банковских счетов в иностранной валюте, в необходимости дополнительной отчетности и т.д.

Противоположной по действию признается стимулирующая функция, которая, по утверждению Е. Н. Лебедевой, «выступает механизмом разрешения общественных проблем через гармонизацию интересов участников правоотношений» [18]. Она выражается в направлениях воздействия особого правового порядка на волю и сознание людей с целью выработки положительной правовой мотивации путем предоставления субъективных прав. Так, изменения, внесенные в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости»[2], регламентируют особый, упрощенный порядок «дачной амнистии», создающий условия для завершения оформления прав на ранее созданные объекты общего имущества садоводческих и огороднических некоммерческих товариществ (СНТ и ОНТ) и их вовлечения в гражданский оборот. Подобный порядок стимулирует граждан на обращение в компетентные органы с целью переоформления прав по документам старого образца, оформление построенных жилых домов на участках, в отношении которых отсутствуют правоустанавливающие документы и т.д.

Правовым регулированием детерминирована еще одна специальная функция – охранительная, основной задачей которой выступает обеспечение нормальной реализации особого правового порядка. Разнообразные юридические средства последнего выполняют в той или иной степени и регулятивную, и охранительную функции. Особый правовой порядок, как и в целом право, охраняя, регулирует, а, регулируя, охраняет желаемое с точки зрения государства состояние и развитие правоотношений. «И здесь не стоит смущаться наличием охранительных свойств в регулятивной функции и регулятивной в охранительной (а они, безусловно, есть, их никто не отрицает…)» [9].

Охрана особого правового порядка может быть выражена в регламентации определенных государственных принудительных мер за совершение правонарушений, пресечении негативных для общества и государства последствий.

Таким образом, регулятивная и охранительная функции особого правового порядка детерминированы правовым регулированием, а равно и тем, что он выступает средством правового регулирования и компонентом его механизма. Отмеченное позволяет констатировать,

[1] Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами : указ Президента РФ от 8 сентября 2022 г. № 618 // СЗ РФ. 2022. № 37, ст. 6316.

[2] О государственной регистрации недвижимости : федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/?ysclid=mb6m7n5kuc207845811 (дата обращения: 12.03.2025)

что полноценное правовое регулирование невозможно вне охраны. Соответственно, допускаем выделение не двух, а трех аспектов в регулировании – статика, динамика и охрана.

В разряд специальных функций особого правового порядка целесообразно отнести также информационную. Посредством данной функции компетентные органы власти знакомят население с введенным особым правовым порядком, нормативной базой, его регламентирующей. Значимость этой функции велика, поскольку не без информационного влияния происходит развитие тех или иных сфер общественной жизни, социальных процессов [19].

Информационную функцию особого правового порядка можно рассматривать как информационное социальное предназначение, информационное направление и как способ воздействия на социальные связи. При этом она тесно связана с уже названными функциями.

Подвидом информационной является коммуникативная функция, выражающаяся в социально-юридическом контакте, обмене информацией об установлении особого правового порядка от одного лица, которому он адресован, к другому.

Сущностная природа особого правового порядка свидетельствует о необходимости выделения в качестве самостоятельной оценочной функции, содержание которой охватывает два момента. Во-первых, она отражает отношение государства к поведению субъектов, отличных от общих правоотношений, регламентированных особым порядком, посредством одобрения либо порицания их поведения с позиции его вреда или полезности для общества. Во-вторых, государство, устанавливая особый правовой порядок, демонстрирует значимость специфических общественных отношений, выражая, таким образом, свою позицию по поводу ценности подобного порядка [20].

Функциональная характеристика особого правового порядка, определение перечня функций и их содержательное наполнение имеют как теоретико-правовое, так и практическое значение. Познание функций есть познание сущности особого правового порядка, определение его специфики, назначения, особенностей взаимодействия с другими государственно-правовыми образованиями. Функциональный анализ исследуемого феномена позволяет выявить потенциальные возможности государства, эффективно и адекватно реагировать на разнообразные нетипичные ситуации, которые возникают как в самой общественной жизни, так и под воздействием внешних факторов и угроз.

Исследование функций особого правового порядка характеризует его социально-преобразующую природу, демонстрирует целостное представление о его месте и роли в правовой системе общества.

Список литературы

1. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юрид. лит., 1984. 224 с.

2. Корельский В. М. Общая теория социалистического государства. Свердловск : [б. и.], 1970. 198 с.

3. Мендра А. Основы социологии : учеб. пособие для вузов / пер. с фр. Е. О. Пучковой. М. : Nnota Bene, 1999. 338 с.

4. Самощенко И. С. Правовые формы осуществления функций Советского государства // О научном единстве проблем общей теории права и трудового права : сб. ст. / отв. ред. В. С. Андреев, А. М. Васильев. М. : [б. и.], 1978. Т. 56. С. 20–28.

5. Емельянов Б. М., Правкин С. А. Теория государства и права. М. : МИЭМП, 2011. 325 с. EDN: QSDLPV

6. Провалинский Д. И. Теория государства и права в схемах и таблицах. Казань : Бук, 2020. 510 с. EDN: YBAASM

7. История отечественного государства и права / С. Н. Смирнов [и др.] ; под ред. Н. В. Михайловой. М. : Юнити-Дана, 2020. 383 с. EDN: KOLZLO

8. Гурней Б. Введение в науку управления / пер. с фр. Г. С. Яковлева ; ред. М. И. Пискотин. М. : Прогресс, 1969. 430 с.

9. Радько Т. Н. Теория функций права : монография. М. : Проспект, 2014. 268 с.

10. Байтин М. И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001. 416 с.

11. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / под ред. Н. И. Матузова. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. 218 с.

12. Борисов В. В. Правовой порядок развитого социализма : вопросы теории. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1977. 408 с.

13. Свинин Е. В. Методологические вопросы исследования функций правового порядка // Ius Publicum et Privatum. 2020. № 3 (8). С. 49–52. EDN: CGKMKB

14. Цеханов О. В. Государственный финансовый контроль в системе рыночной реализации федеральных целевых программ : дис. … канд. экон. наук : 08.00.10. М., 2001. 266 с.

15. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Дело, 2022. 528 с. EDN: CPADNQ

16. Кравец И. А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202–215. doi: 10.17223/15617793/439/28 EDN: ZCOTLF

17. Афзалетдинова Г. Х. Исключительные режимы в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 22 с. EDN: ZPZHBV

18. Лебедева Е. Н. Взаимовлияние юридических дозволений и стимулирующей функции права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 135–141. EDN: UHREIN

19. Абрамов А. И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права : монография. Самара : Офорт, 2008. 318 с. EDN: QRDENV

20. Гамалей А. А. Система функций права: проблемы познания и науки // Образование и право. 2016. № 12. С. 51–58. EDN: XQVWYX

References

1. Puginskiy B.I. *Grazhdansko-pravovye sredstva v khozyaystvennykh otnosheniyakh = Civil law tools in business relations*. Moscow: Yurid. lit., 1984:224. (In Russ.)

2. Korel'skiy V.M. *Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo gosudarstva = General theory of the Socialist state*. Sverdlovsk: [b. i.]. 1970:198. (In Russ.)

3. Mendra A. *Osnovy sotsiologii: ucheb. Posobie dlya vuzov. Per. s fr. E.O. Puchkovoy = Fundamentals of Sociology: Study guide for universities. Translated from French by E.O. Puchkova*. Moscow: Nnota Bene, 1999:338. (In Russ.)

4. Samoshchenko I.S. Legal forms of implementation of the functions of the Soviet state. *O nauchnom edinstve problem obshchey teorii prava i trudovogo prava: sb. st. = On the scientific unity of the problems of the general theory of law and labor law: collection of articles*. Moscow: [b. i.], 1978;56:20–28. (In Russ.)

5. Emel'yanov B.M., Pravkin S.A. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of state and law*. Moscow: MIEMP, 2011:325. (In Russ.)

6. Provalinskiy D.I. *Teoriya gosudarstva i prava v skhemakh i tablitsakh = Theory of state and law in diagrams and tables*. Kazan: Buk, 2020:510. (In Russ.)

7. Smirnov S.N. et al. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava = History of the domestic state and law*. Moscow: Yuniti-Dana, 2020:383. (In Russ.)

8. Gurney B. *Vvedenie v nauku upravleniya. Per. s fr. G.S. Yakovleva, red. M. I. Piskotin = Introduction to management science. Translated from French by G.S. Yakovleva, edited by M. I. Piskotin.* Moscow: Progress, 1969:430. (In Russ.)

9. Rad'ko T.N. *Teoriya funktsiy prava: monografiya = Theory of the functions of law: monograph*. Moscow: Prospekt, 2014:268. (In Russ.)

10. Baytin M.I. *Sushchnost' prava: (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov) = The essence of law: (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)*. Saratov: SGAP, 2001:416. (In Russ.)

11. Kartashov V.N. *Yuridicheskaya deyatel'nost': ponyatie, struktura, tsennost' = Legal activity: concept, structure, value.* Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1989:218. (In Russ.)

12. Borisov V.V. *Pravovoy poryadok razvitogo sotsializma: voprosy teorii = Legal order of developed socialism: theoretical issues*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1977:408. (In Russ.)

13. Svinin E.V. Methodological issues of studying the functions of legal order. *Ius Publicum et Privatum*. 2020;(3):49–52. (In Russ.)

14. Tsekhanov O.V. *State financial control in the system of market implementation of federal target programmes: PhD dissertation*. Moscow, 2001:266. (In Russ.)

15. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik = Theory of state and law: text-book*. Moscow: Delo, 2022:528. (In Russ.)

16. Kravets I.A. Teleological constitutionalism, constitutional identity and public law (scientific knowledge, Russian, comparative and international contexts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2019;(439):202–215. (In Russ.). doi: 10.17223/15617793/439/28

17. Afzaletdinova G.Kh. Exceptional regimes in Russian law: PhD abstract. Moscow, 2016:22. (In Russ.)

18. Lebedeva E.N. The mutual influence of legal permissions and the stimulating function of law. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2015;(3):135–141. (In Russ.)

19. Abramov A.I. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy realizatsii funktsiy prava: monografiya = Theoretical and practical problems of implementation of functions of law: monograph*. Samara: Ofort, 2008:318. (In Russ.)

20. Gamaley A.A. The system of functions of law: problems of knowledge and science. *Obrazovanie i parvo = Education and law*. 2016;(12):51–58. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

С. И. Ежикова – аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0009-0003-9687-4916

S.I. Ezhikova – Postgraduate student, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0009-0003-9687-4916

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 06.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.05.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 342.414
EDN: EJUMQO
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-3

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВАЛОВЫХ МЕЖЕВАНИЙ АННЫ ИОАННОВНЫ И ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Елена Викторовна Зазолина

Государственный университет «Дубна», Дубна, Россия
elena_zazolina@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Исследуются законодательные акты, регламентирующие проведение мероприятий валового межевания земель в период царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Вопросы правового регулирования валовых межеваний (размежевания земель) в контексте земельно-распорядительных отношений указанного периода в научной литературе не получили специального исследовательского внимания. Рассматриваемая проблематика представлена работами межевых инженеров имперского периода России, направленными на изучение процесса межевания и межевой части с точки зрения организационной и технической составляющих этого процесса. Актуальность настоящего исследования заключается в комплексном рассмотрении и изучении законодательных актов в области правового регулирования валовых межеваний второй четверти первой половины XVIII в. – начала первой четверти второй половины XVIII в. с учетом социально-экономических факторов и в контексте исторических фактов и событий того времени. Целью настоящего исследования является установление круга основных законодательных актов в области правового регулирования земельно-распорядительных отношений и размежевания земель, а также выявление на их основе особенностей развития земельных отношений Российской империи периода 1731–1754 гг. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа законодательных актов в области правового регулирования земельно-распорядительных отношений. Методология исследования представлена общенаучными методами познания, а также методами правовой науки – историко-правовым, формально-юридическим и сравнительно-правовым методами. *Результаты.* Исследованы и проанализированы источники правового регулирования размежевания земель; выявлены особенности нормативного закрепления межевых узаконений, характерные для периода правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны; установлены и сформулированы ключевые принципы, заложенные в юридическую основу проведения валовых межеваний данного периода. *Выводы.* Делается вывод об архаичности норм законодательных актов в области землепользования, основывавшихся на межевых узаконениях второй половины XVII в. и не учитывавших новый порядок поземельной собственности, сложившийся в петровскую эпоху, что повлекло «провал» валовых межеваний.

Ключевые слова: Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, валовые межевания, земельные отношения, Писцовый наказ, Межевая инструкция, примерные земли

Для цитирования: Зазолина Е. В. Правовое регулирование валовых межеваний Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны (историко-правовой анализ) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 22–34. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-3 EDN: EJUMQO

© Зазолина Е. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

LEGAL REGULATION OF THE GROSS LAND BOUNDARIES OF ANNA IOANNOVNA AND ELIZAVETA PETROVNA (HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)

Elena V. Zazolina

Dubna State University, Dubna, Russia
elena_zazolina@mail.ru

Abstract. *Background*. The presented article examines the legislative acts regulating the conduct of gross land surveying activities during the reign of Anna Ioanovna and Elizaveta Petrovna. The issues of legal regulation of gross land surveying in the context of land management relations of the specified period have not received special research attention in the scientific literature. The problem under consideration is represented by the works of boundary engineers of the imperial period of Russia, aimed at studying the process of surveying and the boundary part from the point of view of the organizational and technical components of this process. The relevance of this research lies in a comprehensive review and study of legislative acts in the field of legal regulation of gross land surveys in the second quarter of the first half of the 18th century – the beginning of the first quarter of the second half of the 18th century, taking into account socio-economic factors and in the context of historical facts and events of that time. The purpose of this study is to establish a range of basic legislative acts in the field of legal regulation of land management relations and land delimitation, as well as to identify on their basis the features of the development of land relations in the Russian Empire in the period from 1731 to 1754. *Materials and methods*. The implementation of the research objectives was achieved based on the analysis of legislative acts in the field of legal regulation of land and administrative relations. The research methodology is represented by general scientific methods of cognition, as well as methods of legal science – the historical-legal method, formal-legal and comparative-legal methods. *Results*. The sources of legal regulation of land delimitation are investigated and analyzed; the features of the normative consolidation of boundary legalizations characteristic of the reign of Anna Ioanovna and Elizaveta Petrovna are revealed; the key principles laid down in the legal basis for carrying out gross land boundaries of Anna Ioanovna and Elizaveta Petrovna are established and formulated. *Conclusions.* It is concluded that the norms of legislative acts in the field of land use are archaic, based on the boundary laws of the second half of the 17th century. They do not take into account the new order of land ownership that developed in the Petrine era, which led to the "failure" of gross land surveys.

Keywords: Anna Ioannovna, Elizaveta Petrovna, gross land surveying, land relations, Clerical order, Boundary instruction, approximate lands

For citation: Zazolina E.V. Legal regulation of the gross land boundaries of Anna Ioannovna and Elizaveta Petrovna (historical and legal analysis). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):22–34. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-3

Основные направления поземельной политики, заложенные Петром I, обозначили вектор дальнейшего развития поземельных отношений, который прослеживался и при его приемниках. Последнее следует отнести к временам правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) и Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). К. А. Неволин отмечал, что «при двух царствованиях, непосредственно следовавших за смертью Петра Великого, уже по самой кратковременности их, не говоря о других причинах, ничего не могло быть сделано для межевания» [1, с. 158]. Современными исследователями также отмечается наличие пре-

© Zazolina E.V., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

емственности в законодательной деятельности Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны с правлением Петра I [2, с. 65; 3, с. 3–4; 4, с. 4].

Земельные отношения, развивавшиеся в контексте института межевания и имевшие земельно-распорядительный характер, обусловленный реализацией поместной системы землевладения и подворной системы налогообложения, были характерны для периода второй половины XV в. – конца XVII в. Принятие Петром I указа о единонаследии 1714 г.[1] окончательно «разрушило» поместную систему, «ликвидировав» на законодательном уровне различия между понятиями «вотчина» и «поместье». Тем самым роль и значение межевых работ и разграничения землевладений снизилось, что отразилось в направлениях государственной деятельности – межевания земель производились в большинстве в частных случаях, самым значимым из которых следует назвать ингерманландское межевание земель [5], правовое регулирование института межевания базировалось на положениях Соборного уложения[2] и ранее принятых писцовых наказов[3]. Исследователями отмечалось, что в имперский период России для института межевания характерны «несколько периодов: межевание ингерманландское (петровское), аннинское межевание, межевания Елизаветы Петровны, генеральное межевание и специальное межевание» [6, с. 112].

В настоящем исследовании рассматриваются и исследуются законодательные акты, регулирующие земельные отношения в контексте их земельно-распорядительного характера и осуществления валовых межеваний периода правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, ключевые направления поземельной политики которых были сконцентрированы в наведении земельного правопорядка в государстве. Характер принимаемых узаконений в области земельных отношений времен правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны свидетельствует о необходимости проведения общего государственного размежевания земель, а также отражает общее состояние межевых и земельных дел в государстве. Кроме того, аннинское межевание и подготовительная законодательная работа к его реализации заложили основу для разработки и принятия законодательных актов для проведения валовых межеваний Елизаветы Петровны.

Во времена правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) общественные и земельные проблемы были тесно взаимосвязаны, или, как отмечал А. Г. Анисимов, «шли рука об руку» [7, с. 55]. В самом начале своего царствования Анна Иоанновна издала акт от 9 декабря 1730 г.[4] об отмене пунктов петровского указа о единонаследии, что в свою очередь привело к попытке пересмотра поместной системы землевладения. В. Е. Якушкин в своем исследовании так указывал на причины принятия Анной Иоанновной этого нормативного акта: «Известно, какие обстоятельства, сопровождавшие вступление на престол императрицы Анны, вызывали прямо к политической деятельности шляхетство, которое избавило новую императрицу от стеснений, предписанных ей верховным советом; не мудрено, что после такой услуги, Анна Иоанновна удовлетворила желаниям дворянства, заявленным еще раньше: "9 декабря 1730 г. ее величество верных рабов своих пожаловала", – были отменены пункты 1714 года» [8, с. 15]. Это свидетельствует о политической окраске акта, принятого в угоду дворянству, и поддержке царской власти. Впоследствии, по докладу Сената, указом Анны Иоанновны от 1731 г.[5] устанавливалось «как поместья, так и вотчины именовать равно одно недвижимое имение вотчина, и отцам и матерям детей своих делить по Уложению всем равно, также и за дочерьми в приданые давать по-прежнему», что окончательно на законодательном уровне «стерло»

[1] О порядке наследования движимых и в недвижимых имуществах. Именной указ от 23 марта 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-I). Т. V. Ст. 2789.

[2] Соборное уложение 1649 г. // ПСЗ-I. Т. I. Ст. 1.

[3] Выписка из наказа писцам – О межевании поместных и вотчинных земель // ПСЗ-I. Т. II. Ст. 890 ; Писцовый наказ межевщикам, посланным из города для межевания спорных земель // ПСЗ-I Т. II. Ст. 1013 ; Писцовый наказ // ПСЗ-I. Т. II. Ст. 1074.

[4] О разделении детям движимых и недвижимых имений по Уложению и об отмене указа 1714 и дополнительных к оному пунктов 1725 года // ПСЗ-I. Т. VI. Ст. 5653.

[5] О именовании поместий и вотчин недвижимым имением и о разделе оных между детьми по Уложению // ПСЗ-I Т. VIII. Ст. 5717.

различия между поместным и вотчинным землевладением. Таким образом, огромнейший массив государственных земель, в состав которых до указа 1731 г. входили поместья, перешел в разряд частного землевладения, а помещики приобрели статус вотчинных владельцев.

Тем не менее при императрице Анне Иоанновне вопросы регулирования земельных отношений в контексте проведения размежевания земель государства оставались актуальными и насущными. 28 июня 1731 г.[1] издается указ о проведении общего (валового) межевания земель в государстве. Исследование и анализ этого нормативного акта отображают «полную картину» состояния поземельных дел в стране и регламентируют правовые меры со стороны государства по упорядочиванию и регулированию сложившейся ситуации с землепользованием.

Указ раскрывает запущенное состояние правового регулирования контроля и надзора за землевладениями. Особо отмечается: «Некоторые помещики и вотчинники сами, а других приказчики и их старосты, а архиерейских и монастырских вотчин управители, презирая Наши указы и государственные права, посланным по указам Нашим по челобитью разных чинов людей из Вотчинной коллегии межевщикам, собрався многолюдством, противились, земель своих межевать не давали, и чинили бои, и драки, и смертные убийства»[2]. Указом было предписано послать валовых межевщиков во все губернии Российской империи, кроме Сибири и Астрахани, при этом отдельно подчеркивалась необходимость приступить в этот же год к межевым работам в Московской губернии.

Указ содержал норму, в соответствии с которой полагалось «межевать по инструкции, которая учинена будет по примеру Писцового наказа» и для каждой обмежеванной дачи следовало оформлять по два экземпляра ландкарт (один экземпляр передавался на хранение вместе с межевыми книгами в Вотчинную коллегию, другой подлежал передаче помещикам). Назревшие ко второй четверти XVIII в. в обществе проблемы в области землепользования (драки при установлении меж, смертоубийства) обусловили включение в указ 1731 г. норм, устанавливающих меры ответственности и наказания за драки на дачах при межевании – «чинить наказание бить кнутом, вырывать ноздри, сослать в вечную работу на каторгу»[3].

Рассматриваемый законодательный акт – указ Анны Иоанновны о валовом межевании – имеет прогрессивный для того времени характер. Во-первых, это прослеживается в установлении системного подхода в фиксировании, учете и хранении информации об отмежеванных территориях (дачах). Согласно указу вся полученная информация о землевладениях подлежала не только передаче собственнику, но и сдаче на хранение в государственный орган – Вотчинную коллегию. Таким образом, впервые были введены нормы, законодательно закреплявшие необходимость формирования государственных архивов земельно-учетной документации. Во-вторых, устанавливались меры ответственности за чинение препятствий при межевых работах.

Следует отметить, что утверждению указа Анны Иоанновны о проведении всеобщего валового межевания земель от 1731 г. предшествовали подготовительные работы к предстоящему массовому описанию земель. Так, на законодательном уровне указом от 7 июня 1731 г. предписывалось: «…в Вотчинную коллегию послать указ, велеть со всех прежних межевых книг, как с валовых, так хотя которые по чьему челобитью были, списать точные копии ныне немедленно одной Московской провинции, и велеть по листам закрепить секретарям, дабы в отправлении тех межевщиков остановки не было, и Адмиралтейской Коллегии, выбрать геодезистов добрых 40 человек, с надлежащими инструментами прислать в Москву немедленно»[4]. Принятие «подготовительного» законодательного акта, а также статьи этого документа свидетельствуют о важности и значимости работ по размежеванию земель для государства. Суммируя сказанное, можно говорить, что на государственном уровне для первоначального

[1] О посылке межевщиков во все губернии и провинции для размежевания земель, дабы через это прекратить споры по землям // ПСЗ-I. Т. VIII. Ст. 5793.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] О посылке в Московскую губернию валовых межевщиков, выдаче им копий со всех прежних межевых книг и о воспрещении насильств в спорах по землям // ПСЗ-I. Т. VIII. Ст. 5775.

этапа проведения валового межевания были приняты взвешенные решения с точки зрения правовой составляющей – проведение работ предполагалось осуществлять на основе уже имеющихся данных о выполненных ранее описаниях земель (на основании межевых книг и данных Вотчинного архива), что может говорить о достаточно высоком уровне организации процесса всеобщего межевания земель.

Тем не менее организация работ по валовому межеванию с точки зрения ее технической и материальной составляющих была малоэффективной и слабой. По отметкам историков XIX в., «начатые в соответствии с указами от 1731 года подготовительные работы велись крайне неуспешно. Направленные специалисты в Москву были отосланы обратно ввиду их плохой подготовленности к осуществлению межевых работ. Также переписка писцовых книг и межевых книг окончена была только к 1733 году» [9, с. 310].

Впоследствии, несмотря на принятые узаконения – указы от 1731 г., основным фактором, тормозящим ход выполнения валовых межеваний, стало «затягивание» процесса разработки и утверждения новой Межевой инструкции по примеру Писцового наказа. В работах русских ученых-юристов дореволюционного периода отмечалось, что «сочинение ею представляло важные затруднения» [1, с. 160], что объясняется модернизацией поземельного законодательства в XVIII в. Так, при разработке «нового Писцового наказа» требовалось учесть новации в законодательстве – ликвидацию поместной системы; слияние поместий и вотчин; изменение правового статуса массива государственных земель на частновладельческие земли; изменение правового положения помещиков и «постановка» их в новые условия; новый порядок приобретения и укрепления частной собственности.

Проект новой Межевой инструкции был разработан только к концу 1735 г. и представлен в Сенат, но официального утверждения так и не получил. Наиболее детально и полно содержание Межевой инструкции 1735 г. описано в трудах русского историка П. И. Иванова. Структурно новый Писцовый наказ включал 47 пунктов, содержащих не только «технические» правила межевания, но и нормы относительно юридического закрепления границ землевладений «по каким крепостям межевать земли различных ведомств, синодского, вотчинников, поместные и пр.». П. И. Иванов отмечал преемственность нового наказа: «Правила сего Писцового Наказа изложены, сообразуясь с прежними узаконениями…» [10, с. 50–51].

К возможным причинам недоработки Межевой инструкции 1735 г. следует отнести как причины организационного характера, такие как недостаточность средств для проведения столь обширных и масштабных работ, нехватка специалистов, так и вопросы правового обеспечения валового межевания – сложности в составлении инструкции, возникшие применительно к «новым» условиям землевладения. Эти же обстоятельства послужили приостановлению валовых межеваний периода правления Анны Иоанновны. А. Г. Анисимов отмечал, что «в целом "аннинское межевание" историки оценивают как не слишком успешное, так как указ Анны Иоанновны о генеральном межевании земель на практике в полной мере осуществлен не был» [7, с. 55].

Проблемы, с которыми пришлось столкнуться при проведении работ, регламентированных указами Анны Иоанновны от 1731 г., отмечаются также русским историком В. Н. Татищевым. Согласно императорскому указу от мая 1737 г. В. Н. Татищеву было поручено осуществить проверку ландкарты (картографического материала) Российской империи «и рассмотреть и, в чем явится неисправность или недостаток, чрез геодезистов дополнить и исправить, и в том всевозможное старание приложить» [11, с. 396]. В своем письме-донесении от 13 ноября 1737 г. в Сенат об итогах проведенной работы В. Н. Татищев очень критично характеризовал деятельность геодезистов по межеванию Российской империи: «Те же геодезисты ландкарты сочиняя столько погрешали, что почитай и ни одна не годится, за тем, что имея малое жалованье за убожеством дальние и пустые места оставили неизмерены и неописаны, почему генеральной карты сочинить не можно»[1]. Согласно донесению В. Н. Татищева, «картина» в правовом регулировании межевых работ и в общем состоянии института межевания в Рос-

[1] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 14. Д. 772. Л. 379–449 об.

сии представляется в очень неприглядном свете: «Сочинение ландкарт без совершенного ко взысканию долготы искусства правильно быть не может, но геодезисты тому нимало не учены… Какую же инструкцию оным для описания народов и мест дать потребно, о том я сочиня предложение послал в Академию… Надлежасчее же до размежевания правильного земель, если Правительствующий Сенат за благо рассудит, могу сочиня впредь представить или повелит кому искусному сочинить и напечатать, дабы оное так нужное и весьма полезное правильное земель размежевание по правилам геометрическим единое совершенное действо восприяло»[1]. В. Н. Татищевым указывается на необходимость юридического закрепления института межевания и земельно-распорядительных отношений и усиления со стороны государства рычагов правового воздействия и регулирования межевой деятельности, так же еще раз упоминается о разработанном им (В. Н. Татищевым) проекте инструкции для межевщиков в 1719 г. для Петра I.

К середине XVIII в. общее картографирование Российской империи развивалось достаточно интенсивно[2], межевание как вид деятельности при Петре I было возведено в ранг «научного знания», при этом на местах оно оставалось на начальной стадии. Правовое регулирование земельных вопросов требовало перестройки существовавших правовых норм и введения новых правовых механизмов в целях совершенствования земельной политики того времени. Принятые попытки правового урегулирования процесса всеобщего межевания земель и приведения в соответствие границ землевладений в первой половине XVIII в. отразили в себе назревшие проблемы того времени – социальные, политические, экономические. Сложилась «двоякая» ситуация: с одной стороны, государство было заинтересовано в разрешении земельных вопросов, разрабатываются и принимаются нормативные акты, регулирующие земельные правоотношения, с другой стороны, отсутствие контроля за исполнением и дальнейшей реализацией принятых актов привело к «законодательной чехарде» – одни законы подменяли другие. В. О. Ключевский описывал сложившуюся ситуацию с состоянием правового регулирования земельных дел в стране следующим образом: «Земельный вопрос в России второй половины XVIII в. был в значительной степени вопросом о межевании, предпринятом с целью упорядочить дворянское землевладение, донельзя запутанное разновременными законами и неразумной практикой» [12, с. 293]. Предпринятые попытки валового (в масштабах государства) разграничения землевладений и упорядочивания земельных отношений основывались по сложившейся традиции на документах писцового делопроизводства и были связаны с проверкой прав владения землей. Появление новых правил геометрии относительно техники межевания не решило проблем в области земельных отношений и земельного правопорядка как из-за отсутствия кадрового состава, финансового обеспечения и общей неорганизованности работ и должного контроля со стороны государства, так и из-за отсутствия разработанной нормативно-правовой базы, регламентирующей общие правила проведения размежевания и установления границ.

Вслед за «аннинскими» межеваниями самой крупной попыткой в стремлении переломить состояние дел, сложившееся в правовом регулировании земельных правоотношений и нормативном закреплении земельного правопорядка в России середины XVIII в. и завершившее цепочку неудач, было елизаветинское межевание. Отметим, что, несмотря на наличие научных исследований как дореволюционного периода (И. Д. Беляев [13], М. Ф. Владимирский-Буданов [14]), так и современных (Е. В. Анисимов [15], А. А. Козлова [16], С. В. Ворошилова [17]), посвященных анализу реформ Елизаветы Петровны в области государственного управления, правовое обеспечение преобразований в сфере управления землепользованием, а также правовое регулирование валовых межеваний находятся вне круга зрения исследователей.

В начале царствования Елизаветы Петровны до принятия ряда узаконений о валовом межевании был принят целый ряд законодательных актов по разграничению земель в отно-

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Д. 772. Л. 379–449 об.

[2] В 1734 г. был издан первый Атлас Всероссийской империи.

шении конкретных территорий, что свидетельствует о частном характере работ по межеванию земель. Так, в 1744 г. принимается несколько указов[1], регулировавших возобновление работ по размежеванию земель Ингерманландии[2]. В 1745 г. издается указ[3] по уточнению границ вотчинных земель самой императрицы и их размежеванию от земель Новгородской губернии, впоследствии принимается узаконение от 1748 г., устанавливающее правила размежевания земель Новгородской губернии[4]. Историками работы по размежеванию вотчин императрицы оценивались как «довольно сложное и продолжительное межевание… Производилось в 40 и 50-х годах XVIII века» [18, с. 162]. В 1746 г. издается указ о размежевании и определении землевладений во всех городах в отношении земель, которые остались после служилых людей, излишних и пустых земель, сенных покосов и лесных угодий[5]. Указом от 1751 г. принимается решение о размежевании земель Вятской провинции[6].

Анализ содержания перечисленных актов позволяет говорить о том, что, во-первых, для указанных актов был свойственен в большей степени административный характер – узаконения предпринимались в целях общих задач государственного управления. В актах содержались, по сути, распоряжения о посыле межевщиков и о назначении ответственных лиц за проведение работ, при этом как таковых правовых норм, устанавливающих унифицированные, единые правила для размежевания и отвода земель, проведения процедур отмежевания земель различного назначения принято не было. Во-вторых, правовое регулирование земельно-распорядительных отношений основывалось, как и при Анне Иоанновне, на положениях ранее приятых актов – Соборном уложении и серии писцовых наказов 1681, 1683 и 1684 гг. При этом, несмотря на принятие отдельного узаконения от 1748 г., содержащего специальные нормы относительно правил межевания царских земель в Новгородской губернии, в тексте этого акта имеется несколько прямых отсылок к ранее принятым писцовым наказам: «…размежевать по писцовому наказу, ибо на то точные в наказе пункты…», «поступать по тому же писцовому наказу» и др.

Несмотря на принятие указанных законодательных актов по разграничению земель, причины, обусловившие проведение валового межевания по всей России в 1731 г., так и остались нерешенными и способствовали увеличению числа конфликтных ситуаций и крупных земельных беспорядков вследствие нарушения границ землевладений и споров по порядку землепользования. Поземельные споры для России первой половины XVIII в. были делом «обычном» и постоянно напоминали о себе, что в свою очередь понуждало государство принимать меры по урегулированию спорных земельных дел и восстановлению нарушенного землепользования. В основном предпринимаемые меры со стороны государства имели точечный характер и относились к конкретным случаям. Конечно, этими мерами было невозможно решить вопрос правового регулирования земельных отношений в пределах всего государства. Проблема в правовом регулировании земельных отношений того времени состояла главным образом в том, что в первую очередь законодательство должно было регулировать предупреждение возникновения земельных споров и тяжб, далее уже вырабатывать правовые механизмы и пути их разрешения. Своевременно принятые меры по определению и установлению границ землевладений упрощали процедуру межевания, а в дальнейшем «освобождали» землепользование от тяжб и земельных споров. В то же время межевание спорных участков (так называемое частное межевание) не всегда приводило к желаемому результату, так как

[1] О размежевании земель в Ингерманландии и о разделении по дачам Чухон и Латышей // ПСЗ-I. Т. XII. Ст. 8937 ; Инструкция, данная из Сената Генерал-майору Фермору, для размежевания земель в Ингерманландии // ПСЗ-I. Т. XII. Ст. 9024 ; О явке к межеванию земель в Ингерманландии владельцам или их поверенным с документами, к назначенному сроку и о непринимании в противном случае никаких от них жалоб // ПСЗ-I. Т. XII. Ст. 9195.

[2] Прежде эти работы были начаты генералом Кулоном в 1723 г.

[3] О назначении из Вотчинной Коллегии надежного чиновника с командою для размежевания казенных в Новгородской губернии земель от смежных монастырских и помещичьих // ПСЗ-I. Т. XII. Ст. 9218.

[4] О правилах межевания земель в Новгородской губернии // ПСЗ-I. Т. XII. Ст. 9540.

[5] Об отправлении во все Губернии и Провинции нарочных из отставных Штаб- и Обер-офицеров и при них Геодезистов с кондукторами для приведения в известность и учинения обстоятельной описи земель и всяких угодий // ПСЗ-I. Т. XII. Ст. 9361.

[6] О размежевании земель Вятской Провинции // ПСЗ-I. Т. XIII. Ст. 9876.

в большинстве случаев порождало новые споры по границам. Нельзя не учитывать тот факт, что разрешение частных жалоб по земельным спорам представляло для правительства дополнительную финансовую нагрузку.

Увеличение народонаселения страны и развитие торговых отношений с Западом к 1750 г. обусловили повышение значимости поземельной собственности в России, что в свою очередь требовало модернизации законодательства в области землепользования. Так, со времени последней серии писцовых наказов, которые, по сути, были основными источниками правового регулирования земельно-распорядительных отношений, а также технической части межевого процесса, прошло более полувека. За это время возросло количество новых землевладений, которые требовали межевания и установления границ, при этом старые писцовые межевания нуждались в пересмотре и пересчете. Отсутствие обновленного земельного законодательства отрицательно сказывалось, как отмечал И. Е. Герман, на «спокойствии поземельных владений в государстве, порождая умышленные и неумышленные завладения, споры, драки, убийства на межах» [9, с. 314]. Государственные (казенные) земли при отсутствии четко определенных и описанных границ не могли приносить государству ожидаемого дохода в казну, так как в большинстве случаев эти земли даже не были известны государству, а также «они легко служили к появлению самовольных заимок, поселений, расчисток, завладений за межей» [9, с. 314]. Таким образом, анализ исторических и социальных фактов показывает, что к началу второй половины XVIII в. остро возросла необходимость в разработке и принятии новых механизмов правового регулирования земельных отношений. Этому способствовали, с одной стороны, интересы частных землепользователей (споры по границам, судебные тяжбы), с другой стороны, государственные интересы, «страдавшие» от самовольных захватов государственных земель и непоступления средств в казну.

Земельные вопросы, которые ранее не давали о себе знать, да и в целом вся сложившаяся ситуация в землепользовании периода правления Елизаветы Петровны, «шли» в разрез с интересами государства, что требовало принятия быстрых и взвешенных решений. Здесь в качестве примера следует привести несколько случаев земельных беспорядков, произошедших при размежевании земель. Один из таких случаев имел место в 1745 г. при размежевании земель императрицы и описан И. Е. Германом в труде, посвященном истории межевания в России: «При производстве этого межевания произошли крупные беспорядки на межах, во время которых было перебито и переранено много людей» [18, с. 162]. Но наиболее «ярким» случаем, отразившим острую необходимость принятия мер общегосударственного уровня по урегулированию земельного вопроса, является случай, произошедший в 1750 г. в Каширском уезде, широко описываемый исследователями. «На сенных покосах Еропкина, дворовыми людьми и крестьянами Архарова и княгини Львовой, в произошедшей драке из-за меж было убитого 26 человек» [9, с. 312; 19, с. 11]. Данное событие впоследствии было отражено в узаконении Елизаветы Петровны от 24 января 1752 г.[1] Отметим, что этот указ можно расценить как «подтверждение» ранее изданного указа Анны Иоанновны от 1731 г.[2] о наказании смертью за убийства на межах, а битьем кнутом, вырезанием ноздрей – за драку, что подтверждается упоминанием этого документа в тексте указа 1752 г.: «по объявленному прежде опубликованному в народ указу от 28 июня 1731 года». Таким образом, можно говорить о том, что убийства на межах помещика Еропкина послужили толчком для правительства к возобновлению проведения работ по всеобщему межеванию земель государства и подготовки нормативных актов по установлению правил межевания. Проведение валового межевания стало тем самым правовым механизмом для урегулирования и упорядочивания земельных отношений, с помощью которого государство было намерено навести порядок в земельных отношениях страны.

28 февраля 1752 г. издается Манифест императрицы Елизаветы Петровны о проведении генерального межевания территорий государства. В тексте Манифеста четко прослеживаются

[1] О нечинении на спорных землях спор и драк // ПСЗ-I. Т. XIII. Ст. 9932.

[2] О посылке межевщиков во все губернии и провинции для размежевания земель, дабы через это прекратить споры по землям // ПСЗ-I. Т. VIII. Ст. 5793.

мотивы, послужившие основанием для возобновления работ по валовому межеванию: «Дворянство и всякие владельцы недвижимых имений, обидимые лишением подлежащих им земель, удовольствованы справедливостью без обиды были; и для того в рассуждениях оных и ради пресечения доныне в спорах и в завладении земель происходящих убийств, а во взыскании того кровопролитных следствий, попечительно о Государственном межевании Всемилостейшивый соизволяет, чтоб тем не медлить»[1].

В целях обеспечения проведения работ по Манифесту 1752 г. разрабатывается и утверждается нормативный акт от 13 мая 1754 г., регулирующий порядок проведения валового межевания, – Инструкция для государственного межевания земель[2] (далее по тексту – Межевая инструкция 1754 г.). Разработке и официальному утверждению Межевой инструкции 1754 г. предшествовало письмо П. И. Шувалова в Сенат от 20 января 1752 г., в котором отмечалось, что отсутствие правовой основы в упорядочивании земельных отношений приводит к многочисленным обидам и убийствам среди землевладельцев[3]. П. И. Иванов отмечал, что при составлении Межевой инструкции 1754 г. «было вменено в обязанность сочинить Инструкцию на основании Уложения, Писцовых наказов, и Указов по примеру размежевания земель в Ингерманландии. Для составления таковой Инструкции, Собрание или Комиссия прежде всего занялась рассмотрением делопроизводства по сочинению Инструкции валовым межевщикам по Указу 1731 года» [10, с. 54]. В современной научной литературе исследователями отмечается, что главная «идея» этого документа заключалась в укреплении поземельных прав помещиков, для достижения которой размежевание земель было одним из ключевых мероприятий [20, с. 24; 21, с. 159].

Анализ статей Межевой инструкции 1754 г. показывает, что в части правовых (юридических) основ закрепления землевладений она основывалась главным образом на положениях Писцового наказа 1684 г. Положения Межевой инструкции 1754 г., относящиеся к технической части межевого процесса, были изложены в соответствии с «научным знанием», т.е. основывались на межевании геометрическом с использованием математических инструментов. Со времен правления Петра I положение землевладельцев претерпело определенные изменения, связанные прежде всего с ликвидацией поместной системы землевладения со слиянием вотчин и поместий. Принятые ранее узаконения в области размежевания земель и земельно-распорядительных отношений основывались на прежнем порядке землевладения, предусматривающем вотчинную и поместную формы землевладений. Таким образом, при разработке Межевой инструкции 1754 г. законодателем не были учтены произошедшие изменения в правом регулировании земельных отношений, за основу при составлении инструкции были положены статьи Писцового наказа 1684 г. Историками права также (В. П. Мордухай-Болтовский) отмечалось, что «правила межевой инструкции не имели в сущности ничего нового по отношению к юридической стороне межевания, но ими были приведены в систему прежние межевые постановления. Что возникло прежде из жизни, сложилось обычаем, установилось силою обстоятельств, но уже потеряло значение необходимости, инструкция обратила в строгий действующий закон» [22, с. 25].

Межевой инструкцией 1754 г. вводились нормы об установлении контроля со стороны государства за деятельностью межевщиков. С этой целью были образованы новые государственные органы – межевые канцелярии, что для того времени было новеллой в законодательстве и возвело процедуру межевания земель в ранг дел государственной важности.

Основными целями Межевой инструкции 1754 г. были официальное (юридическое) закрепление границ землевладений, как частных, так и государственных, приведение их в известность, установление правового статуса земель, а также выявление примерных земель. Отметим здесь, что согласно сложившимся правилам старых писцовых наказов Межевая инструкция 1754 г. предусматривала обязательную ревизию и проверку прав владения землей, проверку

[1] О приготовлении документов и планов на земли по случаю имеющаго быть генерального межевания // ПСЗ-I. Т. XIII. Ст. 9948.

[2] Инструкция межевщикам от 13 мая 1754 г. // ПСЗ-I. Т. XIV. Ст. 10 237.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 82. Д. 6740. Л. 71–71 об.

законности перехода прав от одних лиц к другим «за всеми вотчинниками земли писать и межевать по дачам и по жалованным, и по правовым, и послушным, и по ввозным грамотам и по выписям из раздельных и отказных книг, и по данным с дел копиям, которые даны из Поместного приказа и из Вотчинной Коллегии…»[1] Поземельная документация, на которую ссылается законодатель в указанной норме, к моменту начала проведения межеваний Елизаветы Петровны была давно устаревшей и не могла способствовать обстоятельному проведению работ. Историками отмечалось: «Подчас проверка была вообще невозможна, так как многие крепости не содержали никаких обозначений, размеров тех или иных владений… старая крепостная документация представляла собой крайне запутанное, сложное скопление обветшавших во всех отношениях документов» [19, с. 14]. Тем не менее правительство, разрабатывая и утверждая Межевую инструкцию 1754 г., не отказывается от «идеи» обращения к документам писцового делопроизводства и старым крепостям. Используя механизм «сверки» имеющейся поземельной документации с данными по фактическому землевладению, правительство преследовало прежде всего цель выявления примерных земель и решения их дальнейшей судьбы. Здесь необходимо особо отметить, что положения Межевой инструкции 1754 г. о примерных землях более строгие, чем положения Писцового наказа 1684 г. Так, Межевой инструкцией 1754 г. предписывалось в случае выявления примерных земель разделить последние между смежными владельцами, при этом за каждую десятину земли полагалось вносить определенную сумму в казну. Таким образом, принцип «редукции и ревизии земель», положенный в основу валовых межеваний Елизаветы Петровны, преследовал несколько целей – выявление массива незаконно используемых земель (примерных земель), пополнение казны за счет решения вопроса с предоставлением примерных земель.

Началось межевание с Московской губернии, при этом шло оно очень медленно. Как отмечал И. Е. Герман, «оно не шло на деле и оставалось мертвой буквой в законодательстве» [9, с. 379]. На самом начальном этапе выполнение работ валовых межеваний Елизаветы Петровны породило множество земельных споров между землевладельцами. Последние зачастую проявляли сопротивление при проведении обмежевания их дач. Должного успеха и приведения в порядок земельных дел, как того ожидало правительство, Межевая инструкция 1754 г. и валовое межевание Елизаветы Петровны не принесли. Историками приводятся конкретные данные о количестве обмежеванных территорий за период с 1754 по 1762 г. – 359 дач с количеством земли 57 319 десятин [9, с. 379; 10 с. 59]. Такими результатами закончилась попытка императрицы Елизаветы Петровны урегулировать земельные отношения посредством валового межевания земель страны.

Причины провала елизаветинского межевания кроются в организационной составляющей самого процесса – нехватке инструментов, средств, оборудования, специалистов; в социальных факторах – незаинтересованность и отрицательное отношение к проводимым работам со стороны землевладельцев. Сильное сопротивление со стороны землевладельцев было вызвано «неполным» решением вопроса с примерными землями и их частичной передачей в собственность, что объяснялось боязнью помещиков лишиться большей части своих земель вследствие проверки земельных крепостей; крестьяне опасались, что большая часть их земель перейдет в казну государства. Несомненно, также одна из решающих причин неуспеха межеваний Елизаветы Петровны заключалась в использовании устаревшей поземельной документации, которая в большинстве случаев не отражала фактического состояния дел.

Суммируя изложенное, подведем итоги настоящего исследования.

В валовых межеваниях Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны проявились как проблемы, так и достижения России первой половины XVIII в. К достижениям валовых межеваний следует отнести переход к геометрическому описанию земель, основанному на научном знании. Проблемы, сопровождавшие проведение работ, главным образом были связаны с разработкой нормативно-правовых актов, регулирующих земельно-распорядительные отношения и размежевания земель, с архаичностью норм и правил, основывавшихся на межевых

[1] Инструкция межевщикам от 13 мая 1754 г. Гл. XII, п. 1 // ПСЗ-I. Т. XIV. Ст. 10237

узаконениях, принятых более полувека назад. Так, ранее принятыми межевыми законами в своем основании предусматривалась проверка поземельных прав на дачи, которая соединяла в себе техническую часть – установление границ землевладений и юридическую часть – закрепление и установление прав на них. В проведении валовых межеваний 1731 и 1754 гг. также был заложен принцип «каждый должен владеть лишь той землей, которая принадлежит ему по праву». Но при этом юридические основания для проверки прав на землевладения разнятся: Межевой инструкцией 1754 г. устанавливались иные причины для ревизии поземельной документации, чем в узаконениях XVII в. Тогда необходимость проверки прав вытекала из самого существа поместной системы служилого землевладения – посредством проверки документации государство контролировало отвод земель и их дальнейшее использование; помещики и вотчинники твердо знали, что объем их поземельных прав зависел от их службы государю. При Елизавете Петровне поместная система была уже ликвидирована, тем самым условия поземельных отношений изменились. Многими землевладельцами ко времени межеваний Елизаветы Петровны уже не усматривался исторический аспект возникновения поземельных прав (земли были предоставлены за службу государю), в сознании землевладельцев зарождался новый принцип – по давности владения землей. Разрабатывая и принимая узаконения в отношении валового межевания 1754 г., правительство рассчитывало на то, что каждый будет владеть тем, что ему принадлежит на законных основаниях. В этом и заключалась главная неудача межеваний Елизаветы Петровны. Также усматривается стремление правительства вернуть в государственную казну примерные земли и обозначить их правовой статус как земель казенных.

Межевая инструкция 1754 г. и сложившийся подход к реализации проведения размежевания земель требовали проведения коренных реформ и пересмотра сформировавшейся системы правового регулирования применительно к новым условиям. Впоследствии накопленный опыт в вопросах правового регулирования земель и результаты внедрения принятых ранее правовых механизмов будут взяты за основу развития и совершенствования земельной политики государства Екатериной II. В целом развитие института межевания времен Елизаветы Петровны можно охарактеризовать как переходное время от узаконений в области землевладения и межевания XVII в. к новому этапу развития поземельных отношений и проведения земельной реформы Екатериной II.

Список литературы

1. Неволин К. А. Об успехах государственного межевания в России до императрицы Екатерины II. СПб., 1847. 188 с.

2. Упоров И. В., Демьяненко М. А. Особенности развития российского законодательства в период правления Анны Иоанновны // Дневник науки. 2023. № 1 (73). С. 65. EDN: MVMOTH

3. Мурашов И. Ю. Властные полномочия российского монарха в правление Елизаветы Петровны : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02. Омск, 2010. 26 с. EDN: QHERAP

4. Упоров И. В., Шеуджен Н. А. Законодательство Российской империи в период правления Анны Иоанновны: содержание и основные тенденции развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 153–160. EDN: ZROTJP

5. Голубинский А. А. Российская картография первой половины XVIII в.: Ингерманландское межевание // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 365–372. EDN: MHTKZI

6. Павлова И. П., Павлов П. А. «Каждый двадцатый должен быть казнён по жребию»: казусы по вопросам межевания земель как основа земельного законодательства российской империи XVIII века // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2 (32). С. 111–122. doi: 10.36718/2500-1825-2024-2-111-122 EDN: MBYNNY

7. История землеустройства и инвентаризации в России: научно-популярные очерки : монография / А. Г. Анисимов, С. В. Гришачев, А. Н. Медведь, С. В. Покровская. М. : Деловые консультации, 2009. 208 с. EDN: QTGEJZ

8. Якушкин В. Е. Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX в. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1890. 204 с.

9. Герман И. Е. История межевого законодательства от Уложения до Генерального межевания (1649–1765). М. : Тип. И. Я. Полякова, 1893. 380 с.

10. Иванов П. И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М. : Тип. С. Селивановского, 1846. 168 с.
11. Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. / отв. ред. А. И. Юхт. М. : Наука, 1990. 436 с.
12. Ключевский В. О. Русская история : монография. М. : Эксмо, 2005. 912 с.
13. Беляев И. Д. Русское общество от кончины Петра Великого до Екатерины II // Библиотека для чтения. М. : Тип. Имп. акад. наук, 1865. № 3. С. 57–97.
14. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права : монография. М. : Директ-Медиа, 2012. 340 с. EDN: SUSSNH
15. Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М. : Молодая гвардия, 1999. 426 с. EDN: XMFHFZ
16. Козлова А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных историков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Омск, 2003. 219 с. EDN: NMGHDN
17. Ворошилова С. В. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны в контексте отечественных правовых традиций // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 214–222. doi: 10.24412/1608-8794-2021-3-214-222 EDN: PWOODW
18. Герман И. Е. История русского межевания. М. : Типо-лит. В. Рихтер, 1907. VIII. 299 с.
19. Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. 312 с.
20. Горохова К. Н. Межевание в XVIII в. как фактор укрепления монопольных прав помещиков на земельные владения // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 25–1. С. 23–27. EDN: VVETJF
21. Рулев М. С. Реформы межевания и межевого суда в XVIII веке: проблемы и результаты // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 4 (28). С. 159–166. EDN: RVWOAZ
22. Мордухай-Болтовский В. П. Межевые законы с изложением и объяснением. СПб. : Паровая скоропечатня П. О. Явлонского, 1893. 189 с.

References

1. Nevolin K.A. *Ob uspekhakh gosudarstvennogo mezhevaniya v Rossii do imperatritsy Ekateriny II = On success of state land surveying in Russia before Empress Catherine I*. Saint-Petersburg, 1847:188. (In Russ.)
2. Uporov I.V., Dem'yanenko M.A. Features of the development of Russian legislation during the reign of Anna Ioannovna. *Dnevnik nauki = Science diary*. 2023;(1):65. (In Russ.)
3. Murashov I. Yu. *The powers of the Russian monarch during the reign of Elizaveta Petrovna: PhD abstract*. Omsk, 2010:26. (In Russ.)
4. Uporov I.V., Sheudzhen N.A. Legislation of the Russian Empire during the reign of Anna Ioannovna: content and main development trends. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2017;(10):153–160. (In Russ.)
5. Golubinskiy A.A. Russian cartography of the first half of the 17th century: Ingrian Finnish land surveying. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya = Rus, Russia. Middle Ages and Modern Times*. 2019;(6):365–372. (In Russ.)
6. Pavlova I.P., Pavlov P.A. “Every twentieth person must be executed by lot”: land surveying cases as the basis of land legislation of the Russian Empire of the 18th century. *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal = Social, economic and humanitarian journal*. 2024;(2):111–122. (In Russ.). doi: 10.36718/2500-1825-2024-2-111-122
7. Anisimov A.G., Grishachev S.V., Medved' A.N., Pokrovskaya S.V. *Istoriya zemleustroystva i inventarizatsii v Rossii nauchno-populyarnye ocherki: monografiya = History of land management and inventory in Russia popular science essays: monograph.* Moscow: Delovye konsul'tatsii. 2009:208. (In Russ.)
8. Yakushkin V.E. *Ocherki po istorii russkoy pozemel'noy politiki v XVIII i XIX v. = Essays on the history of Russian land policy in XVIII and XIX centuries*. Moscow: Tip. A.I. Mamontova i K°. 1890:204. (In Russ.)
9. German I.E. *Istoriya mezhevogo zakonodatel'stva ot Ulozheniya do General'nogo mezhevaniya (1649–1765) = History of land surveying legislation from the Code to the General Land Survey (1649–1765).* Moscow: Tip. I. Ya. Polyakova, 1893:380. (In Russ.)
10. Ivanov P.I. *Opyt istoricheskogo issledovaniya o mezhevanii zemel' v Rossii = Experience of historical research on land surveying in Russia*. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo, 1846:168. (In Russ.)

11. Tatishchev V.N. *Zapiski. Pis'ma, 1717–1750 gg. = Notes. Letters, 1717–1750*. Moscow: Nauka, 1990:436. (In Russ.)
12. Klyuchevskiy V.O. *Russkaya istoriya: monografiya = Russian history: monograph*. Moscow: Eksmo, 2005:912. (In Russ.)
13. Belyaev I.D. Russian society from the death of Peter the Great to Catherine I. *Biblioteka dlya chteniya = Library for reading*. 1865;(3):57–97. (In Russ.)
14. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava: monografiya = Review of the history of Russian law: monograph*. Moscow: Direkt-Media, 2012:340. (In Russ.)
15. Anisimov E. V. *Elizaveta Petrovna = Elizaveta Petrovna*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1999:426. (In Russ.)
16. Kozlova A.A. *Russian Empress Elizaveta Petrovna assessed by domestic historians: PhD dissertation*. Omsk, 2003:219. (In Russ.)
17. Voroshilova S.V. Legislation of Empress Elizaveta Petrovna in the context of domestic legal traditions. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*. 2021;(3):214–222. (In Russ.). doi: 10.24412/1608-8794-2021-3-214-222
18. German I.E. *Istoriya russkogo mezhevaniya = History of Russian land surveying*. Moscow: Tipo-lit. V. Rikhter, 1907;VIII:299. (In Russ.)
19. Milov L.V. *Issledovanie ob «Ekonomicheskikh primechaniyakh» k General'nomu mezhevaniyu: (K istorii russkogo krest'yanstva i sel. khozyaystva vtoroy poloviny XVIII v.) = Research on the "Economic Notes" to the General Land Survey: (On the history of the Russian peasantry and agriculture in the second half of the 17th century)*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1965:312. (In Russ.)
20. Gorokhova K.N. Land surveying in the 17th century as a factor in strengthening the monopoly rights of landowners to land holdings. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike = Priority research areas: from theory to practice*. 2016;(25–1):23–27. (In Russ.)
21. Rulev M.S. Reforms of land surveying and land survey court in the 17th century: problems and results. *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University*. 2013;(4):159–166. (In Russ.)
22. Mordukhay-Boltovskiy V.P. *Mezhevye zakony s izlozheniem i ob"yasneniem = Land survey laws with a statement and explanation*. Saint Petersburg: Parovaya skoropechatnya P.O. Yavlonskogo, 1893:189. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Е. В. Зазолина – старший преподаватель кафедры юриспруденции, Государственный университет «Дубна», 141980, Московская область, г. Дубна, ул. Университетская, 9. ORCID: https://orcid.org/0009-0000-6032-4064

E.V. Zazolina – Senior lecturer at the Department of Jurisprudence, Dubna State University, 9 Universitetskaya street, Dubna, Moscow Region, 141980. ORCID: https://orcid.org/0009-0000-6032-4064

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 13.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.04.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 342.92
EDN: YIIJCS
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-4

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ (В IX–XX вв.)

Кирилл Сергеевич Кротов

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия
kirillkrotov@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Процессуальное законодательство об административных правонарушениях, будучи неотъемлемой частью системы административного принуждения, требует значительного внимания к своим закономерностям и особенностям, выявление которых возможно посредством рассмотрения исторического процесса, что имеет ключевое значение для определения перспектив дальнейшего развития названного направления правовой политики. Исследование первых примеров, содержащих отдельные признаки современных нормативных положений об административных правонарушениях вместе с динамикой их развития, представляет значительный научный интерес для выявления общих тенденций к совершенствованию сегодняшнего процессуального законодательства об административной ответственности и административном принуждении вообще. Рассмотрен именно досоветский период, так как в это время появились первые памятники российского права, отдельные положения которых входят в предмет настоящего исследования. *Материалы и методы*. Применительно к различным примерам нормативных актов различных исторических периодов и точкам зрения исследователей по связанным вопросам применены исторический, диалектический и формально-правовой анализ, в том числе в отношении наиболее ранних примеров нормативного регулирования, содержащих лишь отдельные признаки современной административной ответственности. *Результаты*. Выявлены характерные особенности становления и развития процессуального законодательства об административных правонарушениях. Представлен анализ мнений исследователей о досоветском периоде исторического развития России. Показаны становление и развитие процессуального законодательства об административных правонарушениях, а также характерные сложности в соответствующем нормативном регулировании. *Выводы*. Предложена авторская периодизация развития процессуального законодательства об административных правонарушениях и высказаны соображения о возникновении отдельных признаков современной административной ответственности.

Ключевые слова: процессуальное законодательство об административных правонарушениях, административная ответственность, административное принуждение, история административной ответственности, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, законодательство Древней Руси, законодательство имперского периода, законодательство советского периода

Для цитирования: Кротов К. С. Зарождение процессуального законодательства об административных правонарушениях (в IX–XX вв.) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 35–43. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-4 EDN: YIIJCS

© Кротов К. С., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

THE ORIGIN OF THE PROCEDURAL LEGISLATION ON ADMINISTRATIVE OFFENCES (IX–XX)

Kirill S. Krotov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
kirillkrotov@mail.ru

Abstract. *Background*. Procedural legislation on administrative offences, as an integral part of the system of administrative coercion, requires significant attention at its specific features, which is possible by means of considering historical development and has the key significance for determining prospects of further development. The consideration of the first examples, containing certain attributes of contemporary legal conditions on administrative violations together with the dynamics of its development, have a significant scientific interest for indicating common trends of development of today's procedural legislation on administrative liability and administrative coercion in general. It is the pre-Soviet period that the author pointedly considers, because in this period the first records of Russian law appear, which include certain parts of the topic of this research. *Materials and methods*. Different examples of legal acts of different historical periods and scientists' points of view were considered by means of historical, dialectical and formal legal analysis of legal rules, regulating the process of executing legal conditions of administrative liability, including the earliest examples of legal regulation with just certain specific features of contemporary administrative liability. *Results*. Specific features of the formation and development of the procedural legislation on administrative offences are determined and scientific works during the pre-Soviet period of the historical development of Russia are analyzed. *Conclusions*. The author suggests periodizing the development of the procedural legislation on administrative offences and some thoughts about origin of certain attributes of contemporary administrative liability.

Keywords: procedural legislation on administrative offences, administrative liability, administrative coercion, history of administrative liability, Russian Code of the Administrative Offences, legislation of Ancient Rus', legislation of imperial period, legislation of the Soviet period

For citation: Krotov K.S. The origin of the procedural legislation on administrative offences (IX–XX). *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):35–43. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-4

Административная ответственность представляет собой один из важнейших рычагов государственного управления, будучи неотъемлемой частью механизма административного принуждения. Как и в случае с остальными видами и подвидами государственного принуждения, процесс применения административной ответственности инициируется при недостаточности либо невозможности применения мер убеждения, должных сформировать отвечающую требованиям правовых и неправовых норм модель поведения, и направлен на принуждение к такому поведению через меры административного наказания, ограничивающие различные права индивидуальных и коллективных субъектов. С учетом масштабов предмета административного права, определяющего диапазон направлений контрольно-надзорной деятельности и формирующего круг субъектов административной юрисдикции, в совокупности составляющих контуры многообразных составов административных правонарушений и связанных с ними административных материальных и процессуальных норм, очевидна высокая актуальность исследования порядка применения норм об административной ответственности. Общее требование формальной определенности правовых норм в этом смысле

© Krotov K.S., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

проявляется сразу с двух сторон, первой из которых является правоограничительная направленность соответствующих норм, должная оставаться в строгих рамках, а вторая, неразрывно связанная с первой, – правонаделительная сущность ряда норм об административной ответственности, наделяющих определенные органы власти и их должностных лиц полномочиями по применению соответствующих правоограничений.

С учетом показанного пересечения частных и публичных интересов, лежащего в основе любого примера государственного принуждения, не вызывает сомнения необходимость погружения в сущность процессуального законодательства об административных правонарушениях с целью определения его теоретических основ, отправной точкой которого выступает исследование вопроса об истории становления рассматриваемого законодательства.

Говоря об этапе зарождения правовых основ административной ответственности, необходимо отметить характерный признак юридической ответственности вообще, заключающийся в сохраняющемся до определенного этапа отсутствии современной дифференциации ответственности по отраслям права. С одной стороны, это объясняется становлением и эволюцией самих отраслей права, с другой – уровнем развития общественных отношений и регулирующего их законодательства, которые менялись на протяжении исторического развития Российского государства и общества. В этом смысле не всегда приходится говорить о правовом регулировании именно *административной* ответственности, так как правовая ответственность лишь по мере развития общественных отношений стала дифференцироваться по отраслям, наполняясь особенностями материальных и процессуальных норм.

Первый этап развития законодательства об административной ответственности можно определить как предварительный, характеризующийся фактическим отсутствием цельного законодательства, регулирующего вопросы применения не только административной, но и юридической ответственности в принципе. В то же время фактически меры наказания за правонарушения небольшой тяжести (такие как мелкие кражи, нецензурная брань, оскорбление) или «проступки» применялись уже в IX в., на заре формирования современной российской государственности. Как отмечает Ф. П. Васильев, с 862 по 1533 г. в России правило более 50 князей, каждый из которых утверждал собственные нормы, устанавливающие порядок применения мер ответственности [1, с. 37]. Это, с одной стороны, указывает на вневременную востребованность данных мер в публичном управлении, но с другой – позволяет сделать вывод о значительном разобщении законодательства, очевидно подчиненного интересам местных правителей и не устанавливающего единых принципов и процессуальных гарантий, призванных обеспечить эффективное и справедливое разбирательство по делу. Кроме того, на данном этапе фактически отсутствовало современное разделение ответственности по отраслям, в частности, на такие виды, как уголовная и административная, а производство велось в основном в устном порядке в связи с невысоким уровнем развития письменности [2, с. 171–172]. Репрессивный, карательный характер мер принуждения того времени обусловливал их правовое регулирование, прежде всего, в уголовно-правовых рамках, где во главу угла ставились наиболее тяжкие преступления, наказанием за совершение которых выступали телесные наказания либо смертная казнь. Такой предварительный этап развития рассматриваемого законодательства, условно начавшись в IX в., в XI в. с принятием «Русской правды» – первого кодифицированного сборника правовых норм, регулирующего различные сферы общественных отношений, сменился начальным этапом, что стало важным шагом на пути к формированию единообразной правовой системы.

Ряд статей Русской правды устанавливал штрафные санкции за совершение правонарушений небольшой тяжести. Например, «если человек пихнет человека от себя или к себе, или ударит палицей или палкой ударит, то (платить) 3 гривны штрафа» (л. 71); «если господин обидит закупа, причинит ущерб, отнимет (имущество), причинив вред его купе или отарице, то все это ему вернуть и уплатить за обиду 60 кун (л. 75)»[1]. В то же время отраслевая

[1] Русская правда // Российская национальная библиотека (Отдел рукописей) : сайт. URL: https://expositions.nlr.ru/ruspravda/text.php?st=59 (дата обращения: 25.07.2024).

специализация по-прежнему не характеризовала названный нормативный акт; низкий в то время уровень развития письменности определял преимущественно устный порядок ведения дела [1, с. 38]. Кроме того, сохранялась проблема децентрализации нормативного регулирования, обусловленная отсутствием единства в реализации государственной политики. Как отмечают исследователи, правовая ответственность по-прежнему носила в то время преимущественно уголовно-правовой, репрессивный характер [3, с. 41], однако размер наказания мог варьироваться с учетом обстоятельств дела. Например, «(если) кто вырвет (у кого) клок бороды и останется знак (от этого), к тому же будут свидетели, то (платить) 12 гривен штрафа; если свидетелей не будет, а (будет) только (одна) жалоба, то князю штрафа не платить» (л. 76)[1]. Данный подход сохранялся и в более поздних нормативных документах, содержащих положения о правовой ответственности, среди которых Двинская уставная грамота 1397 г., Белозерская уставная грамота 1488 г. и некоторые другие. В данном контексте следует отметить позицию П. И. Кононова, который указывает, что «начиная с середины XIV в. и в течение всего XV в. в пределах территории Северо-Восточной Руси происходило формирование основ публичного правопорядка, в том числе основ административного права, обусловленное процессом объединения русских княжеств под властью великого князя Московского и созданием централизованного государства» [4, с. 72]. Примечательно в этом отношении принятие Судебника 1497 г., в котором правовая ответственность приобрела черты публично-правовой, предусматривая наказание не только перед тем, кому был причинен вред, но и перед государством в целом [5, с. 87; 6, с. 56]. Как справедливо отметил Ф. П. Васильев, принятие данного документа стало важным шагом в формировании единых правовых норм, регламентировав ряд процессуальных вопросов применения правовой ответственности. И несмотря на сохраняющееся слияние административной и уголовной ответственности, здесь проявляется установление процессуальных правил производства по делу и доказывания по нему, создание специальных судов и следственных органов, применяющих меры принуждения [1, с. 39]. Дальнейшая детализация данных вопросов наблюдалась также в Судебнике 1550 г. и Уложении о судебных делах 1628 г. Исследователи также указывают на вторую половину XVII в. как на период издания актов, предусматривающих публично-правовые взыскания в пользу государя за нарушение правовых запретов, незаконную продажу лошадей, лжесвидетельство в отношении имущества поместий, нарушение правил уплаты платежей за перевозы. На данном этапе сохранялась проблема отсутствия четкого отраслевого разделения ответственности вместе с проблемами систематизации и непротиворечивости соответствующих законодательных положений [3, с. 41].

О постепенном отделении административной ответственности от уголовной можно говорить начиная с конца XVIII в. В подтверждение данного тезиса А. Ю. Соколов приводит в пример принятые Екатериной II указ «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» (1781 г.) и «Устав благочиния» (1782 г.), положения которых установили ответственность за такие мелкие правонарушения, как кража или мошенничество до 20 руб., собирание милостыни и иные нарушения, за совершение которых применялся штраф [7, с. 77]. Такие взыскания (предусмотренные, в частности, Уставом благочиния), как пени, арест, содержание в исправительном и рабочих домах, справедливо относятся исследователями к мерам полицейской ответственности, аналогичной по своим признакам внесудебной административной ответственности [2, с. 41]. Не соглашаясь с данной позицией, исследователи указывают, что названные нормативные акты не содержат разделения наказаний на уголовные и административные в связи с тем, что дифференциация таких наказаний, как и видов ответственности, осуществлялась исходя из целесообразности применения в конкретном вопросе, всецело подчиняясь воле законодателя. Единая политика регулирования правовой ответственности, в свою очередь, стала прослеживаться начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в тексте которого правона-

[1] Русская правда // Российская национальная библиотека (Отдел рукописей) : сайт. URL: https://expositions.nlr.ru/ruspravda/text.php?st=59 (дата обращения: 25.07.2024).

рушения были разделены на преступления и проступки. Под последними в данном документе понималось «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности или пользы» [8, с. 94; 9, с. 68–69]. Как отмечают авторы, в данном документе можно обнаружить отдельные меры, сходные с современными мерами административного принуждения, в частности с запретом осуществления деятельности, а именно: лишение таких специальных прав, как право изготовления и реализации провизии и напитков, посуды, продажи ядовитых и сильнодействующих веществ, право управления и содержания аптек, гостиниц, финансовых организаций и т.д. [10, с. 57].

А. В. Кирин в контексте вопроса о моменте становления административной ответственности указывает отмену крепостного права 1861 г. и последовавшую за ним судебную реформу 1864 г. [11]. Отмена крепостного права повлекла ряд социально-экономических последствий для российской государственности, в том числе необходимость правового регулирования общественных отношений, в которые вступали «свободные сельские обыватели», ранее нуждавшиеся в разрешении помещиков на совершение юридически значимых действий. В этой связи логично и своевременно внимание законодателя к нормам об ответственности не только за преступления, но и за различные проступки. К наиболее существенным достижениям Судебной реформы 1864 г. в контексте рассматриваемой темы исследователями относятся реализация доктрины разделения властей, ознаменовавшая разделение процессуальных функций, а также разграничение уголовного процесса на досудебное и судебное производства [12, с. 122]. Свод законов Российской империи в т. 15 («Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г.) предусматривал такие наказания, как выговор, замечание, внушение, денежные взыскания не более трехсот рублей, арест на срок не свыше трех месяцев, заключение в тюрьме на срок не более полутора лет [13, с. 214]. Данные наказания назначались мировыми судьями и меры ответственности характеризовались меньшей, по сравнению с уголовными наказаниями, строгостью, что в совокупности позволяет условно говорить о первичном правовом регулировании административной ответственности в досоветский период [3, с. 42]. Сохранилась тенденция к разделению ответственности на виды – в названном документе примерно половина составов и наказаний сопоставима с современными административными правонарушениями и административными наказаниями. Например, одним из результатов крестьянской реформы стало создание волостного суда, рассматривающего дела о совершении крестьянами маловажных проступков, за которые предусматривались такие наказания, как арест на 7 дней, общественные работы до 6 дней, штраф до 3 руб. или порка розгами до 20 ударов [5, с. 90–91].

Положения Свода законов Российской империи 1885 г., с одной стороны, уравнивают категории «преступление» и «проступок», однако разграничивают наказания за их совершение, суть которых позволяет провести аналогию с современными уголовными и административными наказаниями. Так, преступлением или проступком признается как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания предписано законом. «За преступления и проступки, по роде и мере важности оных, виновные подвергаются наказаниям уголовным или исправительным»[1].

Согласно положениям т. XV, с. 3, ст. 30, к исправительным наказаниям относятся:

1) отдача на время в исправительные арестантские отделения, с лишением всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию или званию осужденного ему присвоенных;

2) временное заключение в тюрьме, с лишением всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию или званию осужденного ему присвоенных;

3) временное заключение в крепости, с лишением лишь некоторых особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию осужденного ему присвоенных, или же без их лишения, смотря по роду преступления и мере вины;

[1] Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ : в 16 т. Т. XV, разд. 1, гл. 1, отд. 1 (1885) / Свод законов Российской Империи // Законодательство России : сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire (дата обращения: 14.02.2025).

4) временное заключение в тюрьме, с лишением лишь некоторых особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию осужденного ему присвоенных;

5) временное заключение в тюрьме, в определенных рядом статей случаях дворяне, священнослужители, монашествующие и почетные граждане подвергаются заключению в тюрьме с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ;

6) кратковременный арест;

7) выговоры в присутствии суда;

8) замечания и внушения от мест судебных или правительственных;

9) денежные взыскания.

Том XV, с. 3, ст. 16 к уголовным наказаниям относит:

1) лишение всех прав состояния и смертную казнь;

2) лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы;

3) лишение всех прав состояния и ссылку на поселение в местности, к тому предназначенной.

Говоря о задатках обособления видов юридической ответственности, Н. А. Морозова указывает на Административный устав о наказаниях, налагаемых сельским старостой и волостным старшиной, приводя данный акт в качестве примера разграничения «маловажных проступков» и преступлений [8, с. 95]. В то же время С. В. Щепалов констатирует, что Свод законов Российской империи не содержит ссылок на принятие или хотя бы обсуждение данного документа, что позволяет рассматривать его как акт толкования действовавшего на тот момент законодательства, представляющий собой безусловную научную ценность. Названный автор указывает также на Правила производства дел о проступках 1889 г., вошедшие в Волостной судебный устав, в которых отсутствует термин «маловажный проступок» и которые регулируют вопросы уголовной ответственности за проступки [9, с. 73–74, 71]. С данным доводом стоит согласиться, более того – положения названного документа фактически смешивают понятия «преступление» и «проступок», используя их как часть и целое и не позволяя составить полного представления о признаках каждого из них. Например, «лицо, потерпевшее от проступка, имеет право до открытия заседания по делу заявить иск о вознаграждении и признается в таком случае истцом в уголовном деле»[1]. К проступкам при этом равно относились появление в состоянии опьянения в церкви во время богослужения, драка в публичном месте, а также кража и мошенничество[2]. Несмотря на то, что названные документы тоже стоит отнести к неофициальным изданиям, представленные положения также отражают сохраняющуюся к 1889 г. неоднозначность в вопросе разграничения между проступками и уголовными преступлениями, несмотря на постепенное развитие процедурных норм.

Следует отметить, что и в начале XX в. данная тенденция сохранялась. В частности, согласно закону 1912 г. «в ведении преобразуемых волостных судов оставлены только некоторые дела о преступных деяниях, предусмотренных Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по коим наказание не превышает ареста на один месяц или денежного взыскания в 100 рублей»[3], т.е. малозначимые проступки, служащие в некоторой степени прообразом современных административных правонарушений, по-прежнему были наказуемы в рамках уголовного судопроизводства. В свою очередь Устав благочиния и безопасности 1916 г. предусматривал ряд запретов, норм материального права, содержащих в то же время отдельные указания на процессуальные моменты применения некоторых мер админи-

[1] Правила о производстве дел о проступках // Волостной судебный устав прибалтийских губерний 9 июля 1889 года, дополненный узаконениями, обнародованными по 1-е июня 1894 года, а также статьями уставов: уголовного и гражданского судопроизводств ... / сост. В. С. Томашевич (мировой судья г. Риги). Изд. неофиц. Рига : изд. авт. : тип. Л. Бланкенштейна, 1894. XXII, 284 С. 197.

[2] Временные правила о наказаниях, налагаемых волостными судами // Там же. С. 197, 198, 215.

[3] Производство дел у мировых судей, земских начальников, городских судей, уездных членов окружного суда и в волостном суде : учебник законоведения для гимназий, реальных и химико-технических училищ /сост. В. Я. Крюковский, Н. Н. Товстолес. СПб. : Государственная типография, 1912. С. 221.

стративного принуждения и административной ответственности[1]. В целом следует согласиться с исследователями, что промышленная революция и обусловленное ею развитие налогового законодательства значительно повлияли на развитие законодательства об административной ответственности [14, с. 211].

Таким образом, с 1781 по 1912 г. можно говорить о постепенном развитии материального и процессуального законодательства о правовой ответственности, которое характеризовали совершенствование детализации субъектов, принципов, порядка и содержания мер принуждения. В то же время отраслевого обособления административной ответственности на данном этапе так и не произошло. Несмотря на показанное многообразие мнений исследователей, наиболее точным представляется вывод о таком состоянии развития законодательства о правовой ответственности в данный период, которое позволяет охарактеризовать его как сформировавшееся уголовно-правовое, где, однако, усматривался ряд отдельных норм и признаков, сходных с современной административной ответственностью.

Последовавшие в 1917 г. революционные изменения государственного строя России сильнейшим образом сказались и на развитии административного права, на время фактически отбросив его на несколько веков назад. В целях борьбы с имперским режимом применение мер принуждения зачастую подчинялось лишь воле силовых структур, выходя далеко за рамки правовой формы [15, с. 234]. О возведении материальных и процессуальных норм об административной ответственности в юридические рамки приходится говорить лишь с 20-х гг. XX в. [16, с. 1]. Появление первых нормативных актов ознаменовало завершение законодательного обособления административной ответственности[2], но вместе с тем положило начало его эволюции, достигшей наиболее высокого уровня к 80-м гг. с принятием первых кодифицированных актов, специально регулирующих процессуальные вопросы административной ответственности и во многом предопределивших развитие норм об административной ответственности в современной России[3]. Примечательно, что нормы одного из таких актов – Кодекса РСФСР об административных правонарушениях – действовали в течение почти десяти лет после распада СССР, пока в 2001 г. не был принят ныне действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ)[4], ставший отправной точкой для современного периода развития процессуального законодательства об административных правонарушениях.

В результате можно выделить следующие исторические этапы развития процессуального законодательства об административной ответственности:

1. Предварительный (IX–XI вв.). Отсутствие нормативного регулирования правовой ответственности по отраслям, единых материальных и процессуальных норм о правовой ответственности.

2. Ранний (XI – конец XVIII в.). Начало кодификации отечественного законодательства, зарождение отдельных формально определенных процессуальных правил применения правовой ответственности, по-прежнему не имевших отраслевой дифференциации.

3. Начальный (имперский) (конец XVIII в. – 1917 г.). Формально не определенная в современном значении, но фактически выраженная отраслевая дифференциация видов правовой

---

[1] Свод законов Российской империи. Т. XIV: Устав благочиния и безопасности. Петроград : Государственная типография, 1916. 126 с.

[2] О порядке наложения административных взысканий : декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. // Известия ВЦИК. 1921. № 140. 30 июня ; Положение о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке : декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27 июля 1922 г. // Известия ВЦИК. 1922. № 173. 4 августа ; О сельских исполнителях : декрет ВЦИК и СНК от 27 марта 1924 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 28, ст. 266 ; Об утверждении Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1931. № 17, ст. 186.

[3] Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях : (приняты ВС СССР 23 октября 1980 г. № 3145-X) // Ведомости ВС СССР. 1980. № 44, ст. 909 ; Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : (утв. ВС РСФСР 20 июня 1984 г.) // Свод законов РСФСР. М., 1987. Т. 8. С. 401 ; Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2001. № 13, ст. 1140.

[4] СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1 ; 2025. № 6, ст. 404.

ответственности, наказаний и нарушений, которым соответствовали материальные и процессуальные нормы, не имевшие должной систематизации, однако характеризовавшиеся сравнительно высоким уровнем детализации.

1. Советский (1917–1991 гг.). Окончательное обособление и кодификация административной ответственности, специальное регулирование соответствующих процессуальных норм.

2. Современный (2001 г. – настоящее время). Дальнейшее развитие лучших достижений советского периода с учетом новых общественно-политических и социально-экономических условий. Продолжение совершенствования действующего законодательства, основанное на научной дискуссии по поводу перспектив развития современного процессуального законодательства об административных правонарушениях.

Список литературы

1. Васильев Ф. А. Этапы развития теории доказательств в российском административном процессе // Право и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 33–49. EDN: KXGDJX
2. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М. : Мысль, 1989. 476 с.
3. Коваль С. П., Таибова О. Ю. Возникновение и развитие института административной ответственности в России: проблемы и перспективы // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4 (65). С. 40–47. EDN: JJQKMR
4. Кононов П. И. Формирование основ административного права Московского государства (вторая половина XIV–XV век) // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 65–73. doi: 10.18572/2071-1166-2023-3-65-73 EDN: NQMMJW
5. Шишкина О. Е. Административная ответственность в России: история возникновения и социальные основания (1835–1892 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11, № 4. С. 84–96. doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-4-84-96 EDN: AHQJHX
6. Панова И. В. Развитие административного судопроизводства и административной юстиции в России // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 54–69. doi: 10.17323/2072-8166.2016.4.54.69 EDN: XRJWAN
7. Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях : монография. М. : Инфра-М, 2015. 320 с. EDN: YNGJVT
8. Морозова Н. А. История института административной ответственности и законодательства об административных правонарушениях // Российский юридический журнал. 2019. № 4 (127). С. 93–107. EDN: RYULQR
9. Щепалов С. В. О зарождении отечественного судопроизводства по делам об административных правонарушениях // 25 лет на службе отечеству : сб. ст. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 68–76. EDN: OFVTHL
10. Бадыков Л. Ф. История развития института административного приостановления деятельности в России // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 57–62. EDN: PIBUPZ
11. Кирин А. В. Этапы развития института административной ответственности в СССР // История государства и права. 2011. № 18. С. 36–41. EDN: OIYEXL
12. Мельник Э. П. Историческое развитие процессуальных форм судопроизводства по законодательству царской России и России советского периода // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). С. 122–128. EDN: TMETOB
13. Симакина И. А. Исторические аспекты развития административно-деликтного законодательства России // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 2 (43). С. 213–217. EDN: JWOWYN
14. Сынкова Е. М. Генезис и тенденции развития института административной ответственности за налоговые правонарушения // Вестник Донецкого национального университета. Серия В, Экономика и право. 2024. № 4. С. 205–213. doi: 10.5281/zenodo.14554239 EDN: PFODYF
15. Загуменный К. И. Генезис отечественного административного законодательства о мелком хищении чужого имущества // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 1–1. С. 229–239. doi: 10.34670/AR.2024.19.34.029 EDN: HHDJER
16. Кирин А. В. Теория административно-деликтного права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2012. 58 с. EDN: QIDFFH

References

1. Vasil'ev F.A. Stages of development of the theory of evidence in the Russian administrative process. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2006;(5):33–49. (In Russ.)

2. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 9 t. T. 6: Spetsial'nye kursy = Essays: in 9 volumes. Volume 6: Special courses*. Moscow: Mysl', 1989:476. (In Russ.)

3. Koval' S.P., Taibova O.Yu. The emergence and development of the institute of administrative liability in Russia: problems and prospects. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir State University*. 2022;(4):40–47. (In Russ.)

4. Kononov P.I. Formation of the foundations of administrative law of the Moscow state (late XIX–XX century). *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2023;(3):65–73. (In Russ.). doi: 10.18572/2071-1166-2023-3-65-73

5. Shishkina O.E. Administrative liability in Russia: history of origin and social foundations (1835–1892). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and socio-educational thought*. 2019;11(4):84–96. (In Russ.). doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-4-84-96

6. Panova I.V. Development of administrative proceedings and administrative justice in Russia. *Pravo. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016;(4):54–69. (In Russ.). doi: 10.17323/2072-8166.2016.4.54.69

7. Sokolov A.Yu. *Mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh: monografiya = Measures to ensure proceedings in cases of administrative offences: monograph*. Moscow: Infra-M, 2015:320. (In Russ.)

8. Morozova N.A. History of the institute of administrative liability and legislation on administrative offences. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Law Journal*. 2019;(4):93–107. (In Russ.)

9. Shchepalov S.V. On the origin of domestic legal proceedings in cases of administrative offenses. *25 let na sluzhbe otechestvu: sb. st. = 25 years in the service of the fatherland: collection of articles*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2023:68–76. (In Russ.)

10. Badykov L.F. History of the development of the institute of administrative suspension of activities in Russia. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*. 2012;(2):57–62. (In Russ.)

11. Kirin A.V. Stages of development of the institute of administrative responsibility in the USSR. *Istoriya gosudarstva i prava = History of state and law*. 2011;(18):36–41. (In Russ.)

12. Mel'nik E.P. Historical development of procedural forms of legal proceedings under the legislation of Tsarist Russia and Russia of the Soviet period. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2015;(1):122–128. (In Russ.)

13. Simakina I.A. Historical aspects of the development of administrative-tort legislation in Russia. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and governance in the East of Russia*. 2008;(2):213–217. (In Russ.)

14. Synkova E.M. Genesis and development trends of the institute of administrative liability for tax offenses. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya V, Ekonomika i pravo = Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and Law*. 2024;(4):205–213. (In Russ.). doi: 10.5281/zenodo.14554239

15. Zagumennyy K.I. Genesis of domestic administrative legislation on petty theft of someone else's property. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2024;14(1–1):229–239. (In Russ.). doi: 10.34670/AR.2024.19.34.029

16. Kirin A.V. Theory of administrative tort law: DSc abstract. Moscow, 2012:58. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

К. С. Кротов – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, зд. 104, стр. 3. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8586-0004

K.S. Krotov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasiliy Michailovich Manohin, Saratov State Law Academy, building 104, 3 Chernyshevskogo street, Saratov, 410056. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8586-0004

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 05.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.04.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 341
EDN: WZQFOB
doi: 10.21685/2307-9525-2024-13-2-5

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США 2024 г.: ПЕРЕСТРОЙКА ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА И ПЕРЕГРУППИРОВКА ДВУХПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

Алексей Юрьевич Саломатин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

valeriya_zinovev@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Влияние президентских выборов на весь остальной мир не вызывает сомнений. Вместе с тем это еще и важное внутриполитическое событие, которое оказывает воздействие на государственную политику и механизм государства. Эти выборы, как свидетельствует опыт, в условиях двухпартийной системы проходят от одной партийной перегруппировки к следующей, что подтверждает актуальность исследования. *Материалы и методы.* Использованы электоральная статистика, а также труды государствоведов и политологов. Применены методы диахронного и синхронного сравнения, а также анализа и синтеза. *Результаты*. Исследование существенно корректирует точку зрения американских специалистов об имевших место партийных перегруппировках. Партийная перегруппировка – явление, присущее американской двухпартийной системе для восстановления в должной степени альтернативы и недопущения преобладания консенсуса в деятельности обеих партий. Это понятие связывает в единое целое критические выборы и смену партийных систем. По мнению автора, последняя перегруппировка началась с президентскими выборами 2008 г., в ходе которых была выдвинута символическая для черных избирателей фигура афроамериканца Б. Обамы, представившего содержательную альтернативу в виде попытки реформы страховой медицины. Однако руководством демократической партии были допущены и стратегические ошибки – будирование иммиграционной проблемы и ЛГБТ-повестки, что стимулировало продолжение партийной перегруппировки – теперь уже силами республиканцев. *Выводы*. Партийная перегруппировка нашла продолжение в выборах 2016, 2020 гг., а завершение – в ходе выборов 2024 г. Она проходила в условиях беспрецедентного культурно-цивилизационного кризиса и пандемии COVID-19. Демократической партией были допущены грубые нарушения межпартийной этики и законности, что не помогло сохранить им власть в 2024 г. Неудачными для них оказались и выдвинутый кандидат, и платформа. По сравнению с 2020 г. у республиканца Д. Трампа расширилась социальная поддержка. Самое же главное, демократы не решились пойти на предвыборные махинации из-за опасений спровоцировать гражданскую войну.

Ключевые слова: двухпартийная система США, президентские выборы в США, государственный механизм США, партийная перегруппировка, критические выборы, культурно-цивилизационный раскол

Для цитирования: Саломатин А. Ю. Президентские выборы в США 2024 г.: перестройка государственного механизма и перегруппировка двухпартийной системы // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 44–55. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-5 EDN: WZQFOB

© Саломатин А. Ю., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

US PRESIDENTIAL ELECTION 2024: RESTORATING THE STATE MECHANISM AND RE-GROUPING THE TWO-PARTY SYSTEM

Alexey Yu. Salomatin

Penza State University, Penza, Russia
valeriya_zinovev@mail.ru

Abstract. *Background*. The impact of presidential elections on the rest of the world is beyond doubt. At the same time, it is also an important domestic political event that affects public policy and the mechanism of the state. These elections, as experience shows, in a two-party system go from one party regrouping to the next, which confirms the relevance of the study. *Materials and methods*. The article uses electoral statistics, as well as the works of political scientists and political scientists. The author turns to the methods of diachronic and synchronous comparison, as well as analysis and synthesis. *Results.* The study significantly corrects the point of view of American experts on the past party regroupings. Party regrouping is a phenomenon inherent in the American two-party system for restoring an alternative to the proper degree and preventing the prevalence of consensus in the activities of both parties. Party regrouping is a concept that links critical elections and a change in party systems into a single whole. According to the author, the most recent realignment began with the 2008 presidential election, during which the African-American Barack Obama, a symbolic figure for black voters, was nominated, presenting a meaningful alternative in the form of an attempt to reform health insurance. However, the leadership of the Democratic Party also made strategic mistakes – stirring up the immigration issue and the LGBT agenda, which stimulated the continuation of the party realignment – now by the Republicans. *Conclusions*. The continuation of the party realignment found itself in the elections of 2016, 2020, and was completed during the 2024 elections. It all took place in the context of an unprecedented cultural and civilizational crisis and the COVID pandemic. The Democratic Party committed gross violations of inter-party ethics and legality, which did not help them retain power in 2024. Both the nominated candidate and the platform turned out to be unsuccessful for them. Compared to 2020, Republican D.Trump has expanded his social support. Most importantly, the Democrats did not dare to resort to election fraud due to fears of provoking a civil war.

Keywords: US two-party system, US presidential elections, US state mechanism, party realignment, critical elections, cultural and civilizational split

For citation: Salomatin A.Yu. Us presidential election 2024: restorating the state mechanism and re-grouping the two-party system. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):44–55. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-5

США долгое время считались страной с чрезвычайно эффективным, экономным государственным механизмом и жизнеспособной двухпартийной системой, которая существовала здесь не в отдельные исторические периоды, а постоянно, с момента возникновения государства в конце XVIII в. В отличие от Англии, где в Парламенте с 1670-х гг. обозначили свое присутствие две аморфные аристократические фракции, в большей или меньшей степени связанные с лендлордами или торговым капиталом [1], но не имевшие организационной структуры на местах, американские партийные группировки быстро (в течение 1790-х гг.) проделали путь к полноценным партиям [2].

© Salomatin A.Yu., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Причина этого заключалась в переселенческом характере общества, что потребовало от партий выполнения ряда компенсационных, дополняющих деятельность государства функций: инициирования выработки государственного курса (что было особенно важно для молодого государства), мобилизации избирателей на выборы (при наличии множества выборных должностей в государственном аппарате), обеспечения внутреннего единства страны, кадрового отбора на должности в федеральном аппарате и в штатах [3].

Прагматизм и агрессивный индивидуализм американцев [4] способствовали тому, что здесь первоначально получил развитие малочисленный государственный аппарат с минимально достаточной армией, а возникшие партии-машины с гипертрофированной организационной функцией и отказом от излишних и неуместных идеологических споров составили самую простую и рациональную комбинацию двухпартийности. Правда, **первая двухпартийная система** некоторое время, по крайней мере с 1820 по 1827 г., существовала фактически как однопартийная, но этот недостаток исправила происходившая в течение 1828–1840 гг. **первая партийная перегруппировка**.

Партийная перегруппировка – это сугубо американский политический институт, призванный корректировать функционирование двухпартийной системы в отношении должного сочетания в нем **принципов конфликта и согласия (консенсуса)**. В самом общем виде можно сказать, что «партийные системы определяют обычную партийную политику, а перегруппировки являются сменой одной партийной системы другой» [5]. Родоначальником концепции перегруппировок стал В. Ки, заявивший в середине 1950-х гг. об особой разновидности выборов, приводящих «к резкой и долгосрочной перегруппировке электората между партиями» [6]. Затем в 1960-е гг. были классифицированы и сами выборы, которые были разделены на «сохраняющие» (т.е. стабилизирующие традиционную расстановку сил), «отклоняющие» (приводящие к власти оппозицию), «превращающие» (усиливающие правящую партию) и «критические» (приводящие к длительному пребыванию у власти оппозиции) [7]. И, наконец, позднее **в единое концептуальное целое были связаны критические выборы и смена партийных систем** [8, 9].

Существует мнение, что в истории США имели место следующие перегруппировки:

1. В 1820-е гг. после «эры доброго согласия» и внутреннего раскола в правящей партии на президентских выборах 1824 г. Э. Джексон на следующих выборах 1828 г. сформировал новую партию – демократическую.

2. В связи с принятием билля Канзас–Небраска 1854 г. завершилось существование второй двухпартийной системы, а после президентских выборов 1868 г. – первых после Гражданской войны – демократическая партия «вернулась» на полноправных основаниях в состав двухпартийного тандема.

3. В 1930-е гг. в США сменилось доминирование республиканцев на доминирование демократов благодаря тому, что страна стала более урбанистической, а также под влиянием Великой депрессии и прихода к власти «Коалиции Нового курса».

4. В 1960–1970-е гг. прежняя коалиция распалась под влиянием движения за гражданские права, Вьетнамской войны и ускоренного развития пригородов. В стране возобладали ценности республиканской партии, а сама она закрепилась на Юге[1].

Приведенная классификация, однако, методологически неполна и фактологически неточна. В ней отсутствуют четкие критерии партийных перегруппировок, их типология, не указаны их длительность и механизм. Российская наука исходит из четкого концептуального диалектического положения: «Без консенсуса двухпартийная система не смогла бы эффективно защищать общие интересы господствующего класса. Без альтернативы партии полностью утратили бы свою индивидуальность» [10]. **Механизм перегруппировки связан с действием как объективных факторов** (сменой задач общественного развития, обновлением социально-экономической жизни и международной обстановки), **так и субъективных**

[1] Партийная перестройка в Соединенных Штатах // Российский совет по международным делам : сайт. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perestroyka-po-amerikanski-zapros-na-obnovlenie-i-podnimayushchayasya-elita-demokraticheskoy-partii (дата обращения: 15.01.2025).

обстоятельств (например, появлением политических лидеров-новаторов, давлением избирателей, состоянием партийных элит). В то же время «конкретное содержание альтернативных программ на том или ином этапе развития… сферы их действия и размеры постоянно изменялись» [11].

Сами перегруппировки не были похожи друг на друга. В одних случаях менялся только один из элементов двухпартийного тандема, в других случаях – оба (одновременно или со сдвигом во времени). Продолжительность перегруппировки могла быть минимальной (например, включать 1–2 президентских выборов) или она оказывалась более длительной (как минимум, 3–4 выборов). По нашему мнению, **современная перегруппировка в США началась около 2008 г.** Тогда афро-американец Б. Обама, сенатор от штата Иллинойс без большого политического стажа, оказался избранным президентом США, что вызвало большой эмоциональный подъем в мультиэтнической Америке [12]. До этого времени в заатлантической республике, столкнувшейся накануне с расовыми волнениями, витало скрытое напряжение и возникал невольный вопрос: «Что будет с правопорядком, если победит не Обама, а республиканец-ястреб Дж. Маккейн?»

Обама не только инициировал возвращение во власть демократов (период 1980–2008 гг. был преимущественно республиканским), но и наполнил деятельность своих соратников-демократов альтернативным содержанием. Прежде всего альтернатива была представлена в вопросе **о реформе страховой медицины** – давно назревшей проблеме, поскольку лишенные медицинской страховки в 2008–2009 гг. составляли 15–16 %, а среди молодежи таковых было свыше 30 % [13]. Удачным оказался и комплекс экономических оздоровительных мероприятий в связи с наступившим мировым кризисом 2007–2008 гг. [14]. В то же время попытка решения проблемы незаконной иммиграции страдала опасным попустительством, либеральной мягкотелостью и несла в себе семена будущих острых культурно-цивилизационных противоречий [15].

В принципе, два президентских срока Б. Обамы, знаменовавшие собой перестройку двухпартийной системы, могли бы получить продолжение в администрациях его однопартийцев. Однако **стратегические ошибки**, **сделанные Обамой**, прежде всего по отдельным направлениям внутренней политики (иммиграционной проблеме и ЛГБТ-повестке) подрывали электоральную привлекательность демократов. Их руководство принимало бесперспективные и, мягко говоря, ошибочные усилия по легализации незаконных иммигрантов из стран Латинской Америки вопреки законным опасениям республиканцев [16]. Одновременно и Б. Обама, и Х. Клинтон – два ведущих кандидата от демократической партии в 2008 г. «заигрывали» с геями и лесбиянками. Позорным и неконструктивным с точки зрения поддержания социального мира в США становится судебное решение Верховного Суда США **Obergefell v. Hodiges (2015)**, заставлявшее власти штатов регистрировать однополые браки и признавать браки, заключенные в других юрисдикциях[1].

Провальной оказывается и внешняя политика Обамы: Россия не соглашается на дискриминационную роль младшего партнера, а Китай сделал ставку на политический альянс с Россией [17].

Выдвижение и победа на президентских выборах 2016 г. Д. Трампа – выдающегося бизнесмена и политика XXI в. – стали залогом продолжения партийной перегруппировки. Теперь она получила свое развитие в условиях **культурно-цивилизационного кризиса**, т.е. противостояния двух Америк – космополитической, трансліберальной и патриотической, консервативной. Произошла ценностная и политическая поляризация как массовых избирателей, так и элит [18].

Трамп, пришедший в партийно-политическую систему извне, спас республиканскую партию от дефицита лидерства, но он же и пострадал от отсутствия у него должного опыта в американских играх и надежных внутрипартийных тылов. Попытка организации двух

[1] Obergefell v. Hodges, 576 U.S. 644 (2015) // Justia : website. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/576/644/ (дата обращения: 15.01.2025).

импичментов Трампу – это позорная страница в истории американской демократии, поскольку реальные правовые основания для подобной процедуры отсутствовали.

Трамп в своей деятельности, весьма успешной по социально-экономическим меркам вплоть до конца 2019 г., столкнулся в дальнейшем с пандемией COVID-19 как форс-мажорным обстоятельством и расовым бунтом как рукотворным, организованным космополитическими элитами процессом. Характерно, что после того, как на президентских выборах 2020 г. был «избран» (а вернее, назначен) с помощью манипулятивных подтасовок Дж. Байден, этот «ультрарадикальный» протест стих.

Специалистам и компетентным органам еще предстоит разобраться в хитросплетениях президентской кампании 2020 г., которая была беспрецедентно темной, непрозрачной. Демократы позже признавались, что они тогда «спасли демократию», сформировав «теневые структуры», собирая «теневые деньги» и распределяя их, в частности, среди более чем 200 левых групп, присвоив себе мандат на незаконную «перекройку» избирательной системы. Только в радикальную организацию «Жизни черных имеют значение», продвигавшую негритянский гегемонизм, было передано 1,5 млрд долл. [19].

Предоставленные деньги «пошли впрок»: организованные радикальные и расовые «протесты» в связи с полицейским насилием, кульминация которых пришлась на конец мая – июнь 2020 г., хотя и временно, но снизили рейтинг Трампа [20]. Масштабы протестов были беспрецедентными: в них приняли участие от 15 до 26 млн человек. Власти 30 штатов были вынуждены использовать национальную гвардию. Комендантский час был введен в 200 крупнейших городах, что принесло неудобство 60 млн американцев [21]. Главное же значение, видимо, имела угроза их повторения, т.е. появилась возможность оказывать психологическое давление как на избирателей, так и на должностных лиц. Демократическая сторона в полной мере этим воспользовалась. Она же обернула в свою пользу ставшее актуальным в условиях пандемии голосование по почте (подобным образом было подано 65,6 млн бюллетеней из 154,6 млн в 41 штате, т.е. 42 % против обычных 25 % на выборах 2016 и 2018 гг.).

Разумеется, у президентской кампании 2020 г. для правящей республиканской партии были и объективные негативные составляющие – прежде всего развернувшаяся в связи с пандемией коронавирусной инфекции экономическая рецессия. В отличие от кризиса 2007–2008 гг. пострадала в большей степени сфера услуг, а не производственные отрасли, а среди населения – афроамериканцы и латиноамериканцы, а также молодежь [22]. Именно указанные социальные группы и стали главным электоральным приобретением демократов.

В итоге как за Байдена, так и за Трампа проголосовало беспрецедентное число избирателей – 81,3 млн и 74,2 млн. Однако слишком большой электоральный разрыв между кандидатами при многочисленных случаях хищения голосов наводил на мысли о нечестности процедуры.

По сути, хищение голосов – обычная ситуация на американских выборах. Причем история выборов свидетельствует, что **более громкие скандалы были в большей мере присущи демократам** как партии, в основном опиравшейся на иммигрантов из крупных городов. Их «коррупционным образцом» могла бы послужить деятельность пресловутого **нью-йоркского босса Уильяма Марси Твида**, укравшего из городской казны феноменальную для 1860-х гг. сумму в 200 млн долл. [23]. Разумеется, инструментарий электоральных манипуляций с тех далеких времен изменился, но традиции не могли не остаться.

Существовала весьма реальная опасность, что за время «призрачного» президентства Дж. Байдена США сумеют подготовить к фактическому переходу к однопартийной системе с угрозой установления мондиалистской либеральной диктатуры. Но все же здоровые силы в американском электорате нашли возможность восстать против планов руководства демократической партии. Само это руководство, прятавшееся за фигурой увядающего и неадекватного в своем поведении Дж. Байдена, оказалось лишено должного единства и целеустремленности. Надеясь с помощью административного и идеологического нажима выдвинуть малодееспособного президента на второй срок вопреки всяким приличиям, оно не смогло вовремя найти ему замену, когда президентская недееспособность стала вопиющей. Экс-

тренное «назначение» кандидатом в президенты К. Харрис было крайне неудачным с позиций ее профессиональных умений и противоречило традициям предварительного обсуждения в партийных организациях и на первичных выборах.

Ход президентской кампании 2024 г. показал, что руководство демократической партии и «глубинное государство» не всемогущи. Американцы убедились в призрачности достижений администрации Дж. Байдена.

Трамп оказался в состоянии выдвинуть не многословную, многостраничную платформу (в 2016 г. у республиканцев она составила 58 страниц и 35,5 тыс. слов), а краткий и доступный для избирателей манифест (16 страниц и 5,2 тыс. слов), состоящий из 20 основных предвыборных обещаний [24]. В отличие от Трампа, Дж. Байден, как и в 2020 г., хотел баллотироваться с предвыборной программой в 91 стр. (более 42 тыс. слов) – самой пространной из всех предвыборных программ за всю историю США. Ее тон носил исключительно неконструктивный характер восхваления мнимых заслуг администрации.

Между тем данным документом Байден так и не смог воспользоваться, поскольку под давлением видных деятелей демократической партии – бывшего президента Б. Обамы и бывшего спикера Палаты представителей Н. Пелоси, лидера демократического большинства в Сенате Ч. Шумера и лидера демократического меньшинства в Палате представителей Х. Джеффриса – престарелый президент был вынужден 21 июля 2024 г. отказаться от выдвижения. «Однако через три дня случилось непредвиденное: в специальном телеобращении к нации Дж. Байден, вопреки договоренности с Б. Обамой, сам назначил себе преемника» [25]. Было ли это местью руководству демократов за снятие его самого с дистанции – сказать трудно. Во всяком случае было совершенно ясно, что вице-президент К. Харрис – слабый и заведомо проигрышный кандидат. Кроме того, демократическую партию подвели под нарушение должной процедуры выдвижения – собравшийся национальный партийный конвент фактически без обсуждения одобрил кандидатуру малопопулярного и несамостоятельного политика.

Итоги выборов оказались во многом ожидаемыми и одновременно неожиданными. Ожидаемым было острое социальное недовольство американцев, которые не увидели у демократической партии конструктивных идей. Неожиданным стало то, что демократические элиты не смогли или не захотели пойти на массовые электоральные махинации, как это было в 2020 г. Д. Трамп одержал устойчивую победу в коллегии выборщиков: 312 голосов против 226. По голосам избирателей разрыв составил около 1,5 %. К республиканцам перешли от демократов важные с точки зрения победы штаты: Аризона, Джорджия, Мичиган, Невада, Пенсильвания, Висконсин, находящиеся как на Среднем Западе, так и Глубоком Юге, а также Атлантическом побережье (табл. 1).

Таблица 1

Результаты президентских выборов 2024 и 2020 гг. в ключевых штатах

Штаты	Выборы 2024 г.				Выборы 2020 г.			
	партия-победитель	число голосов избирателей за партию-победителя	%	число выборщиков за победителя	партия-победитель	число голосов избирателей за победителя	%	число выборщиков за победителя
Аризона	Р	1 770 242	52,2	11	Д	1 672 143	49,36	11
Джорджия	Р	2 663 117	50,7	16	Д	2 473 633	49,47	16
Мичиган	Р	2 816 636	49,7	15	Д	2 804 040	50,62	16
Невада	Р	761 205	50,6	6	Д	703 486	60,06	6
Пенсильвания	Р	3 543 308	50,4	19	Д	3 458 229	49,85	20
Висконсин	Р	1 697 626	49,6	10	Д	1 630 866	49,45	10

Примечание. Р – республиканская партия; Д – демократическая партия.

Как и в 2020 г., полученное партией-победительницей большинство голосов в этих штатах было минимальным, но вполне достаточным, чтобы в системе координат относительного большинства получить все голоса выборщиков от данных штатов. В целом же на основании экзитполов можно сказать, что по сравнению с 2020 г. в электорате республиканцев повысился удельный вес как консерваторов, так и умеренных. Латиноамериканцы и лица азиатского происхождения стали охотнее голосовать за «старую великую партию» (причем в первую очередь латиноамериканцы, особенно мужчины). Увеличился и удельный вес католиков. Среди возрастных групп в лагере сторонников Трампа особенно заметен прирост молодых в возрасте от 18 до 24 лет. Средние американцы с доходами от 30 000 до 99 999 долл. в год в большей мере, чем ранее, проявили симпатии к Трампу. Трамп укрепил свои позиции прежде всего в штатах Юга и, как это ни удивительно, даже космополитического Востока. В большей мере, чем ранее, его поддерживает сельская, трудовая Америка и чуть меньше – Америка пригородов, а не мегаполисов, занятых в сфере услуг (табл. 2)[1].

Таблица 2

Социально-демографические характеристики американского электората на президентских выборах 2020 и 2024 гг. (по данным экзитполов, %)

Характеристики	Президентские выборы 2020 г.			Президентские выборы 2024 г.		
	голосовавшие за Байдена	голосовавшие за Трампа	процент от электората	голосовавшие за Трампа	голосовавшие за Харрис	процент от электората
1	2	3	4	5	6	7
Идеология:						
либералы	89	10	34	7	91	23
умеренные	64	**34**	38	**40**	58	42
консерваторы	14	**85**	38	**90**	9	35
Партийная принадлежность:						
демократы	94	6	37	4	95	31
республиканцы	6	94	36	94	5	35
независимые	54	**41**	26	**46**	49	34
Пол:						
мужской	45	53	48	55	43	47
женский	57	42	52	45	53	53
Раса:						
белые	41	58	67	57	42	71
черные	87	12	13	13	86	11
латиноамериканцы	65	**33**	13	**46**	51	11
азиатского происхождения	63	**36**	4	**40**	55	3
Гендерно-расовые группы:						
белые мужчины	38	61	35	60	38	34
белые женщины	44	55	32	53	46	37
черные мужчины	79	19	4	21	77	5
черные женщины	90	9	8	7	92	7
латиноамериканские мужчины	59	**36**	6	**54**	44	6
латиноамериканские женщины	69	**30**	8	**39**	58	6

[1] Exit poll results 2024 // CNN Politics. November 10, 2024. URL: https://edition.cnn.com/election/2024/exit-polls/national-results/general/president/0 (дата обращения: 15.01.2025) ; National Results 2020 President exit polls // CNN Politics. November 10, 2024. URL: https://edition.cnn.com/election/2020/exit-polls/president/national-results (дата обращения: 15.01.2025).

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Религиозная принадлежность:						
протестанты	39	60	43	63	36	43
католики	52	**47**	25	**59**	39	21
иудаисты	76	22	2	22	78	2
другие религии	68	29	8	34	61	10
без религиозных привязанностей	65	31	22	27	71	24
Возрастные группы:						
18–24	65	**31**	9	**43**	54	8
25–29	54	43	7	45	53	5
30–39	51	46	16	45	51	15
40–49	54	44	16	49	49	15
50–64	47	**52**	30	**56**	43	27
Более 65 лет	47	52	22	50	49	28
Доход, долл.:						
менее 30 тыс.	54	46	15	46	50	11
30 000–49 999	56	**44**	20	**52**	46	16
50 000–99 999	56	**42**	39	**52**	46	32
100 000–200 000	41	**57**	20	**46**	51	28
более 200 000	48	48	7	46	52	13
Принадлежность к региону:						
Восток	58	**40**	20	**44**	54	20
Средний Запад	47	51	23	52	46	22
Юг	47	**51**	35	**56**	43	35
Запад	57	11	41	43	54	22
Тип местности:						
городской	60	38	29	38	60	29
пригород	50	48	51	51	47	52
сельский	42	**57**	19	**64**	34	19

***

Трамп начал свое президентство с отмены в первые же часы около 80 указов своего предшественника Байдена и издания 200 новых указов. Увольняются со службы не вызывающие доверие государственные чиновники, замораживается найм на работу новых лиц, приостанавливается на 90 дней помощь зарубежным государствам. В 2023 г. на федеральной госслужбе было трудоустроено 2 260 000 гражданских лиц (из них около 160 тыс. в Вашингтоне). Сколько из них останется на своих местах – в настоящий момент сказать сложно. Оптимизацией деятельности госаппарата занялся мультимиллиардер И. Маск, который в течение нескольких месяцев возглавлял Департамент государственной эффективности (DOGE) – консультационный центр, намеревавшийся сократить государственные расходы на 2 трлн долл. Правда, вскоре Маск счел себя обиженным и ушел из администрации Трампа, но коррекция государственного механизма, видимо, продолжится.

Параллельно с этим можно говорить и о завершении затянувшейся перегруппировки двухпартийной системы. В чем-то она напоминает ситуацию кануна и окончания Гражданской войны. Тогда в течение примерно 14 лет – с 1854 по 1868 г. не только произошла замена одного из компонентов системы – вигской партии на республиканскую, но и имела место частичная делегитимация и последующее восстановление легитимности другого компонента – демократической партии. Столь же сложной является и комбинация 2008–2024 гг. (рис. 1).

Рис. 1. Перестройка двухпартийной системы в 2008–2024 гг.

Партийные перегруппировки, как показывает опыт, обычно происходят через 30–40 лет. Именно за этот срок отмечается недолжное накопление консенсуса в деятельности обеих партий, ведущее к сбою не только политической системы высококонкурентного общества, но и к кризисным моментам в функционировании государственного механизма. В США последний из-за особой устойчивости двухпартийности и слабости третьих партий особенно сильно зависит от политической составляющей. Если бы речь шла об авторитарном режиме или о многопартийной системе, эта зависимость не была бы столь заметна.

Конечно, партийная перегруппировка началась в 2008 г. во многом благодаря случайным факторам – накоплению расового недовольства и развивающемуся масштабному экономическому кризису. Нашелся и подходящий для этого харизматичный с точки зрения расовой принадлежности лидер. Однако его действия были лишь частично успешными. Ему не удалось с максимальной последовательностью решить две внутренние проблемы, волновавшие неолибералов-мондиалистов, – попустительское отношение к иммиграции и окончательное внедрение в общественную жизнь ЛГБТ-повестки. Провалилась и политика сдерживания России.

Из-за происходящего в США культурно-цивилизационного раскола, обозначившегося после федерального ценза 2010 г., в ходе второго президентства Б. Обамы двухпартийная перегруппировка была продолжена, но уже не силами демократов, а с помощью не вполне

созревших для этого республиканцев. Трамп как партийный варяг не воспринимался весь свой первый президентский срок республиканским руководством с необходимой благожелательностью. Зато это же первое президентство Трампа породило у демократов желание реванша. При этом кампания по дискредитации Трампа усиливала кризисные тенденции в государственном механизме.

Продолжение усилий по дискредитации Трампа уже со стороны администрации Байдена могло довести государство до ситуации взрыва. Причем это не стало бы повторением Гражданской войны 1861–1865 гг. с ее более или менее четким географическим размежеванием. Теперь сторонники двух противоположных лагерей более хаотично перемешаны по штатам и графствам, что делает потенциальный конфликт «войной всех против всех».

Победа Трампа на выборах 2024 г. означает, что в США среди демократов (хотя бы на время) возобладала тенденция к самосохранению. Победитель сразу же взялся за реформы в госаппарате, демонстрируя всю серьезность своих намерений и всю глубину произошедшей партийной перегруппировки.

Список литературы

1. Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.) : монография. М. : ИРИС-ПРЕСС, 1995. 304 с. EDN: YHJOOV
2. Маныкин А. С. История двухпартийной системы США (1789–1980) : спецкурс. М. : Изд-во МГУ, 1981. 285 с.
3. Саломатин А. Ю. Американские политические партии как компенсационно-вспомогательный инструмент укрепления государственного механизма (конец XVIII–XIX вв.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2004. № 1. С. 11–19.
4. Токвиль А. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 559 с.
5. Campbell J. E. Party Systems and Realignments in the United States, 1868–2004 // Social Science History. 2006. Vol. 30, no. 3. P. 359–386. doi: 10.1215/01455532-2006-002 URL: https://www.acsu.buffalo.edu/~jcampbel/documents/SSHRealignment06.pdf
6. Key V. Theory of Critical Elections // Journal of Politics. 1955. Vol. 17, no. 1. P. 16. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.2307/2126401
7. Pomper G. Classification of Presidential Elections // Journal of Politics. 1967. Vol. 29, no. 3. P. 533–566. doi: 10.2307/2127773
8. Burnham W. Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. New York : Norton, 1970. 228 p.
9. Sundquist J. Dynamics of the Party Systems: Alignment and Realignment in the United States. Washington : Brookings Institution, 1973. 484 p. doi: 10.2307/2110114
10. Мишин А. А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М. : Наука, 1984. 190 с.
11. Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции. Ч. 1: Конец XVIII в. – 1917 г. / А. С. Маныкин, В. А. Никонов, Ю. Н. Рогулев [и др.] ; отв. ред. Е. Ф. Языков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 286 с.
12. Докторов Б. З. Мониторинг президентской избирательной кампании 2008 года в США. Общие вопросы и новые результаты // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 6. С. 30–42. EDN: KYWVIT
13. Войтенкова Г. Ф. Законодательное оформление реформы здравоохранения в США // Народонаселение. 2011. № 4 (54). С. 116–121. EDN: PKXGCX
14. Евстафьев Д. С. Главные экономические итоги деятельности администрации президента Барака Обамы // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 2 (39). С. 34–42. EDN: WHCMTH
15. Филиппенко А. А. Иммиграционная политика США. Очерки истории. М. : Весь Мир, 2018. 232 с. EDN: ORYYXG
16. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского университета. Серия: История и политология. 2010. № 1. С. 31–35. EDN: LBDQNP
17. Трофимова Ю. В. Политический портрет Барака Обамы и итоги внешнеполитической стратегии сорок четвертого президента США // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 3. С. 55–60. EDN: YLGAKD

18. Травкина М. Н. США: меняющийся алгоритм развития. М. : Весь Мир, 2018. 264 с. EDN: WUPWJC

19. Жетко-Браун И. В. Теневая президентская кампания в США // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 1–1. С. 163–193. doi: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-163-193 EDN: FZPFZS

20. Бондарев И. В. Влияние протестов «Black Lives Matter» на президентскую гонку в США в 2020 г. // Гуманитарный акцент. 2021. № 2. С. 36–41. EDN: SOPAFS

21. Травкина Н. М. США: социальные протесты как инструмент борьбы за политическую власть // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3 (119). С. 214–237. doi: 10.31249/ape/2023.03.11 EDN: KMXBUK

22. Травкина Н. М. Президентская кампания 2020 г. в США: факторы нарастающей неопределенности // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 3 (23). С. 32–51. doi: 10.32726/2411-3417-2020-3-32-51 EDN: DAKBYM

23. Саломатин А. Ю. Борьба с коррупцией в США в XIX веке и государственная модернизация // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 3 (236). С. 196–206. EDN: TKSFPR

24. Травкина Н. Год 2025 – консервативная американская (контр)революция? Предвыборный манифест и программа Республиканской партии США // Перспективы. Электронный журнал. 2024. № 3 (38). С. 24–40. doi: 10.32726/2411-3417-2024-3-24-40 EDN: RIYXEK

25. Васильев В. С., Травкина Н. М. Предвыборная программа Демократической партии США: Второй срок администрации Дж. Байдена – К. Харрис? // Перспективы. Электронный журнал. 2024. № 3. С. 41–56. doi: 10.32726/2411-3417-2024-3-41-56 EDN: BAFUQP

References

1. Labutina T.L. *U istokov sovremennoy demokratii. Politicheskaya mysl' angliyskogo Prosveshcheniya (1689–1714 gg.): monografiya = The origins of modern democracy. Political thought of the English enlightenment (1689–1714): monograph*. Moscow: IRIS-PRESS, 1995:304. (In Russ.)

2. Manykin A.S. *Istoriya dvukhpartiynoy sistemy SShA (1789–1980): spetskurs = History of the US two-party system (1789–1980): special course*. Moscow: Izd-vo MGU, 1981:285. (In Russ.)

3. Salomatin A.Yu. American political parties as a compensatory and auxiliary instrument for strengthening the state mechanism (late 18th–20th centuries). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region = University proceedings. Volga region*. 2004;(1):11–19. (In Russ.)

4. Tokvil' A. *Demokratiya v Amerike = Democracy in America*. Moscow: Progress, 1992:559. (In Russ.)

5. Campbell J.E. Party Systems and Realignments in the United States, 1868-2004. *Social Science History*. 2006;30(3):359–386. doi: 10.1215/01455532-2006-002 Available at: https://www.acsu.buffalo.edu/~jcampbel/documents/SSHRealignment06.pdf

6. Key V. Theory of Critical Elections. *Journal of Politics*. 1955;17(1):16. Available at: https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.2307/2126401

7. Pomper G. Classification of Presidential Elections. *Journal of Politics*. 1967;29(3):533–566. doi: 10.2307/2127773

8. Burnham W. *Critical Elections and the Mainsprings of American Politics*. New York: Norton, 1970:228.

9. Sundquist J. *Dynamics of the Party Systems: Alignment and Realignment in the United States*. Washington: Brookings Institution, 1973:484. doi: 10.2307/2110114

10. Mishin A.A. *Printsip razdeleniya vlastey v konstitutsionnom mekhanizme SShA = The principle of separation of powers in the constitutional mechanism of the United States*. Moscow: Nauka, 1984:190. (In Russ.)

11. Manykin A.S., Nikonov V.A., Rogulev Yu.N. et al. *Printsipy funktsionirovanii dvukhpartiynoy sistemy SShA: istoriya i sovremennye tendentsii. Ch. 1: Konets XVIII v. – 1917 g. = The principles of functioning of the two-party system of the USA: history and modern trends. Part 1: late 18th century – 1917*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1988:286. (In Russ.)

12. Doktorov B.Z. Monitoring the 2008 US presidential election campaign. General issues and new results. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy = Telescope: journal of sociological and marketing research*. 2008;(6):30–42. (In Russ.)

13. Voytenkova G.F. Legislative design of health care reform in the USA. *Narodonaselenie = Human population*. 2011;(4):116–121. (In Russ.)

14. Evstaf'ev D.S. Key economic results of the Obama administration. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development*. 2016;(2):34–42. (In Russ.)

15. Filippenko A.A. *Immigratsionnaya politika SShA. Ocherki istorii = Immigration policy of the United States. Essays on history*. Moscow: Ves' Mir, 2018:232. (In Russ.)

16. Vershinina D.B. The problem of sexual minority rights in the context of the 2008 US presidential elections. *Vestnik Permskogo universiteta. Serii: Istoriya i politologiya = Bulletin of Perm University. Series: History and Political Science*. 2010;(1):31–35. (In Russ.)

17. Trofimova Yu.V. Political portrait of Barack Obama and the results of the foreign policy strategy of the forty-fourth president of the USA. *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii = Bulletin of NSTU named after R.E. Alekseev. Series: Management in social systems. Communication technologies*. 2016;(3):55–60. (In Russ.)

18. Travkina M.N. *SShA: menyayushchiysya algoritm razvitiya = USA: Changing development algorithm*. Moscow: Ves' Mir, 2018:264. (In Russ.)

19. Zhetko-Braun I.V. Shadow presidential campaign in the USA. *Idei i idealy = Ideas and ideals*. 2022;14(1–1):163–193. (In Russ.). doi: 10.17212/2075-0862-2022-14.1.1-163-193

20. Bondarev I.V. The impact of the Black Lives Matter protests on the 2020 US presidential race. *Gumanitarnyy aktsent = Humanitarian emphasis*. 2021;(2):36–41. (In Russ.)

21. Travkina N.M. USA: Social protests as a tool in the struggle for political power. *Aktual'nye problemy Evropy = Current problems of Europe*. 2023;(3):214–237. (In Russ.). doi: 10.31249/ape/2023.03.11

22. Travkina N.M. 2020 US presidential campaign: factors of growing uncertainty. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal = Prospects. Electronic journal*. 2020;(3):32–51. (In Russ.). doi: 10.32726/2411-3417-2020-3-32-51

23. Salomatin A.Yu. The fight against corruption in the United States in the 20th century and state modernization. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie = University proceedings. Legal sciences*. 2001;(3):196–206. (In Russ.)

24. Travkina N. Year 2025 – Conservative American (Counter)Revolution? Election Manifesto and Programme of the Republican Party of the USA. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal = Prospects. Electronic journal*. 2024;(3):24–40. (In Russ.). doi: 10.32726/2411-3417-2024-3-24-40

25. Vasil'ev V.S., Travkina N.M. US Democratic Party election programme: second term of J.Biden administration – K.Harris? *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal = Prospects. Electronic journal*. 2024;(3):41–56. (In Russ.). doi: 10.32726/2411-3417-2024-3-41-56

Информация об авторе / Information about the author

А. Ю. Саломатин – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2752-6243

A.Yu. Salomatin – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Studies, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2752-6243

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 25.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 27.03.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 348(94) + 28 + 327.8
EDN: VJZVTV
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-6

ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАН В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917–1927 гг.

Вячеслав Геннадьевич Шепелев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
slawius@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. В России проживают представители более 20 народностей, исповедующих ислам – наиболее молодую, но при этом самую консервативную из мировых религий, большая часть которых имеет свою государственность в форме национальных республик, входящих в состав Российской Федерации. Несмотря на то, что ислам является одной из традиционных религий современной России, отношения государства с мусульманами имеют длительную историю, отличающуюся сложностью и неоднородностью, связанную прежде всего с особенностью этой религии, представляющей единство религиозно-культовой составляющей и общественно-политической основы социума. Цель работы – проанализировать положение последователей ислама в России, их роль и место в кризисный период отечественной истории с 1917 по 1927 г. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач достигнута на основе анализа литературы, отражающей межнациональные и межконфессиональные отношения, издаваемые нормативные правовые акты, регулирующие духовную жизнь мусульман России в указанный исторический период, центробежные процессы в национальных республиках. Особое место в рамках настоящего исследования занимает период Февральской и Октябрьской революций 1917 г., отражающий назревшие проблемы в правовом положении мусульман. Методологический потенциал включает метод историко-правового анализа, который позволяет сопоставить положение мусульман в Российской империи и Советском государстве. *Результаты.* Исследованы отношения государства с населением, исповедующим ислам в 1917–1927 гг., проанализирована деятельность религиозных мусульманских организаций, выявлены проблемные вопросы правового положения мусульман в составе Российской империи, причины и условия закрепления большевистской идеологии в мусульманской среде. *Выводы.* Изучение положения мусульман в Советской России позволяет уяснить причины, основания и содержание политики большевиков в отношении представителей национальных меньшинств, ставшей основополагающей в их борьбе за власть, учесть их ошибки в организации этой политики применительно к мусульманам.

Ключевые слова: СССР, духовное управление мусульман, исламское право, исламское духовенство, фикх, джадидизм, шариат

Для цитирования: Шепелев В. Г. Положение мусульман в Советской России в 1917–1927 гг. // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 56–67. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-6 EDN: VJZVTV

© Шепелев В. Г., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

THE SITUATION OF MUSLIMS IN SOVIET RUSSIA IN THE 1917–1927

Vyacheslav G. Shepelev

Penza State University, Penza, Russia
slawius@yandex.ru

Abstract. *Background*. Representatives of more than 20 ethnic groups professing Islam live in Russia – the youngest, but at the same time the most conservative of the world religions, most of which have their own statehood in the form of national republics that are part of the Russian Federation. Despite the fact that Islam is one of the traditional religions of modern Russia, the state's relations with Muslims have a long and complex history, characterized by complexity and heterogeneity, primarily due to the peculiarity of this religion, which represents the unity of the religious and religious component and the socio-political basis of society. The purpose of the work is to analyze the position of his followers in Russia, their role and place in the crisis period of Russian history from 1917 to 1927. *Materials and methods*. The implementation of the research objectives was achieved on the basis of an analysis of literature reflecting interethnic and interfaith relations, regulatory legal acts regulating the spiritual life of Russian Muslims in the specified historical period, and centrifugal processes in the national republics. A special place in the framework of this study is occupied by the period of the February and October revolutions of 1917, reflecting the urgent problems in the legal status of Muslims. The methodological potential includes the method of historical and legal analysis, which makes it possible to compare the situation of Muslims in the Russian Empire and the Soviet state. *Results*. The article examines the relations of the state with the population professing Islam in the 1917–1927, analyzes the activities of religious Muslim organizations, identifies problematic issues of the legal status of Muslims in the Russian Empire, the causes and conditions for the consolidation of Bolshevik ideology in the Muslim environment. *Conclusions*. Studying the situation of Muslims in Soviet Russia makes it possible to understand the reasons, grounds and content of the Bolshevik policy towards representatives of national minorities, which became fundamental in their struggle for power, and to take into account their mistakes in organizing policy towards Muslims.

Keywords: USSR, spiritual administration of Muslims, Islamic law, Islamic clergy, Fiqh, Jadidism, Sharia

For citation: Shepelev V.G. The situation of Muslims in Soviet Russia in the 1917–1927. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):56–67. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-6

Современная Россия является светским государством, в котором согласно Конституции все религиозные объединения равны перед законом и отделены от государственной власти.

Вместе с тем религиозный фактор в реализации государством политических, законотворческих и социальных процессов на всем историческом пути играет значительную роль. Так, со времен образования Российского государства православие являлось религией большинства, православная церковь была[1] частью публично-бюрократического аппарата империи, а остальные религии считались «иноверческими» и находились под государственным надзором.

События Октябрьской революции и приход к власти большевиков, нацеленных на реализацию антирелигиозной политики, привели к упразднению института церкви, а также искоренению духовенства как класса.

© Shepelev V.G., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

[1] До Октябрьской революции 1917 г.

На этапе становления советской власти главенство православия и государственный надзор за «иноверческими» религиями сменились декларируемой концепцией «равенства и свободы вероисповедания», что привело к отмене привилегий для одной части общества и снятию ограничений для другой.

Исходя из того, что наряду с православным большинством в России проживают представители более 20 народностей, исповедующих ислам – второе по численности вероисповедание, большевики, прагматично оценившие значительность человеческого ресурса и вероятность реализации внутренних и внешних угроз в мусульманской общине России, вопрос об отношении к мусульманам поставили в первые дни после прихода к власти.

Советы относились к мусульманам более толерантно и гибко по сравнению с православным населением, хотя и не учитывали сохранившуюся у них гомогенность историко- и социокультурного феномена, связанную с особенностями исламской религии – всеобъемлющей и всепроникающей совокупностью правил, ценностей, определяющей образ жизни и бытия верующих [1, с. 5–7]. Связано это не только с отсутствием в среде большевистских лидеров востоковедов и исламоведов, но и с пренебрежительным отношением к самой специфике Востока из-за преобладания в их среде европоцентристского восприятия развития мира.

Вместе с тем большевики, имевшие значительный опыт политической и подпольной борьбы, умело использовали существовавшие до 1917 г. противоречия, связанные с правовым статусом «иноверческих» конфессий, к которым относился ислам, сепаратистские и националистические настроения внутри мусульманских регионов, фактор борьбы между прогрессивным и реакционным духовенством мусульманской уммы[1].

После начала Гражданской войны марксисты, осознававшие угрозу изменения ее концепции в регионах с населением, традиционно исповедующим ислам, на войну религиозно-этническую[2], развернули широкую агитационную работу, а также предприняли ряд шагов по ослаблению атеистической политики в отношении мусульман.

Большевики, в отличие от белогвардейцев, в своих обращениях выступали за самостоятельность всех национальных, прежде всего мусульманских, республик с их одновременной «декапитализацией», за уважение их национальной и религиозно-культурной самобытности, за равноправие всех населяющих эти республики народов [2, с. 198–201].

Тезис о «полуколониальной зависимости, социально-национальном гнете, бесправии и нищете, обреченности на вымирание народов царской России, исповедующих ислам» использовался Советами в агитационной работе и подготовке соответствующих декретов и других нормативных правовых актов [3, с. 13].

Значительное влияние на позицию мусульманской уммы страны имела объявленная большевиками национализация средств производства (так называемое «обобществление»), которая отдельными представителями лояльного к ним духовенства сравнивалась с указанием самого пророка Мухаммада на общественный характер земли, воды, огня.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость «трижды и четырежды завоевать доверие мусульман, доказать, что мы не империалисты, доказать, что мы уклона в эту сторону не потерпим» [4, с. 14, 43].

В обращении от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанном председателем Совета народных комиссаров (далее – СНК) России В. И. Лениным и наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным, верования и обычаи советских мусульман, их культовые и культурные учреждения провозглашались «свободными» и «неприкосновенными». В этом же обращении большевики призывали мусульман Востока оказать Советам «сочувствие» и «поддержку» в борьбе «за освобождение угнетенных народов» от социального, в первую очередь империалистического, гнета [2, с. 11].

[1] Умма – религиозная община мусульман (подробнее см.: Негляр Л. В. Ислам. Энциклопедический словарь. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 241).

[2] Так называемое «Столкновение цивилизаций» (подробнее см.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М. : АСТ, 2003. С. 22–23. (Samuel P. Huntington. The clash of civilizations and the remaking of world order. 1996)).

20 января (2 февраля) 1918 г. советская власть обнародовала Декрет, согласно которому церковь отделялась от государства, а школа от церкви, что вызвало негативную реакцию в среде исламского духовенства. Связано это с восприятием религиозного образования как системы воспитания личностных и духовно-нравственных качеств, неразрывно связанных с жизнью каждого мусульманина. Из тактических соображений советская власть, в большей степени, по сравнению с православным населением, реализовала на практике принцип «избирательности» в правоприменении указанного Декрета к мусульманам. В условиях Гражданской войны 1918–1920 гг. и в первые годы после ее окончания «школьный» раздел Декрета 1918 г. в мусульманской среде на Волге, Урале и Северном Кавказе внедрялся советским правительством достаточно гибко и осторожно [4, гл. III, § 5].

Необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие в исламе института церкви и духовенства, еще в конце XVIII в. царское правительство в рамках выстраивания так называемой «вертикали власти» юридически на основе опыта Османской империи оформило статус религиозных деятелей и создало институт, наиболее похожий на «Русскую исламскую церковь», состоящий из системы «магометанских» (исламских) духовных управлений [5, с. 242]. В нее входили Оренбургский (в Уфе) и Таврический (в Симферополе) суннитские муфтияты, Духовные управления суннитов и шиитов Закавказья в Тифлисе. Руководители управлений утверждались царем, а непосредственный контроль за их деятельностью осуществлялся Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД, функционировавшем до 1917 г. Мусульманская умма Российской империи указанные юридические формы и религиозные институты, несмотря на явную чужеродность традициям и исламскому праву, приняла, видя в этом упрочение своих позиций в государственном аппарате и российском обществе [1, с. 6–11].

В период становления советской власти сформировались мусульманские духовные институты, аналогичные по своей структуре дореволюционным, использовавшимся правительством для поддержания внутренней стабильности и продвижения внешнеполитического курса [6, с. 18].

Преемником Оренбургского суннитского муфтията в Уфе в 1920 г. стало Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири (далее – ЦДУМ) [7, с. 5]. Таврический суннитский муфтият Крыма в 1923 г. преобразован в Крымское «Центральное мусульманское народное управление религиозными делами». Духовное управление суннитов и шиитов, находившееся до 1917 г. в Тифлисе, из-за разделения Закавказья на отдельные республики (Грузию, Армению и Азербайджан) прекратило свое существование. Организация духовной жизни мусульман Северного Кавказа, а также Узбекской ССР, образовавшейся в 1924 г., носила децентрализованный характер [8, с. 12–13].

Февральская революция 1917 г., изменившая все стороны жизни российского общества, в том числе организацию духовной жизни мусульман, придала гласности националистические и сепаратистские настроения в их среде и вызвала их подъем.

Так, 1 мая 1917 г. в Уфе состоялся I Всероссийский съезд мусульман, наглядно показавший степень радикализованности значительной части его делегатов по отношению к православному населению страны. Открыто звучали высказывания об угнетении тюркоязычных народов, негативном отношении к мусульманам, несоответствии действующего законодательства, притесняющего духовную жизнь мусульман, современным реалиям, а также институте муфтията как «представительстве сыска и надзора за благонадежностью чувств и идей».

Основным результатом Съезда стала резолюция об образовании координирующего мусульманские народы России органа – Всероссийского центрального совета мусульман (Высший мусульманский совет – Милли Шуро), а также представительного органа тюркско-татарской автономии мусульман Внутренней России и Сибири – Милли Меджлиса [9, с. 100–112].

Стоит отметить, что именно «тюркско-татарский» вопрос стал наиболее противоречивым и вызвал негативную реакцию среди мусульман других национальностей, голосовавших за территориальные, а не национально-культурные автономии.

Перед проведением I Всероссийского съезда мусульман в период с 15 по 20 апреля 1917 г. в Баку и с 24 по 27 апреля 1917 г. в Казани прошли I Съезд мусульман Кавказа и I Всероссийский съезд мусульманок (Общероссийский съезд сторонниц эмансипации), требовавших равноправия женщин в исламе, участия в организации духовной жизни верующих.

Примечательным является I Съезд мусульман Кавказа, в котором приняли участие шииты[1] Азербайджана и мусульмане-сунниты[2] Северного Кавказа, Грузии, Армении. Его повесткой стали необходимость объединения всех мусульман бывшей империи, обсуждение дальнейшего политического устройства России, а также законодательно регламентированное равноправие малых народов в ее составе. Итоговая резолюция гласила: «Признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на федеративных началах». Одним из главных решений Съезда объявлялась необходимость создания центрального общемусульманского органа с законодательными функциями для всей России. Указанный факт является историческим событием общеисламского масштаба в связи с тем, что лидеры шиитского и суннитского правлений, впервые провозгласившие единство между последователями двух ветвей ислама, высказались о необходимости прекращения междоусобицы [10, с. 26].

Вместе с тем дополнительные противоречия в мусульманской умме России выявил начавшийся 18 июля 1917 г. в Казани II Всероссийский мусульманский съезд, участие в котором из-за его «тюркско-татарской» ориентированности представители Кавказа и Средней Азии не приняли. Повесткой Съезда объявлялись вопросы оптимизации духовной жизни мусульман в новых условиях, создание Всероссийского союза улемов[3], а также поиск путей решения наиболее спорного вопроса о равноправии женщин в исламе.

По итогам двух съездов созданы Национальный парламент (Милли Меджлисс) и Национальное управление (Милли Идар), состоявшее из трех направлений – духовного, закреплявшегося за Оренбургским магометанским духовным собранием, реорганизованным в ЦДУМ, финансового и просветительского.

Параллельно со II Всероссийским мусульманским съездом в Казани прошел I Всероссийский мусульманский военный съезд, предпосылками к которому стали региональные съезды на отдельных участках фронта Первой мировой войны[4]. В итоговой резолюции Съезда принято решение о создании Всероссийского мусульманского военного совета (Харби-Шуро).

8 января 1918 г. на основании решения Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г., объявленного 3 января 1918 г., II Всероссийским мусульманским военным съездом провозглашено образование в границах Казанской, Уфимской, отдельных районов Вятской, Оренбургской, Пермской, Самарской и Симбирской губерний национального государства Идель-Уральский (Волжско-Уральский) штат. 10 января 1918 г. Милли Меджлисом ставится вопрос о необходимости международного признания правового статуса национальной автономии Идель-Уральского штата, а также подготовке конституции, согласно которой предполагалось создание Тюркской федеративной республики, состоящей из пяти штатов: Крымского, Туркестанского, Казахстанского, Идель-Уральского и Кавказского. Однако из-за противоречий с представителями Кавказа и Средней Азии этот вопрос откладывался на неопределенное время.

Принятые на указанных мероприятиях резолюции наглядно демонстрируют общую тенденцию в мусульманском сообществе России, получившем возможность после Февраль-

[1] Шииты (от араб. аш-Шиа) – приверженцы, партия, общее название различных группировок и общин, признавших Али б. Аби Талиба и его потомков единственными законными наследниками и духовными приемниками пророка Мухаммада (подробнее см.: Негляр Л. В. Ислам. Энциклопедический словарь. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 298).

[2] Суниты (от араб. АХЛ ас-СУННА ва-л-ДЖАМААТ) – люди сунны и согласия общины, самоназвание большей части мусульман, одного из основных течений ислама (подробнее см.: Там же. С. 29).

[3] Улемы (от араб. Алим (единственное число)) – знающий, ученый, собирательное название знатоков богословия, историко-религиозного предания и этико-правовых норм ислама, как теоретиков, так и практических деятелей в области традиционных форм образования, судопроизводства на основе шариата и исполнения обрядов (подробнее см.: Там же. С. 239, 240).

[4] Например, I армейский съезд 9 армии на Румынском фронте.

ской революции 1917 г. высказываться о своих правах и на практике реализовывать национал-сепаратистские настроения.

В ночь с 27 на 28 февраля 1918 г. после принятия 6 (19) января 1918 г. Декрета о роспуске Учредительного собрания и признания единственным легитимным органом власти СНК большевики арестовывают руководство II Всероссийского мусульманского военного съезда, а незначительные очаги сопротивления сторонников Милли Меджлиса, провозгласивших «Забулачную республику» в татарской части Казани, с легкостью подавляют. Постановлением от 21 апреля 1918 г. Наркомнаца упраздняется Милли Идар. Деятельность Духовного управления мусульман при условии исполнения исключительно религиозных функций разрешается [9, с. 100–112].

Стоит отметить, что в период Гражданской войны большевиками активно использовался принцип «разделяй и властвуй». В частности, в исламской среде распространялся тезис о вине православных за притеснения мусульман, между татарами и башкирами, чеченцами и казаками, осетинами и ингушами разжигалась межнациональная вражда, препятствовавшая объединению антибольшевистских сил [11, с. 38].

Одной из особенностей ислама является гибкость и умение его духовенства приспосабливаться к различным общественно-политическим, правовым, социальным и географическим условиям, что обусловлено отсутствием единого координирующего и направляющего центра, отстаивающего традиции и порядок.

Вследствие этого к началу Октябрьской революции 1917 г. из-за распространения появившихся в конце XIX в. прогрессивных (модернистских) идей исламское духовенство страны разделилось на две части: последователи обновления и европеизации мусульман – джадидисты[1], сторонники консерватизма – кадимисты[2].

Во многом носителями революционных идей среди мусульманских народов стали джадидисты, преследуемые царскими правоохранительными органами за распространение идеологий пантюркизма[3], панисламизма и национализма, часть из которых поддержала советскую власть и вступила в ряды РКП(б) [12, с. 189].

В частности, вопросами реализации исламской политики советской власти занимались опытные революционеры из числа прогрессивных мусульман, так или иначе связанные с джадидистскими идеями: Мулланур Вахитов[4] и Мирсаит Султан-Галиев. Первый с 1918 г. являлся председателем Центрального комиссариата по делам мусульман Внутренней России и Сибири при Наркомнаце (Муском) [13, с. 3–20, 70–94, 118–183], второй занимал должность представителя РКП(б) в указанном учреждении.

Главным идеологом так называемого «исламского марксизма» – слияния марксистско-ленинской идеологии и ислама – стал мыслитель, публицист и сторонник мусульманского прогрессизма Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич (13.07.1892–28.01.1940). Уроженец Уфимской губернии, выходец из семьи учителя, он после окончания Казанской учительской семинарии работал по специальности, затем журналистом в Баку. В годы Гражданской войны М. Султан-Галиев, являвшийся крупнейшей политической фигурой из числа большеви-

[1] Джадидизм (от араб. усуль аль-джадид – новый метод) – общественно-политическое движение за обновление исламской культуры и общества среди российских мусульман Крыма, Поволжья и Урала, Кавказа и Средней Азии 1880–1920-х гг. (подробнее см.: Мухаметшин Р. М. Джадидизм // Большая российская энциклопедия / гл. ред. С. Л. Кравец. М., 2022–2025. URL: bigenc.ru (дата обращения: 08.01.2025)).

[2] Кадимизм (от араб. – старый, древний) – мировоззренческая установка, форма проявления религиозного консерватизма, направленная на освящение и сохранение в неизменном виде религиозных и нравственных ценностей, общественных отношений и социальных институтов, сформировавшихся в мусульманском сообществе в процессе его развития (подробнее см.: Мухаметшин Р. М. Кадимизм // Большая российская энциклопедия / гл. ред. С. Л. Кравец. М., 2022–2025. URL: bigenc.ru (дата обращения: 08.01.2025)).

[3] Все правители России от Екатерины II до В. И. Ленина включительно вынуждены были считаться с воздействием духовного авторитета Османов на российское мусульманство (Халифат был упразднен лишь в 1924 г.).

[4] Мулланур Муллазянович Вахитов (10.08.1885, село Казаево – 19.08.1918, Казань) – участник Гражданской войны, татарский революционер и общественно-политический деятель, с 17 января 1918 г. – руководитель Комиссариата по делам мусульман Внутренней России. В июле 1918 г. был назначен чрезвычайным комиссаром по продовольствию в Поволжье. В августе выехал в Казань для мобилизации сил против белых, после ее штурма Народной армией КОМУЧа арестован и казнён.

ков-мусульман, был членом Коллегии Наркомнаца, председателем Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), начальником Восточного отдела Политического управления Красной армии, председателем Федерального комитета землеустройства. Его предложения по расширению прав национальных республик, а также призывы о необходимости корректировки внутренней политики с учетом особенностей менталитета представителей исламской религии не получили практического воплощения при подготовке союзного договора от 1922 г. Указанные идеи привели к разногласиям с И. В. Сталиным, посчитавшим М. Султан-Галиева одним из своих конкурентов, в связи с чем 4 мая 1923 г. он исключен из РКП(б), затем обвинен в «участии в контрреволюционном националистическом заговоре против советской власти, поддержке басмачества», арестован и 28 января 1940 г. после череды освобождений и арестов расстрелян [14, с. 7–11, 18–23, 76–105, 204–276].

Стоит отметить, что его идеи легли в основу реализации большевиками пропагандистской риторики в мусульманской среде о вооруженной борьбе с белогвардейским движением и «черносотенцами» как угнетателями национальных меньшинств, препятствующими созданию национальных автономий.

В своих трудах М. Султан-Галиев отмечал, что ведение антирелигиозной пропаганды в среде мусульман является наиболее сложным и труднореализуемым процессом. Им сформулирован тезис, согласно которому «первым и самым важным фактором, определяющим положение ислама в этом вопросе, является его позднее происхождение. Из всех "великих" религий земного шара ислам является самой молодой, а потому самой стойкой и сильной по влиянию религией». М. Султан-Галиевым выделено отличие мусульманского духовенства от духовенства православного, которое обусловлено «его особой прочностью среди населения» [15, с. 79–84]. В дальнейшем большевики, использовавшие работы М. Султан-Галиева, проводили активную работу по привлечению на свою сторону путем частичных уступок и компромиссов в реализации антирелигиозной политики наиболее авторитетных мусульманских духовных лидеров.

2 мая 1918 г. на фоне обострения конфессиональных противоречий И. В. Сталин подписал постановление Наркомнаца о создании Мусульманской рабоче-крестьянской армии в составе Рабоче-крестьянской Красной армии, комплектование которой М. Вахитовым и М. Султан-Галиевым осуществлялось с использованием сепаратистских и националистических настроений среди мусульман.

В июне 1918 г. для организации пропагандистской работы среди мусульманских частей создана Центральная мусульманская военная коллегия (Центрмусвоенколлегия), юридически подчиненная Народному комиссариату по военным делам, а фактически Мускому. Ее первым председателем назначен М. Султан-Галиев, организовавший издание распространяемых в мусульманских воинских частях и их окружении газет на тюркских языках.

Вследствие признания мусульман в качестве союзников в борьбе с «империалистической буржуазией» в начальный период становления советской власти значительные уступки были сделаны в области реализации исламского права. В частности, наряду с новыми судами сохранялось судопроизводство на основе шариата[1] и адата[2]. В январе 1920 г. ЦИК Совета Туркестанской области утвердил положение «О комиссии по согласованию законоположений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства Туркестанской Республики с шариатом и адатом». Согласно постановлению при расхождении между распоряжениями и законопроектами правительства и положениями шариата и адата необходимо в нормативные

[1] Шариат (араб. аш-Шариа) – правильный путь, закон, предписание, авторитетно установленные в качестве обязательных, комплекс закрепленных, прежде всего Кораном и сунной, предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение (подробнее см.: Негляр Л. В. Ислам. Энциклопедический словарь. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 292–294).

[2] Адат (ада) – обычай, пережиточные нормы доисламских правовых комплексов, а также реалии правовой жизни, не отраженные шариатом (подробнее см.: Там же. С. 13).

правовые акты правительства вносить изменения, соответствующие исламскому праву. В дальнейшем по мере укрепления советской власти мусульманское судопроизводство было ликвидировано. Однако на первоначальном этапе этот факт имел серьезное значение в восприятии мусульманами советской власти как «освободителей от великодержавных угнетателей» [2, с. 206–214].

Широкое распространение идеи «красного» шариата получили на Кавказе, в Средней Азии и Татарстане. Особым постановлением ЦК РКП(б) «О Туркестано-Бухарских делах» (1922 г.) предусматривался возврат вакуфных[1] земель и организация казийских[2] и бийских[3] судов. Советское руководство в целях обеспечения лояльности мусульманского населения Средней Азии пошло на исключение из конституций Бухарской и Хорезмской республик положений об отделении церкви от государства [16, с. 435–477].

С 1923 г. лояльное исламское духовенство ввело в широкое обращение лозунг «За советскую власть и шариат», ставший основополагающим в принятии большевизма в мусульманских регионах и республиках России.

Советская власть, слабо знакомая с исламом, гибко и энергично воспринимала идеи примкнувших к ней исламских мыслителей и религиозных деятелей, в своих работах освещавших протекающую в едином, определенном шариатом ключе политическую и правовую организацию мусульманского общества. В проведении параллелей между марксизмом и исламом советскими идеологами, из числа мусульман, умело использовались результаты иджтихада[4] джадидистских богословов. В частности, ссылки на труды авторитетного мыслителя и богослова Габдуллы Буби (1871–1922), выступавшего реформатором в области исламского права – фикха[5], о «несправедливости» и «притеснении» при распределении благ, необходимости подчиняться установившейся светской власти активно использовались в агитационной работе среди мусульман, укрепляя их веру в тождественность марксистской идеологии и учения пророка Мухаммада.

Вместе с тем прагматизм советской власти в отношениях с исламским населением имел ряд просчетов, способствовавших созданию очагов вооруженного сопротивления. Причинами этому послужили недооценка различий культурных ценностей, правовых ориентиров, прямая противоположность исламского религиозного учения, объединяющего религию, политику, право и систему образования, христианству, где государственность и конфессиональность существуют раздельно.

Так, в Туркестане, где проживала практически половина мусульман дореволюционной России, советское руководство (русское и русскоязычное) первоначально заняло по отношению к «коренному» исламскому населению региона так называемую «великодержавную позицию». Указанная позиция привела к возникновению «очагов социальной напряженности», выразившихся в усилении антирусских и антисоветских настроений, и формированию под лозунгами «джихада»[6] бандподполья – басмаческого движения [17, с. 11–16]. В целях

[1] Вакуф (вакф) (от араб. аукаф или вукуф; синоним хубс) – неотчуждаемое имущество, предназначенное для определенных целей (подробнее см.: Негляр Л. В. Ислам. Энциклопедический словарь. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 239, 245).

[2] Казийский (от араб. кади (кадий, казий) – назначающий, приговаривающий) – общепринятое название мусульманского судьи – чиновника, назначаемого правителем и отправляющего правосудие на основе шариата (подробнее см.: Там же. С. 125).

[3] Бек (бий, бег, бей) – титул родоплеменной, а затем феодальной знати в странах Ближнего и Среднего Востока. Синоним арабского «амир» или «эмир».

[4] Иджтихад (буквально – усердие, прилежание, настойчивость) – деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, система принципов, аргументов, методов и приемов, используемых при этом исследовании, а также степень авторитетности самого ученого (муджтахида) в знании, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников (подробнее см.: Там же. С. 91, 92).

[5] Фикх (буквально – глубокое знание, проникающее в суть изучаемого предмета, наука о нормативной стороне шариата) – исламская доктрина о правилах поведения мусульман (юриспруденция), исламский комплекс социальных норм (мусульманское право в широком смысле) (подробнее см.: Негляр Л. В. Ислам. Энциклопедический словарь. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 254–257).

[6] Джихад («усилие») – борьба за веру (тожд.: джихад фи сабили-ллах – «борьба на пути Аллаха») (подробнее см.: Там же. С. 66, 67).

ликвидации последствий неумелых действий советских региональных руководителей Москвой в Среднюю Азию направляются М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, которые в кратчайшие сроки ослабили межэтническую напряженность в регионе.

Необходимо отметить обеспокоенность советской власти деятельностью «незарегистрированных» мусульманских духовных лиц («бродячие муллы»), а также членов нелегальных суфийских[1] братств (мюридов[2]). Последние вызывали особую настороженность в связи с их участием в провокациях беспорядков в мусульманской среде.

Негативное восприятие советской властью «мюридизма» связано с перекочевавшей от их предшественников позицией, согласно которой указанное учение является враждебным мусульманским течением, имеющим все признаки религиозной секты. Подобные установки также были характерны для Объединенного государственного политического управления (далее – ОГПУ), непосредственно осуществлявшего борьбу с суфийскими братствами, а также объединениями, использовавшими зачастую лишь суфийскую риторику и ритуалы, воспринимаемые советской властью как враждебные и подлежащие искоренению и уничтожению [8, с. 192].

Главный вектор взаимодействия с исламской уммой в Советском государстве определяла компартия в лице ее высшего руководства. Исполнителями определенной им линии по отношению к исламу являлись Комиссия по делам отделения церкви от государства при ЦК и Антирелигиозная комиссия при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК, руководившие так называемой «безбожной» политикой Советского государства. Кроме того, исламом и его «духовенством» также занимались Народный комиссариат по делам национальностей и Постоянная комиссия (ранее отдел) по вопросам культов при ВЦИК (ЦИК СССР) [8, с. 12–14].

Достоверное освещение реализуемой политики, «скрытое» управляющее воздействие, применение карательных акций в Советском государстве на протяжении всей его истории осуществляли спецслужбы, являющиеся «карающим мечом диктатуры пролетариата» [7, с. 11–24]. В «исламском факторе» основную роль в 1920-х гг. играл Восточный отдел ОГПУ, который курировал все аспекты борьбы с «восточной контрреволюцией». После его упразднения в 1929 г. «исламский фактор» перешел в ведение Секретного отдела ОГПУ. Процесс выработки управленческих решений руководством страны по исламской линии основывался на предоставляемой спецслужбами аналитической информации, которая получалась гласными и негласными (агентурными) методами [18, с. 92–93].

Необходимо отметить, что архивные документы, публикуемые различными авторами о переписке ЦДУМ со структурами советской власти [7, с. 77–85, 91–103, 105], свидетельствуют о попытках мусульманских духовных лидеров сохранить в условиях так называемой «безбожной политики» отдельные аспекты религиозной жизни верующих. В этих целях муфтий ЦДУМ Р. Ф. Фахретдинов[3] и его окружение демонстрировали полную лояльность советской власти, настрой на сотрудничество и подчинение светскому законодательству подконтрольной части мусульманской уммы, что имело положительную обратную связь до 1927 г.

Подводя итоги, можно отметить, что после Октябрьской революции 1917 г. ислам, как и другие религии в России, оказался в принципиально новых социально-экономических и идео-

[1] Суфизм (от араб. ат-Тасаввуф) – мистико-аскетическое течение в исламе (подробнее см.: Негляр Л. В. Ислам. Энциклопедический словарь. М. : Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 225–228).

[2] Мюрид (мурид) – добровольный последователь, ученик, называли человека в период его приготовления к вступлению в суфийское братство (тарика) или ремесленную корпорацию (синф), когда он находился на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования (подробнее см.: Там же. С. 172, 173).

[3] Фахретдинов Ризаэтдин Фахретдинович (1859–1936) – видный богослов, историк, писатель и общественный деятель, родился в деревне Кичучат Самарской губернии. Обучился грамоте в медресе своего отца, затем продолжил образование в деревне Шелчелы, где началось знакомство с творчеством татарских просветителей Габденнасыра аль-Курсави и Шигабутдина Марджани. В 1889 г. избран имамом в деревне Ильбак, а спустя два года переехал в Уфу, где занял пост шариатского судьи – кади. В 1923 г. избран муфтием мусульман Внутренней России и Сибири и до конца жизни занимал эту должность (подробнее см.: Усманова Д. М. Фахретди́нов Ризаитдин Фахретдинович // Большая Российская энциклопедия / гл. ред. С. Л. Кравец. М., 2004–2017. URL: old.bigenc.ru (дата обращения: 02.01.2025).

логических условиях. Прежде всего новый строй не нуждался в поддержке религии. Вместе с тем идеи большевиков об интернационализме, братстве наций имели сильнейшее агитационное воздействие на мусульман в годы Гражданской войны. В 1917–1927 гг. большевики по различным внутренним и внешним причинам относились к мусульманам терпимо. Духовные и религиозные образовательные учреждения, их служители и преподаватели практически не пострадали от антирелигиозной политики этого периода. Проводились организационные съезды духовных управлений [19, с. 178–181], разрешалась деятельность шариатских судов [20, с. 226–228], определявших соответствие распоряжений и законопроектов нормам исламского права [2, с. 230].

В дальнейшем, несмотря на выраженный (различный по степени в зависимости от исторического периода) антирелигиозный («борьба за торжество научного атеизма») характер реализуемой советской властью политики, указанные обстоятельства вынудили большевиков проводить в 1918–1927 гг. более гибкою и в отдельных случаях «мягкую» по отношению исламской религии и ее движущей силе – духовенству – линию взаимодействия.

С началом 1930-х гг. наступает время репрессий, прежде всего в отношении духовенства. В этот период были закрыты практически все культовые сооружения, система образования упразднена вместе с духовными управлениями, за исключением формально сохранившегося Духовного управления мусульман Внутренней России, Сибири и Казахстана в Уфе[1]. Большевиками начинает реализовываться программа «максимум», по достижении которой атеистические взгляды на действительность должны полностью заменить все религиозные вероучения и прекратить существование их институтов. Проводится политика исключения религии, и ислама в том числе, из основных сфер общественных отношений – политической, социальной, этической, в незначительной степени сохраняя лишь удовлетворение религиозных потребностей верующих.

Список литературы

1. Императорская Россия и мусульманский мир : (конец XVIII – начало XX в.) : сб. ст. / сост. Д. Ю. Арапов. М. : Наталис, 2006. 479 с. EDN: QPFJRH
2. Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М. : Восточная литература, 1995. 311 с.
3. Аширов Н. А. Эволюция ислама в СССР. М. : Политиздат, 1973. 152 с.
4. Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. М. : Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003. 851 с.
5. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / отв. ред. Н. А. Иванов. М. : Наука : Восточная литература, 1993. 393 с.
6. Романенко В. С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века (к 80-летию со дня проведения Первого всемирного мусульманского конгресса) : монография. Н. Новгород : НИМ «Махинур», 2005. 144 с. EDN: TTRZDV
7. Арапов Д. Ю., Косач Г. Г. Ислам и Советское государство (по материалам Восточного отдела ОГПУ 1926 г.) // Ислам и Советское государство : сб. ст. Вып. 1. М. : Издательский дом Марджани, 2010. С. 11–24. EDN: FAPCRB
8. Арапов Д. Ю. Ислам и Советское государство (1917–1936) : сб. документов. Вып. 2. М. : Издательский дом Марджани, 2010. 203 с.
9. Силантьев Р. А. Мусульманская дипломатия в России: история и современность. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. 527 с.
10. Волхонский М. А., Муханов В. М. По следам Азербайджанской Демократической Республики : монография. М. : Европа, 2007. 250 с. EDN: PYUHRV
11. Гиязов И. Тюркизм: становление и развитие (характеристика основных этапов). Казань : Казанский государственный университет, 2002. 70 с.
12. Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / пер. с англ. П. А. Грязневича. М. : Наука, 1971. 323 с.

[1] Ислам на европейском Востоке : энциклопедический словарь / под ред. Р. А. Набиева. Казань : Магариф, 2004. 383 с.

13. Нафигов Р. И. Мулланур Вахитов (историко-биографический очерк). Казань : Татарское книжное издательство, 1975. 224 с.

14. Неизвестный Султан-Галиев: рассекреченные документы и материалы / сост. Б. Ф. Султанбеков, Д. Р. Шарафутдинов. Казань : Татарское книжное издательство, 2002. 458 с.

15. Аршаруни А. М., Габидуллин Х. Г. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М. : Безбожник, 1931. 138 с.

16. Миннуллин И. Р. Религиозная политика в 1920–1940-х гг. // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность : сб. ст. Казань : Фен, 2006. С. 435–477. EDN: QNPJLT

17. Поляков С. П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М. : [б. и.], 1989. 112 с.

18. Антонов В. С., Карпов В. Н. Тайные информаторы Кремля-2. С них начинается разведка. М. : Олма-Пресс, 2003. 414 с.

19. Миннуллин И. Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.) : монография. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН ТР, 2006. 220 с. EDN: QUGLDN

20. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М. : Восточная литература, 2002. 368 с.

References

1. Arapov D.Yu. (comp.). *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskiy mir: (konets XVIII-nachalo XX v.): sb. st. = Imperial Russia and the Muslim world: (late 17th – early 20th centuries): collection of articles*. Moscow: Natalis, 2006:479. (In Russ.)

2. Landa R.G. *Islam v istorii Rossii = Islam in the history of Russia*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995:311. (In Russ.)

3. Ashirov N.A. *Evolyutsiya islama v SSSR = The evolution of Islam in the USSR*. Moscow: Politizdat, 1973:152. (In Russ.)

4. Chebotareva V.G. *Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noy politiki = People's commissariat of nationalities of the RSFSR: light and shadows of national policy*. Moscow: Obshchestv. akad. nauk ros. nemtsev. 2003:851. (In Russ.)

5. Ivanov N.A. (resp. ed.). *Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravleniya i vlasti = The phenomenon of Eastern despotism: the structure of governance and authority*. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 1993:393. (In Russ.)

6. Romanenko V.S. *Sotrudnichestvo sovetskoy diplomatii i musul'manskogo dukhovenstva SSSR v 20-e gody XX veka (k 80-letiyu so dnya provedeniya Pervogo Vsemirnogo musul'manskogo kongressa): monografiya = Cooperation of Soviet diplomacy and Muslim spirituality of the USSR in the 20th century (on the 80th anniversary of the establishment of the First World Muslim Congress): monograph*. Nizhniy Novgorod: NIM «Makhinur», 2005:144. (In Russ.)

7. Arapov D.Yu., Kosach G.G. Islam and the Soviet State (based on materials from the Eastern Department of the OGPU, 1926). *Islam i sovetskoe gosudarstvo: sb. st. Vyp. 1. = Islam and the Soviet State: Collection of Articles. Issue 1*. Moscow: Izdatel'skiy dom Mardzhani, 2010:11–24. (In Russ.)

8. Arapov D.Yu. *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1917–1936): sb. dokumentov. Vyp. 2 = Islam and the Soviet State: collection of documents. Issue 2*. Moscow: Izdatel'skiy dom Mardzhani, 2010:203. (In Russ.)

9. Silant'ev R.A. *Musul'manskaya diplomatiya v Rossii: istoriya i sovremennost' = Muslim diplomacy in Russia: history and modernity*. Moscow: IPK MGLU «Rema», 2009:527. (In Russ.)

10. Volkhonskiy M.A., Mukhanov V.M. *Po sledam Azerbaydzhanskoy Demokraticheskoy Respubliki: monografiya = In the footsteps of the Azerbaijan Democratic Republic: monograph*. Moscow: Evropa, 2007:250. (In Russ.)

11. Giyazov I. *Tyurkizm: stanovlenie i razvitie (kharakteristika osnovnykh etapov) = Turkism: formation and development (characteristics of the main stages)*. Kazan: Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 2002:70. (In Russ.)

12. Bosvort K.E. *Musul'manskie dinastii. Spravochnik po khronologii i genealogii. Per. s angl. P.A. Gryaznevicha = Muslim dynasties. handbook of chronology and genealogy. Translated from English by P.A. Gryaznevich*. Moscow: Nauka, 1971:323. (In Russ.)

13. Nafigov R.I. *Mullanur Vakhitov (istoriko-biograficheskiy ocherk) = Mullanur Vakhitov (historical and biographical essay)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975:224. (In Russ.)

14. Sultanbekov B.F., Sharafutdinov D.R. (comp.) *Neizvestnyy Sultan-Galiev: rassekrechennye dokumenty i materialy = Unknown Sultan-Galiyev: declassified documents and materials*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002:458. (In Russ.)

15. Arsharuni A.M., Gabidullin Kh.G. *Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii = Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia*. Moscow: Bezbozhnik, 1931:138. (In Russ.)

16. Minnullin I.R. Policy on religion in the 1920s–1940s. *Islam i musul'manskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost': sb. st. = Islam and Muslim culture in the Middle Volga Region: history and modernity: collection of articles*. Kazan: Fen, 2006:435–477. (In Russ.)

17. Polyakov S.P. *Traditsionalizm v sovremennom sredneaziatskom obshchestve = Traditionalism in modern Central Asian society*. Moscow: [b. i.], 1989:112. (In Russ.)

18. Antonov V.S., Karpov V.N. *Taynye informatory Kremlya-2. S nikh nachinaetsya razvedka = Secret Kremlin informants-2. intelligence begins with them*. Moscow: Olma-Press, 2003:414. (In Russ.)

19. Minnullin I.R. *Musul'manskoe dukhovenstvo i vlast' v Tatarstane. (1920–1930-e gg.): monografiya = Muslim clergy and power in Tatarstan (1920–1930s): monograph*. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN TR. 2006:220. (In Russ.)

20. Bobrovnikov V.O. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychay, pravo, nasilie. Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana = Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence. essays on the history and ethnography of law in Highland Dagestan*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002:368. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

В. Г. Шепелев – аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0009-0000-3344-6656

V.G. Shepelev – Postgraduate student, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0009-0000-3344-6656

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 31.01.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.03.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.4
EDN: YWJONQ
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-7

КУЛЬТУРНО-НРАВСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Виталий Владимирович Гошуляк

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
vvgoshulyak@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Актуальность темы исследования определяется ее научно-теоретической и практической значимостью. В научно-теоретическом плане ее изучение позволяет углубить наши представления о национальной безопасности России как системной проблеме, включающей внутренние и внешние угрозы. В практическом плане тема значима с точки зрения выработки рекомендаций по совершенствованию российского законодательства с учетом введения в него института культурно-нравственной безопасности. *Материалы и методы*. Использован широкий круг источников права, имеющих отношение к теме исследования. В качестве методов исследования применены логический, исторический, метод анализа и синтеза, диалектический метод, цивилизационный подход. *Результаты*. Обоснована идея выделения культурно-нравственной безопасности как самостоятельного вида национальной безопасности Российской Федерации и включения его особым правовым институтом в отдельные отрасли публичного права. *Выводы.* Традиционные ценности имеют в своей основе культурно-нравственные представления нашего народа, сформировавшиеся из религиозных вероучений, народных традиций и обычаев, выражающие национальную и культурную идентичность представителей российской цивилизации. Традиционные ценности – это передаваемые из поколения в поколение культурно-нравственные ориентиры, формирующие национальную идентичность многонационального народа Российской Федерации. Закрепление в Конституции РФ духовно-нравственных ценностей означает, что именно их наше государство считает самыми важными и самыми значимыми для гражданского общества и берет их под свою правовую защиту. Именно на их основе формируется культурно-нравственная или цивилизационная безопасность нашего государства.

Ключевые слова: государство-цивилизация, национальная безопасность, культурно-нравственная безопасность, религиозная безопасность, традиционные ценности, конституционные нормы

Для цитирования: Гошуляк В. В. Культурно-нравственная безопасность Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 68–75. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-7 EDN: YWJONQ

© Гошуляк В. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

CULTURAL AND MORAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Vitaly V. Goshulyak

Penza State University, Penza, Russia

vvgoshulyak@rambler.ru

Abstract. *Background*. The relevance of the research topic is determined by its scientific, theoretical and practical significance. From a scientific and theoretical point of view, studying this problem allows us to deepen our understanding of Russia's national security as a systemic problem involving internal and external threats. In practical terms, the topic is significant from the point of view of developing practical recommendations for improving Russian legislation, taking into account the introduction of the institute of cultural and moral security. *Materials and methods*. The article uses a wide range of legal sources relevant to the research topic. The research methods used were logical, historical, method of analysis and synthesis, dialectical method, civilizational approach. *Results*. The article substantiates the idea of distinguishing cultural and moral security as an independent type of national security of the Russian Federation and including it as an independent legal institution in certain branches of public law. *Conclusions.* Traditional values are based on the cultural and moral values of our people, formed from religious beliefs, folk traditions and customs, expressing the national and cultural identity of representatives of the Russian civilization. Traditional values are cultural and moral guidelines passed down from generation to generation, forming the national identity of the multinational people of the Russian Federation. The consolidation of spiritual and moral values in the Constitution of the Russian Federation means that our state considers them to be the most important and most significant for civil society and takes them under its legal protection. It is on their basis that the cultural, moral or civilizational security of our state is formed.

Keywords: state-civilization, national security, cultural and moral security, religious security, traditional values, constitutional norms

For citation: Goshulyak V.V. Cultural and moral security of the Russian Federation: constitutional and legal aspect. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):68–75. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-7

В последние годы значительно возрос интерес исследователей к вопросам национальной безопасности Российской Федерации. Вышло значительное количество научных работ, в той или иной степени затрагивающих настоящую проблему [1–6]. Это связано с проведением Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины, стремлением объединенного Запада нанести стратегическое поражение России, процессами глобализации, затрагивающими государственный суверенитет, и другими причинами, представляющими внешние угрозы для нашего государства. Кроме того, активизация экстремистских элементов внутри страны, стремление отдельных сил различной направленности раскачать политическую ситуацию связаны с внутренними угрозами, направленными на подрыв основ конституционного строя Российской Федерации. Следовательно, наличие внутренних и внешних угроз в их совокупности актуализировало изучение вопросов национальной безопасности в различных отраслях научного знания, включая и юридическую науку.

© Goshulyak V.V., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Также нельзя сбрасывать со счетов изначальный спор, идущий еще с XIX в., между западниками и славянофилами, который в настоящее время превратился в противоборство между глобалистами и антиглобалистами. Глобализм на современном этапе стал целостной системой идеологических, политических, экономических и иных установок, направленных на утверждение во всемирном масштабе господства единой доктрины, направленной на организацию всего мира в рамках одной глобальной парадигмы, имеющей своей целью объединение всей планеты на основе общих правил без учета национальной идентичности стран и народов.

В научном плане глобалисты стремятся раскрывать общие закономерности развития человечества. Однако эти, казалось бы, общие закономерности можно использовать для вмешательства во внутренние дела той или иной страны. Главная идея глобалистов – создание универсального государства, через которое различным политическим силам можно добиваться мирового господства. Спекулируя на теме единства и взаимосвязанности мира, глобалисты, а на деле небольшая группа богатых государств, добиваются монополии общепланетарной власти, без учета интересов других, более бедных развивающихся стран. Результатом их деятельности является создание несправедливого однополярного мира, где властвует так называемое «глубинное государство», в недрах которого сконцентрирована значительная, если не подавляющая часть мировых финансовых ресурсов.

В духовно-культурном плане глобализм представляет собой идеологию стяжательства, накопительства, потребления, ненаказуемой вседозволенности, что приводит к отказу от устоявшихся веками морально-этических норм и правил поведения. Люди в глобальной парадигме превращаются в бездумных роботов-исполнителей, удовлетворяющих свои низменные потребности и интересы и ведомых глобальными элитами в нужном для них направлении.

В отличие от глобалистов антиглобалисты выступают за национальную идентичность против процессов глобализации. Они не приемлют насаждаемую глобалистами культурную однородность, потерю суверенитета, засилье международных организаций и транснациональных монополий, вмешательство во внутренние дела государств.

Вместе с тем антиглобализм не является однородным общественным движением. В разных странах он имеет свои особенности, но есть ряд общих черт, которые выражают сущность антиглобализма. Среди них – борьба против неравенства и социальной несправедливости; отстаивание национального суверенитета; сохранение культурного разнообразия и отсутствие доминирования глобальных стандартов и ценностей; расширение демократических основ принятия решений в политике, экономике, социальной сфере многими, а не узкой группой лиц и т.п. В целом же идеология антиглобализма направлена на защиту национальных интересов и государственного суверенитета против навязывания странам и народам глобальных стандартов, которые противоречат их интересам.

Нетрудно заметить, что глобализм тесно связан с идеологий неолиберализма, основными постулатами которой являются свободный рынок и минимальное вмешательство государства в экономику. В отличие от глобалистов антиглобалисты опираются на теорию консерватизма, сохраняющую свою приверженность традиционным ценностям и порядкам, допускающую эволюционное развитие государственных и общественных институтов, выражающую национальную идентичность и цивилизационную обособленность стран и народов.

В настоящее время борьба вокруг глобализации приобретает особый характер. Ведь речь идет о будущем устройстве всего мира в целом и каждой страны в отдельности. При этом полностью отвергать идеологию глобализма не приходится, поскольку она опирается на глобальные процессы в мировой экономике, связанные со свободным передвижением товаров, услуг, финансовых средств, капиталов без учета государственных границ. Поэтому необходимо выдерживать баланс между глобалистами и антиглобалистами, между наднациональным и национальным. Другими словами, речь идет о том, как сохранить национальную идентичность в условиях глобальных процессов, происходящих в мировой экономике.

Последнее весьма значимо для Российской Федерации как страны-цивилизации, которую не обошли стороной процессы глобализации и которая старается сохранить свою нацио-

нальную идентичность. На достижение этих целей была направлена конституционная реформа 2020 г., при которой в либеральную Конституцию РФ были включены традиционные ценности, выражающие идеологию консерватизма. В результате получился некий симбиоз либерализма и консерватизма в одном нормативно-правовом акте.

Реформа Конституции РФ была вызвана крахом либеральных теорий преобразования общества и государства в нашей стране в условиях неприкрытой русофобии и конфронтации с объединенным Западом.

В нормативно-правовых актах Российской Федерации легальное определение традиционных ценностей впервые было закреплено в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Здесь под традиционными ценностями понимаются «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»[1].

Как видно, указанный нормативный правовой акт связал традиционные ценности с нравственными ориентирами и одновременно с единым культурным пространством. Это дает нам возможность вести речь не просто о традиционных ценностях, а о культурно-нравственной безопасности Российской Федерации, связанной с необходимостью их защиты.

Традиционные ценности согласно указу Президента РФ – это «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»[2].

Следует отметить, что перечисленные традиционные ценности в нормативном плане не возникли сами по себе. Появившись в обыденной жизни как нравственные начала и ориентиры в поведении, они нашли свое закрепление в Конституции РФ. Здесь следует обратить внимание на следующие статьи Конституции РФ. Статья 2 провозгласила права и свободы человека и гражданина вышей ценностью; ст. 21 закрепила право на жизнь и обязанность государства охранять достоинство личности; ст. 67.1 установила приоритет семейного воспитания и сохранение памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога; ст. 69 говорит о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом; ст. 72 – о формировании культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью и защите института брака как союза мужчины и женщины, создания условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях, обозначая эти аспекты как предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В преамбуле Конституции РФ закрепляются сохранение исторически сложившегося государственного единства, любовь и уважение к Отечеству, вера в добро и справедливость, историческая память и преемственность поколений.

Включение в Конституцию РФ перечисленных традиционных ценностей означает, что именно эти ценности государство считает «самыми важными и самыми значимыми для гражданского общества» [7, с. 71]. В них нашел свое выражение «ценностный выбор многонационального народа Российской Федерации» [8, с. 29].

Ставшие конституционными нормами традиционные ценности имеют прямое отношение к национальной идее, которая не была сформулирована и закреплена в Конституции РФ

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // ГАРАНТ.РУ (Garant.ru) : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=mb8b4z48lk386554863 (дата обращения: 20.02.2025).

[2] Там же.

1993 г. в период ее разработки. Конституционная реформа 2020 г. связала ее с необходимостью сохранения и защиты традиционных ценностей. Через их призму следует рассматривать национальную идею как целостную систему «базовых национальных, прежде всего, идейно-политических, ценностей, идеалов и взглядов, формирующихся на основе исторического опыта, национальной самоидентификации и ментальности народа и политических элит в эпоху кардинальных общественных трансформаций, предполагающих определенную идеологию и стратегию развития государства с позиций его национальных интересов и приоритетов» [9, с. 18].

Ядром традиционных ценностей являются культурно-нравственные ценности, которые подвержены эволюционному, а не революционному развитию. По мнению К. Маркса, их следует рассматривать в контексте революционных преобразований. «Традиции всех мертвых поколений, – писал он, – тяготеют как кошмар над умами живых» и именно они используются революционерами как заклинания, чтобы вызвать «дух революции» [10]. Вместе с тем, как показал опыт человеческой истории, традиции не подвержены революционным изменениям, а отличаются своим постоянством, поскольку относятся к морально-нравственным категориям.

Конституционные нормы, выражающие традиционные ценности, нуждаются в защите со стороны государства. Именно они составляют нормативную основу культурно-нравственной безопасности Российской Федерации.

Сам термин «культурно-нравственная безопасность» является сравнительно новым в юридической науке. Он стал употребляться после внесения масштабных изменений в Конституцию РФ в 2020 г., хотя в нормативных актах федерального уровня он не применялся.

Под культурно-нравственной безопасностью следует понимать выработанные веками морально-нравственные правила поведения, защищаемые государством и характеризующие национальную идентичность нашего народа в едином культурном пространстве Российской Федерации как государства-цивилизации.

Культурно-нравственная безопасность входит в состав более общего понятия – «национальная безопасность», которая изначально трактовалась в узком смысле слова как защита территориальной целостности и суверенитета государства от существующих внешних угроз. В настоящее время понятие «национальная безопасность» понимается в широком смысле, включающем в себя не только внешние, но и внутренние угрозы, которые могут подорвать основы российской государственности и российской цивилизации. Следовательно, национальная безопасность стала «комплексной системной проблемой, учитывающей наличие многообразных факторов и угроз» [11, с. 7], включая цивилизационные угрозы, тесно связанные с традиционными ценностями.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, под национальной безопасностью понимает «состояние защищенности национальных интересов от угроз, которые могут формироваться как внутри страны, так и за ее пределами»[1].

В настоящее время особенно актуальной становится задача защиты традиционных ценностей. Это связано с возросшей русофобией объединенного Запада, стремящегося нанести стратегическое поражение России и предпринимающего попытки подрыва базовых культурно-нравственных ценностей нашего народа.

Глобалисты, представляющие либеральный Запад, пытаются насаждать чуждые нам идеалы. Именно по этой причине была принята Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утвержденная Указом Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611. В ней отмечается, что глобализация «не только способствует взаимообогащению национальных культур, но и ставит под угрозу культурную самобытность стран и народов»[2]. Отсюда

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2021. № 27, ч. 2. Ст. 5351.

[2] Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом : указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 // ГАРАНТ.РУ (Garant.ru) : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/?ysclid=mb8bfdlhhm653874449 (дата обращения: 20.02.2025).

закрепление в Конституции РФ традиционных ценностей, выражающих национальную и культурную идентичность нашего народа, стало приоритетным для цивилизационной безопасности России. В ней определяющее значение имеет культурная среда, призванная обеспечивать духовное развитие человека как гражданина нашего государства.

В юридической науке в последние годы было сформулировано такое право человека, отнесенное к основным правам, как «право быть представителем своей цивилизации, определяющей его мировоззренческую позицию и отношение к окружающему миру (право на национальную идентичность)» [12, с. 33].

С этой позицией следует согласиться. Ведь быть представителем своей цивилизации означает сохранять свою национальную идентичность, которая находит свое выражение в соблюдении личностью правил поведения, имеющих своим началом традиционные ценности, в первую очередь, культурно-нравственные.

Национальная идентичность, как уже говорилось, формируется в культурном пространстве данной цивилизации. Предназначение культурного пространства состоит в защите традиционных ценностей. Государство создает надежный заслон проникновению в нашу среду чуждых и навязанных нам стандартов. В этом и состоит смысл культурно-нравственной безопасности государства.

Следует отметить, что культурно-нравственная безопасность тесно связана с религиозной безопасностью. Для России как многоконфессионального государства это особенно важно с точки зрения сохранения религиозного мира, сосуществования и взаимодействия религиозных верований и культур. Нетрудно заметить, что именно религиозная безопасность лежит в основе культурно-нравственной безопасности, так как религиозные верования на протяжении столетий формировали наши культурно-нравственные ценности. В настоящее время значение религиозных вероучений в нашем обществе возросло настолько, что религиозную безопасность, также как и культурно-нравственную, необходимо считать приоритетом всей национальной безопасности государства.

Российское государство веками формировалось как православное. В основу его вероучения были заложены такие принципы, как уважение к людям различных национальностей и их верованиям, терпение, покровительство малым народам и спасение их от вымирания, ценность жизни, достоинства личности, приоритет духовного над материальным, созидательный труд, патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Именно эти традиционные ценности стали основой культурного пространства нашего государства-цивилизации.

Роль православия как цементирующего государственность России, обеспечивающего согласие и религиозный мир в культурном пространстве нашей страны, трудно переоценить. Однако это не означает, что все религиозные противоречия преодолены. «Противоречия в религиозных убеждениях и претензии на превосходство своей веры, – как справедливо пишет А. Ф. Мещерякова, и мы с ней солидарны, – могут стать источником напряженности и конфликтов между различными религиозными группами или внутри них» [13, с. 20]. Отсюда религиозная безопасность играет значимую роль в обеспечении культурно-нравственной безопасности.

Отдельные исследователи стали выделять религиозную безопасность как самостоятельный правовой институт [14, с. 24]. Нам представляется, что она является более узким понятием и входит в состав культурно-нравственной безопасности, несмотря на то, что многие традиционные ценности имеют религиозные корни. Религиозная безопасность не накладывается полностью на культурно-нравственную безопасность, которая формируется не только религиозными, но и народными традициями и обычаями.

Таким образом, в основе традиционных ценностей лежат культурно-нравственные ценности нашего народа, сформировавшиеся из религиозных вероучений, народных традиций и обычаев, выражающие национальную и культурную идентичность представителей российской цивилизации. Другими словами, традиционные ценности – это передаваемые из поколения

в поколение культурно-нравственные ориентиры, формирующие национальную идентичность многонационального народа Российской Федерации.

Закрепление в Конституции РФ духовно-нравственных ценностей означает, что именно их наше государство считает самыми важными и самыми значимыми для гражданского общества и берет их под свою правовую защиту. Именно на их основе формируется культурно-нравственная или цивилизационная безопасность нашего государства. В этой связи необходимо расширить понятие «национальной безопасности» путем включения в нее культурно-духовной безопасности, ввести термин «культурно-духовная безопасность» в различные отрасли публичного права России, признать на конституционном уровне право человека быть представителем своей цивилизации.

Список литературы

1. Гирько С. И. Разработка и регламентация правовых основ национальной безопасности Российской Федерации: хронология и преемственность // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 21–26. doi: 10.18572/2071-1166-2024-4-21-26 EDN: GRGJVC

2. Дудин Н. М. Политическая стабильность как средство национальной безопасности России // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 5. С. 29–33. doi: 10.18572/1813-1247-2023-5-29-33 EDN: URRKEP

3. Мошкина Н. А. Комплексный подход к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в условиях санкционного давления // Безопасность бизнеса. 2024. № 4. С. 39–43. doi: 10.18572/2072-3644-2024-4-39-43 EDN: BGIBWT

4. Нудель С. Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 11. С. 62–74. doi: 10.61205/jrp.2023.128 EDN: LUDEWV

5. Тарабукин В. В. Об актуализации вопросов модернизации и корректировки механизмов реализации правовой политики в сфере обеспечения национальной безопасности // Юрист. 2024. № 9. С. 49–54. doi: 10.18572/1812-3929-2024-9-49-54 EDN: KPTEJA

6. Шаронов С. А., Шаповалов Я. А. Частноправовые средства обеспечения национальной безопасности России // Цивилист. 2024. № 1 (47). С. 37–42. EDN: KPDTSJ

7. Несмеянова С. Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 4. С. 71–74. doi: 10.15688/lc.jvolsu.2017.4.9 EDN: YSIRLZ

8. Евдокимов В. Б., Мочалов А. Н. Конституционные ценности в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 5. С. 28–42. doi: 10.12737/jrl.2021.058 EDN: NASZYP

9. Бредихин А. Л. Национальная идея: государственно-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 18–21. doi: 10.18572/1813-1247-2021-3-18-21 EDN: QTBLTM

10. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / с предисл. Ф. Энгельса к 3-му нем. изд., под общ. ред. В. В. Адоратского. М. : Парт. изд-во, 1932. 110 с.

11. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / отв. ред. Н. К. Терещенко. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2024. 352 с. EDN: SPHRBH

12. Сабаева С. В. Роль и место духовно-культурной (цивилизационной) безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 30–34. doi: 10.18572/2071-1166-2023-8-30-34 EDN: UUVLIV

13. Мещерякова А. Ф. Религиозная безопасность как предмет конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 20–24. doi: 10.18572/1812-3767-2024-6-20-24 EDN: LEXRSG

14. Тарасевич И. А. Религиозная безопасность Российской Федерации как объект конституционно-правового исследования // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 23–25. EDN: SFBSIJ

References

1. Gir'ko S.I. Development and regulation of the legal basis for national security of the Russian Federation: chronology and continuity. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2024;(4):21–26. (In Russ.). doi: 10.18572/2071-1166-2024-4-21-26

2. Dudin N.M. Political stability as a means of national security of Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*. 2023;(5):29–33. (In Russ.). doi: 10.18572/1813-1247-2023-5-29-33

3. Moshkina N.A. An integrated approach to ensuring national security of the Russian Federation in the context of sanctions pressure. *Bezopasnost' biznesa = Business security*. 2024;(4):39–43. (In Russ.). doi: 10.18572/2072-3644-2024-4-39-43

4. Nudel' S.L. Criminal-legal mechanisms for ensuring national security. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian law*. 2023;27(11):62–74. (In Russ.). doi: 10.61205/jrp.2023.128

5. Tarabukin V.V. On updating the issues of modernization and adjustment of the mechanism for implementing legal policy in the sphere of ensuring national security. *Yurist = Lawyer*. 2024;(9):49–54. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3929-2024-9-49-54

6. Sharonov S.A., Shapovalov Ya.A. Private law means of ensuring national security of Russia. *Tsivilist = Civilist*. 2024;(1):37–42. (In Russ.)

7. Nesmeyanova S.E. On the issue of the hierarchy of constitutional values. *Pravovaya paradigma = Legal paradigm*. 2017;16(4):71–74. (In Russ.). doi: 10.15688/lc.jvolsu.2017.4.9

8. Evdokimov V.B., Mochalov A.N. Constitutional values in the constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;25(5):28–42. (In Russ.). doi: 10.12737/jrl.2021.058

9. Bredikhin A.L. National idea: state and legal aspect. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*. 2021;(3):18–21. (In Russ.). doi: 10.18572/1813-1247-2021-3-18-21

10. Marks K. *Vosemnadtsatoe bryumera Lui Bonaparta. S predisl. F. Engel'sa k 3-mu nem. izd., pod obshch. red. V.V. Adoratskogo = The Eighteenth brumaire of Louis Bonaparte. With preface by F. Engels to the 3rd German edition, under the general editorship of V.V. Adoratsky*. Moscow: Part. izd-vo, 1932:110. (In Russ.)

11. Tereshchenko N.K. (resp. ed.). *Gosudarstvo, obshchestvo i lichnost': puti preodoleniya vyzovov i ugroz v informatsionnoy sfere: monografiya = State, society and personality: ways to overcome challenges and threats in the information sphere: monograph*. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii, 2024:352. (In Russ.)

12. Sabaeva S.V. The role and place of spiritual and cultural (civilizational) security in the national security system of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2023;(8):30–34. (In Russ.). doi: 10.18572/2071-1166-2023-8-30-34

13. Meshcheryakova A.F. Religious security as a subject of constitutional and legal regulation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo = Constitutional and municipal law*. 2024;(6):20–24. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3767-2024-6-20-24

14. Tarasevich I.A. Religious security of the Russian Federation as an object of constitutional and legal research. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2014;(2):23–25. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

В. В. Гошуляк – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, директор Юридического института, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8648-4664

V.V. Goshulyak – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Law, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8648-4664

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 03.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 03.04.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научная статья
УДК 316
EDN: PYUUEI
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-8

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Наталья Владимировна Розенберг[1], **Маргарита Константиновна Карпова**[2]

[1, 2]Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

[1]elya@sura.ru
[2]karpovamk@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Патриотизм как социальный феномен претерпевает сложную эволюцию под влиянием исторических трансформаций, глобализации и современных коммуникаций. Особое значение приобретает изучение механизмов формирования патриотических ценностей у российской молодежи в условиях внешних и внутренних вызовов. Актуальность темы обусловлена необходимостью укрепления национальной идентичности и разработки эффективных стратегий патриотического воспитания в современном обществе. Цель исследования – выявление ключевых факторов трансформации патриотических настроений молодого поколения и оценка их влияния на национальную идентичность. *Материалы и методы*. Изучение патриотических ценностей молодежи и определение причин их изменения основаны на данных общероссийских опросов, осуществленных Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), а также на материалах исследований, проведенных среди студенческой молодежи Пензенского государственного университета. *Результаты.* Процессы формирования патриотических ценностей российской молодежи рассматриваются с учетом изменений, происходящих в стране и мире, изучение которых позволяет выявить ключевые факторы трансформации в сознании молодого поколения. Мобильность молодежи, миграционные процессы, влияние международных организаций и медиа оказывают двойственное воздействие на патриотические ценности молодых людей. *Выводы*. Трансформация патриотических ценностей молодежи определяется комплексным взаимодействием исторического опыта, образовательной политики и медиапространства. Для укрепления национальной идентичности необходима интегрированная стратегия: развитие патриотических учебных программ, ответственный медиаконтент и социально-культурные инициативы, направленные на формирование осознанной гражданской позиции.

Ключевые слова: молодежь, патриотические ценности, факторы трансформации, государство, страна, патриотизм

Для цитирования: Розенберг Н. В., Карпова М. К. Патриотические ценности российской молодежи: факторы трансформации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 76–90. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-8 EDN: PYUUEI

© Розенберг Н. В., Карпова М. К., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

PATRIOTIC VALUES OF RUSSIAN YOUTH: FACTORS OF TRANSFORMATION

Natalya V. Rozenberg[1], **Margarita K. Karpova**[2]

[1, 2]Penza State University, Penza, Russia

[1]elya@sura.ru

[2]karpovamk@mail.ru

Abstract. *Background*. Patriotism as a social phenomenon is undergoing a complex evolution under the influence of historical transformations, globalization and modern communications. Of particular importance is the study of the mechanisms of formation of patriotic values among Russian youth in the context of external and internal challenges. The relevance of the topic is determined by the need to strengthen national identity and develop effective strategies for patriotic education in modern society. The purpose of the study is to identify the key factors of the transformation of the patriotic sentiments of the younger generation and to assess their impact on national identity. *Materials and methods*. The study of patriotic values among young people and the determination of the reasons for their change is based on data from nationwide surveys conducted by the Public Opinion Foundation (POM) and the All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM), as well as on research materials among students at Penza State University. *Results.* The processes of formation of patriotic values of Russian youth are considered taking into account the ongoing changes in the country and the world, the study of which makes it possible to identify key factors of transformation in the minds of the younger generation. Youth mobility, migration processes, the influence of international organizations and the media have a dual impact on the patriotic values of youth. *Conclusions.* The transformation of patriotic values of youth is determined by the complex interaction of historical experience, educational policy and the media space. To strengthen national identity, an integrated strategy is needed: the development of patriotic educational programs, responsible media content, and socio-cultural initiatives aimed at forming an informed civic position.

Keywords: youth, patriotic values, factors of transformation, state, country, patriotism

For citation: Rozenberg N.V., Karpova M.K. Patriotic values of Russian youth: factors of transformation. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):76–90. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-8

Введение

Патриотизм современной российской молодежи охватывает широкий спектр убеждений и установок, включая гордость за достижения страны в различных сферах, готовность к защите национальных интересов и активное участие в общественной жизни. Развитие чувства патриотизма способствует укреплению единства и сплоченности общества, формированию гражданской ответственности и стремлению к созидательному труду на благо Родины.

Д. А. Сироткин в работе «Трансформация патриотического воспитания в России» указывает, что «в девяностые годы прошлого столетия произошел распад Советского Союза, который повлек за собой обособление многих республик социалистического лагеря. Основным направлением в этих странах стала национальная идея: вознесение национальности на первое место. Произошел отказ от прежних ценностей социалистического государства и

© Rozenberg N.V., Karpova M.K., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

приход к новой формации "Рыночной экономики", данное явление подорвало сознание россиян, значение слова "патриотизм" свелось на нет» [1].

Возобновление дискуссии о патриотическом воспитании стало заметным лишь к концу 1990-х гг. Это было вызвано совокупностью обстоятельств, включая повышение имиджа армии, появление потребительского отношения к стране, смену политического руководства. Негативные тенденции, наблюдавшиеся в молодежной среде, привели к разработке в 1999 г. Национальной доктрины образования[1]. Этот документ, направленный на восстановление исторической преемственности, укрепление связей между поколениями, а также на поддержку российской культуры, гражданственности и патриотизма среди граждан Российской Федерации, стал отправной точкой для нового направления в политике российских властей, ориентированного на развитие системы патриотического образования. Доктрина была призвана компенсировать недостатки в воспитании молодежи и способствовать формированию у нее чувства ответственности за страну и ее будущее.

С начала XXI в. в Российской Федерации отмечается усиление интереса как со стороны государства, так и со стороны общества к вопросам формирования патриотизма и развития патриотической культуры населения. Принятие в данном направлении государственных программ, а впоследствии и профильного федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации»[2] в значительной степени позволило нейтрализовать антипатриотические тенденции, возникшие на начальном этапе формирования новой российской государственности, а также трансформировать восприятие самого понятия патриотизма, которое в 90-е гг. XX в. приобрело негативный эмоциональный оттенок.

Определение сущности патриотизма и его общественной значимости привлекало внимание многих социологов, среди которых выделяются М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги [2], Г. И. Козырев [3], А. В. Кузнецова [4], В. К. Левашов [5, 6], В. В. Макаров [7, 8], И. А. Халий [9, 10], В. И. Чупров [11], В. А. Ядов [12].

Проблемы социализации молодежи, включая формирование социальной и этнической идентичности, а также ценностные ориентиры молодых граждан России стали центральной темой исследований Ю. А. Зубок [13, 14], М. Я. Курганской [15], Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой, Н. Ф. Наумовой, А. Г. Здравомыслова [16], Е. Л. Омельченко, И. В. Лисовской [17], О. В. Сальниковой [18] и др.

Трансформации в системе ценностных ориентиров молодежи в условиях масштабных общественных изменений анализируются в исследованиях М. А. Ешева [19, 20], В. А. Коробанова [21], И. А. Суриной [22], О. В. Шиняевой [23, 24] и др. Эти работы направлены на выявление динамики и специфики ценностных предпочтений молодого поколения в современной России.

Патриотические ценности – понятные для отдельного человека и общества в целом установки, идеалы и нравственные ориентиры, формирующие и выражающие преданность гражданина своей стране и ее интересам[3].

Воспитание патриотизма способствует укреплению единства и сплоченности общества, формированию активной гражданской позиции и готовности к служению Отчизне и активному отстаиванию интересов Российской Федерации, глубокого чувства ответственности за судьбу своей страны.

В системе патриотического воспитания граждан Российской Федерации выделяются следующие ключевые патриотические ценности[1]: любовь к родному краю, Родине, Оте-

[1] О национальной доктрине образования в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 4 октября 2000 г. № 751 // Кодекс : электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/901771684 (дата обращения: 14.03.2025).

[2] Федеральный проект «Патриотическое воспитание» // Министерство просвещения Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/ (дата обращения: 20.03.2025).

[3] Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации : методические рекомендации : утв. Экспертным советом по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр» от 10 октября 2022 г.) // Федеральное агентство по делам молодежи : сайт. URL : https://www.рцпв.рф/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

честву; любовь к семье, своему народу, предкам и потомкам, признание семейных ценностей и важности преемственности поколений; уважение к государственным символам (флаг, герб, гимн) и праздничным датам (День России, День Победы и др.); уважение к закону, нормам общества, уважительное отношение к представителям различных конфессий, национальностей, социальных групп; сохранение исторической памяти, знание истории страны, гордость за ее победы и героев; положительное отношение к труду, потребность в труде на благо Отечества, стремление к профессионализму и достижениям; гордость за российскую культуру, уважение к традициям, любовь к родному языку; гордость за общественные, социальные, культурные, спортивные, экономические и иные достижения России; забота об окружающей среде, восхищение родной природой; признание единства своей судьбы и судьбы своей страны, своего народа; деятельное, осознанное отношение к своей стране и малой родине, стремление защищать интересы родной страны, заботиться о ее процветании и благополучии; ответственность за себя, свою семью, малую родину и Отечество.

Патриотизм представителей молодого поколения в современной России выражается в эмоциональной и культурной привязанности к родным регионам, лояльности к государству и стремлении к сохранению национальной идентичности. Ключевыми компонентами патриотических установок выступает уважительное отношение к государственным символам – гербу, флагу и гимну, а также к значимым историческим событиям и памятным датам, играющим важную роль в формировании коллективной исторической памяти. Сохранение памяти о прошлом и культурного наследия также играет существенную роль в формировании патриотического сознания молодежи.

Материалы и методы

Изучение патриотических ценностей молодежи и выявление факторов трансформации базируется на анализе результатов общероссийских опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), которые затрагивают вопросы патриотизма. Также использовались материалы авторского социологического исследования государственной идентичности студентов Пензенского государственного университета «Государственные символы» (n = 468, март–апрель 2024 г.).

Результаты

Патриотизм как социальный феномен имеет богатую историю и сложную эволюцию развития, что обусловлено трансформациями в общественном сознании. Эволюция патриотизма тесно связана с формированием национальных государств и развитием чувства национальной идентичности. Изначально патриотизм проявлялся в виде преданности конкретному правителю или городу-государству, со временем трансформируясь в любовь к Родине и готовность защищать ее интересы.

Изменения в социальной структуре общества, такие как возникновение классов и социальных групп, также оказывали влияние на формирование патриотических настроений. Различные идеологии и политические движения использовали патриотизм для достижения своих целей, что приводило к различным интерпретациям данного понятия. В современном мире патриотизм продолжает играть важную роль в формировании национальной идентичности и поддержании социальной стабильности, однако его проявления могут быть как позитивными, так и негативными в зависимости от контекста и идеологической направленности.

Одним из факторов, влияющих на трансформацию патриотических ценностей российской молодежи, становится такое явление, как **глобализация**. В эпоху глобального взаимо-

[1] Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации : методические рекомендации : (утв. Экспертным советом по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр» от 10 октября 2022 г.) // Федеральное агентство по делам молодежи : сайт. URL : https://www.рцпв.рф/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

действия привычное понимание патриотизма претерпевает трансформацию. Молодое поколение, оказавшись в окружении разнообразных культур и мировоззрений, видит в нем способ защиты национального наследия и устоев. В то же время глобальные процессы порождают альтернативные модели самоопределения и способны размывать устоявшиеся системы ценностей, в том числе и патриотизм. Молодое поколение нередко сталкивается с воздействием разнообразных, порой конфликтующих между собой принципов и идеалов, что создает препятствия для формирования четкой гражданской позиции и национального самосознания.

Согласно результатам социологического опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в августе 2022 г. (n = 1600), за последние два десятилетия наблюдается заметный рост доли россиян, выражающих негативное отношение к западному влиянию на российскую цивилизацию и культурные ценности[1]. Западная цивилизация представляет собой не просто культурное явление, а комплексную систему, включающую социально-политические и экономические структуры. В 1990-е гг. Россия в значительной степени стремилась соответствовать западным стандартам, однако в настоящее время в обществе доминируют иные взгляды.

Как показал опрос, больше половины россиян (59 %) не видят пользы от западной цивилизации, демократии и культуры: 33 % считают, что они не подходят нам, а 26 % называют их разрушительными. Эти представления в общественном мнении заметно укрепились с 2000 г., тогда в общей сложности 35 % высказывали отрицательные точки зрения: 25 % считали, что западные ориентиры не подходят нам, гибельными их считали 10 %. В то же время доля полагающих, что от западной цивилизации, демократии и культуры можно взять много полезного, сократилась с 55 % в 2000 г. до 30 % в 2022 г. Западный мир перестал устраивать россиян как источник ориентиров и векторов развития. Это мнение разделяет общество на две группы[2] (табл. 1).

Таблица 1

Как Вы считаете, западная цивилизация, демократия и западная культура…?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Варианты ответа	2000 г.	2022 г.
Необходимы, спасительны для России	2	2
От них можно взять много полезного	55	30
Они для нас не подходят	25	33
Разрушительны, гибельны для России	10	26
Затрудняюсь ответить	8	9

Молодежь входит в число тех, кто остается лояльным Западу, среди 18–34-летних доминируют установки на то, что Запад необходим России или может дать много хорошего (55–50 %), после 35 лет усиливаются противоположные взгляды и достигают максимума в группе 60+, где неподходящими и губительными западные ориентиры называют уже 70 %[3].

Исторически отношения между западной и отечественной культурами складывались по-разному и нередко сопровождались напряженностью. Согласно данным опросов, проведенных ВЦИОМ, в настоящее время более половины россиян (55 %) считают, что причиной утраты культурной идентичности является не внешнее влияние, а собственное пренебрежение

[1] Влияние Запада и российская культура // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura (дата обращения: 20.03.2025).

[2] Там же.

[3] Там же.

национальными традициями. При этом около трети респондентов (35 %) склонны объяснять ситуацию ростом влияния западной культуры. Интересно отметить, что структура общественного мнения по данному вопросу практически не изменилась за последние два десятилетия: в 2000 г. аналогичные показатели составляли 50 и 35 % соответственно. Несмотря на относительное единодушие в оценках, наиболее выраженную озабоченность по поводу утраты культурных ориентиров демонстрируют представители молодежной группы в возрасте 18–24 лет (73 %)[1] (табл. 2).

Таблица 2

Одни утверждают, что мы сами забываем собственную культуру. Другие считают, что Запад усиливает культурное влияние на Россию. С каким мнением – первым или вторым – Вы согласны? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Варианты ответа	Все опрошенные	Мужской пол	Женский пол	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Безусловно, с первым	19	20	19	28	17	17	21	18
Скорее с первым	36	31	39	45	39	37	32	33
Скорее со вторым	21	22	20	16	21	24	21	20
Безусловно, со вторым	14	16	12	5	12	11	17	18
Затрудняюсь ответить	10	11	10	6	11	11	8	12

В возрастной группе (18–24 года) наиболее высока чувствительность к тому, что «мы сами забываем собственную культуру», в результате чего образующийся вакуум заполняется альтернативными смыслами, происходит стихийная инкультурация.

Современная культурная стратегия должна учитывать новые способы получения информации, свойственные молодому поколению. Основной принцип должен заключаться не в конфронтации с другими культурами или их отвержении, а в обеспечении последовательного, глубокого и всестороннего усвоения ценностей и идеалов российской культуры.

На трансформацию патриотических ценностей российской молодежи оказывает влияние **миграция**. Миграционные процессы представляют собой серьезное испытание для патриотических настроений. Потоки мигрантов, часто приводящие к возникновению многонациональных обществ, ставят под сомнение единство национальной идентичности. Патриотические чувства могут ослабевать, когда новая культура начинает доминировать и вытеснять традиционные ценности. В результате возникают противоречия и антагонизм между коренным населением и приезжими.

Международные организации также оказывают влияние на патриотические ценности молодежи. Организация объединенных наций (ООН), Всемирная торговая организация (ВТО) и Международный олимпийский комитет (МОК) формируют международные нормы и стандарты, которые могут противоречить национальным интересам и идти вразрез с приоритетами отдельных государств. Восприятие некоторых всеобщих концепций способно вызвать разногласия с устоявшимися обычаями и моральными принципами, что в свою очередь негативно влияет на ощущение человеком своей принадлежности к определенной культуре.

[1] Влияние Запада и российская культура // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura (дата обращения: 20.03.2025).

Так, представленные ВЦИОМ данные опроса россиян, посвященного итогам Олимпийских игр в Токио[1], свидетельствуют о преобладании у наших граждан позитивных эмоциональных реакций на выступления отечественных спортсменов. Наиболее часто респонденты указывали чувство гордости за страну (53 %), радость (18 %) и волнение (11 %). Также фиксировались такие эмоции, как удовлетворение, обида и разочарование (по 6 %). В числе предложений по улучшению результатов национальной сборной в будущем опрошенные называли необходимость усиления тренировочного процесса (26 %), развитие спортивной инфраструктуры в стране (12 %) и возвращение национальных символов – флага и гимна – спортсменам (10 %).

В условиях глобализации и культурного разнообразия государственные символы становятся важным элементом социально-культурной адаптации молодежи. Обладая высокой эмоциональной значимостью, государственные символы оказывают влияние на процессы формирования социальной солидарности и чувства коллективной идентичности. Для молодежи, находящейся в поиске смыслов и ценностей, они становятся символами национального единства, сопричастности и гражданской ответственности [25].

После окончания зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи российский спорт находится под беспрецедентным давлением международных спортивных организаций – Международного олимпийского и паралимпийского комитетов, Всемирного антидопингового агентства (WADA), международных спортивных федераций. Это давление было усилено 24 февраля 2022 г. после начала нашей страной специальной военной операции по защите Донбасса [26]. Международные санкции в отношении России оказали существенное влияние на спорт.

Следующим фактором, влияющим на трансформацию патриотических ценностей российской молодежи, является **политическая ситуация**. В условиях политической неопределенности, вооруженных столкновений или экономических спадов патриотизм способен играть ключевую роль в консолидации общества и мобилизации ресурсов для достижения государственных целей. Это стимулирует возникновение общественных инициатив, акцентирующих приоритетность развития национальной экономики и стимулирования внутреннего производства. Проявление патриотизма может выражаться, в частности, в приоритетном выборе отечественных товаров и услуг. Поддержка местных производителей способствует созданию новых рабочих мест, увеличению налоговых поступлений в бюджет и укреплению экономической независимости страны. Кроме того, это приводит к развитию инноваций и повышению конкурентоспособности национальной продукции на мировом рынке. Патриотизм, таким образом, становится не только моральным, но и экономическим фактором устойчивого развития государства.

Медиа и современные технологии оказывают существенное воздействие на трансформацию патриотических ценностей российской молодежи. Молодое поколение, активно взаимодействующее с разнообразными ресурсами, может оказаться восприимчивым к различным формам патриотической пропаганды и общественных инициатив. Такие платформы, как социальные сети и видеохостинги, в частности «ВКонтакте» и Rutube, предоставляют возможность пользователям знакомиться с материалами, посвященными истории, культуре и успехам страны, а также обмениваться ими. Формирование образов героев, служащих примером для подражания, способно мотивировать молодых людей на проявление патриотизма в своих действиях. Это, в свою очередь, оказывает влияние на укрепление патриотических убеждений. Медиа призваны беспристрастно и точно освещать успехи и преимущества государства, используя понятный язык и подавая материал увлекательно и деликатно, чтобы публика могла формировать собственные выводы, опираясь на проверенные данные. Каждый гражданин может внести вклад в создание контента патриотической направленности, распространяя информацию о положительных переменах, проектах, успехах, принимая участие в онлайн-кампаниях и создавая блоги, посвященные патриотизму.

[1] «Тихая Олимпиада» в Токио: итоги // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tikhaja-olimpiada-v-tokio-itogi (дата обращения: 22.03.2025).

Социальные сети могут влиять на патриотические настроения как положительно, так и отрицательно. Негативное воздействие обусловлено возможностью распространения ложных сведений в социальных сетях, что ослабляет веру граждан в правительственные меры. Помимо этого, отдельные пользователи способны публиковать материалы, ослабляющие чувство патриотизма. Также социальные медиа дают возможность выражать критическое отношение к правительству и политическим деятелям, что может привести к трансформации представлений о патриотизме.

Результаты опроса «Патриоты и патриотизм»[1], проведенного ФОМ в мае 2024 г., показали, что половина участников считают, что скорее не может быть патриотом человек, который критикует власти своей страны, тогда как в августе 2020 г. 64 % респондентов отмечали, что скорее может (рис. 1). В восприятии россиянами патриотизма появилась лояльность к власти. Исследуемый феномен стал восприниматься большинством россиян как идея, которая не предполагает возможности критики властей своей страны [27].

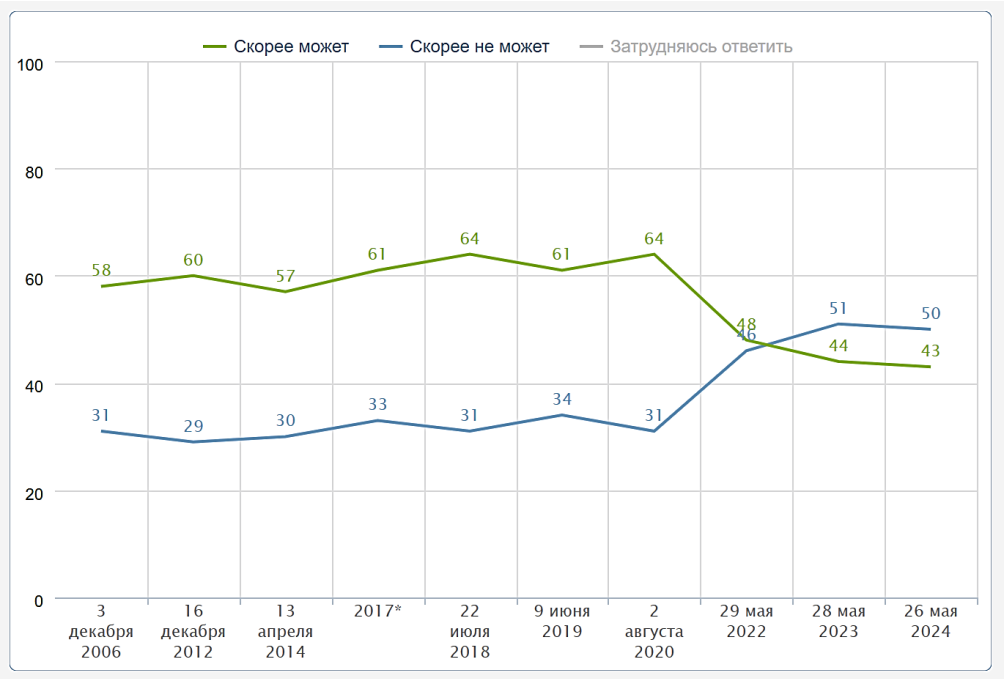

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Скорее может или скорее не может быть патриотом человек, который критикует власти своей страны?» (* Для 2017 г. было проведено 2 замера. Указаны усредненные значения за год.)

Возможно, резкое увеличение лояльности, наблюдаемое в рамках патриотических настроений, обусловлено причинами, коренящимися во внутренней среде. Однако нельзя игнорировать сложное взаимодействие внешних и внутренних обстоятельств. В частности, представление о коллективном Западе как о противнике оказывает влияние на восприятие и оценку организаций и людей, которые ассоциируются с ним внутри страны.

В конечном счете воздействие медиа на патриотический дух молодежи определяется характером передаваемой информации и сложившейся обстановкой в стране. Медиа, распространяя позитивные и патриотически ориентированные материалы, играют большую роль в формировании патриотических чувств молодого поколения. Оказывая воздействие на их взгляды, они внедряют нравственные нормы и предлагают позитивные ролевые модели, тем самым формируя мнение по ключевым вопросам. Основная цель медиа заключается в том, чтобы информационный поток помогал укреплять единство и солидарность в молодежной

[1] Патриотизм и патриоты // Фонд Общественное Мнение / ФОМ : сайт. URL: https://fom.ru/TSennosti/15029 (дата обращения: 22.03.2025).

среде, а не вызывать его разобщение. Необходимо, чтобы распространяемые сведения способствовали объединению общества.

Система **образования** играет ключевую роль в формировании патриотической идентичности у молодого поколения. Образовательные учреждения не только передают знания, но и формируют ценностные ориентиры, в том числе патриотические. В период подъема патриотизма и консолидации общества растет потребность людей в четких идеологических ориентирах. Переориентация образовательной программы в сторону гуманитарных и исторических дисциплин является адекватным ответом на эту общественную потребность.

Одним из актуальных аспектов формирования патриотической идентичности в образовательной среде является восприятие молодежью государственных символов. В рамках авторского эмпирического исследования было проанализировано отношение студенческой молодежи к символике Российской Федерации. При ответе на вопрос «Из каких источников Вы получили информацию о государственных символах Российской Федерации?» подавляющее большинство респондентов указали образовательные учреждения – школу (87,4 %) и университет (34,8 %) – как основные источники знаний. Существенную роль в процессе социализации и формирования представлений о государственных символах играют также средства массовой информации, а также ближайшее социальное окружение – семья, друзья и знакомые (56,4 %). При этом лишь 16,2 % опрошенных отметили органы государственной власти как источник информации о государственной символике [28].

На вопрос «Где Вы в родном городе/поселке видите флаг, герб и слышите гимн страны, которой являетесь гражданином?» большинство опрошенных указали «на общественных мероприятиях» и «в учебных заведениях» (74,4 и 69,7 % соответственно), а также в государственных учреждениях и на улицах (63,7 и 60,5 % соответственно). И лишь 3,4 % респондентов затруднились ответить (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Где Вы в родном городе/поселке видите флаг, герб и слышите гимн страны, которой являетесь гражданином? (Отметьте все, что Вам подходит)» (%, *n* = 468)

Таким образом, основными институтами, оказывающими влияние на формирование государственной идентичности молодежи, выступают семья и система образования. Вопросы становления государственной идентичности должны занимать приоритетное место на ранних этапах социализации, когда у индивида формируются базовые ценностные установки и жизненные ориентиры.

В рамках проведенного исследования молодым респондентам был предложен вопрос «Как вы считаете, какова роль государственных символов?». Большинство участников опроса (79,9 %) указали, что государственные символы отражают историческое наследие и культурные особенности страны. Более половины опрошенных (60,9 %) отметили их объединяющую функцию, способствующую консолидации гражданского общества, а 45,1 % респондентов связывают символику с личным осознанием принадлежности к государству и гражданской идентичностью (рис. 3). Полученные результаты позволяют говорить о положительной динамике восприятия государственной символики молодежью и подтверждают актуальность реализуемых мер государственной политики в области патриотического воспитания в образовательной сфере.

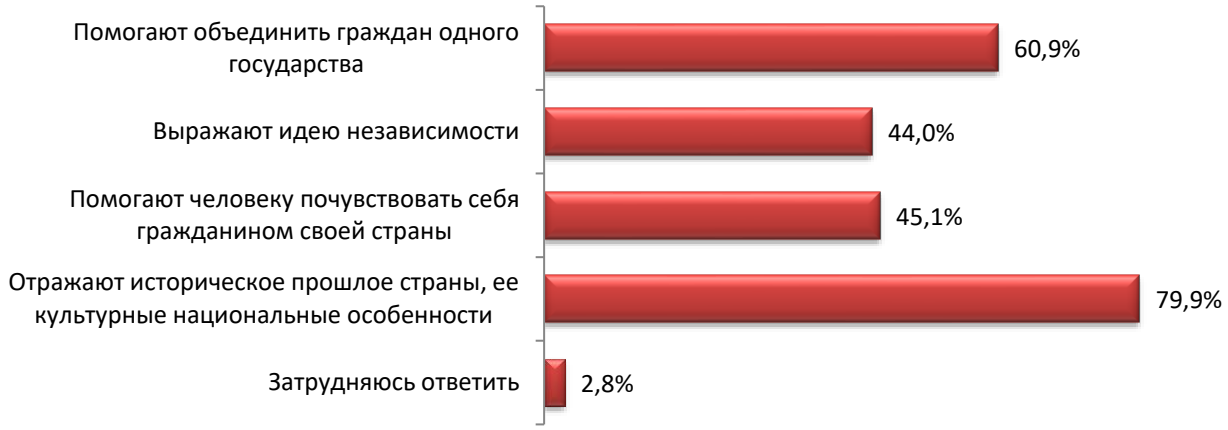

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, для чего нужны государственные символы? (Выберите не более трех вариантов ответа)» (%, *n* = 468)

В образовательных учреждениях, таких как школы и университеты, внедряются учебные программы, посвященные патриотическому воспитанию, изучению истории государства, культурного наследия и принципов организации власти. Они призваны сформировать у обучающихся чувство гражданской ответственности и приверженности национальным ценностям.

В сентябре 2023 г. ВЦИОМ представил результаты опроса о том, что думают россияне о новом вузовском курсе «Основы российской государственности». Согласно опросу «Можно ли научить государственности?»[1] это нововведение россияне в большинстве своем одобряют – две трети наших сограждан назвали его нужным (68 %).

Среди респондентов, положительно оценивших введение нового учебного курса, основным аргументом в пользу его необходимости стало стремление расширить знания о собственной стране и ее истории – эту позицию поддержали 32 и 24 % опрошенных соответственно. Около 17 % считают, что дисциплина может эффективно способствовать патриотическому воспитанию обучающихся. Еще 10 % указали на существующие недостатки системы образования, выраженные, в частности, в низком уровне осведомленности молодежи, что, по их мнению, может быть компенсировано за счет введения нового предмета.

Примечательно, что 57 % респондентов предложили собственные темы, которые, на их взгляд, следует включить в содержание курса. Наибольшее внимание было уделено изучению истории России (25 %), причем среди молодежи в возрасте 18–24 лет этот показатель значительно ниже – лишь 8 %. Отдельно упоминалась история советского периода (2 %). Далее следуют темы, связанные с патриотическим воспитанием: патриотизм в целом (5 %), военные победы (3 %), герои Великой Отечественной войны (3 %), выдающиеся исторические деятели (2 %) и достижения России (2 %), а также культура и искусство (2 %). Значимым

[1] Можно ли научить государственности? // ВЦИОМ : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti (дата обращения: 22.03.2025).

направлением, по мнению части респондентов, должно стать ознакомление с основами политического устройства современной России: законодательством (4 %), государственным строем (4 %), правами и свободами граждан (2 %), принципом разделения властей (2 %) и избирательной системой (2 %). В рамках подобных программ студенты изучают ключевые этапы развития страны, анализируют исторические события, повлиявшие на формирование современной государственности, а также знакомятся с основными достижениями отечественной культуры и науки. Особое внимание уделяется изучению конституционных основ и принципов функционирования органов государственной власти.

Внедрение курсов патриотической тематики направлено на повышение уровня гражданской грамотности и укрепление национальной идентичности среди молодого поколения. Это позволяет воспитывать осознанных граждан, готовых принимать активное участие в жизни общества и вносить свой вклад в развитие страны.

Эффективное патриотическое воспитание молодежи должно быть частью всей системы образования и воспитания, ориентированной на формирование ответственных, гражданско активных и патриотически настроенных граждан России. Без этого невозможно обеспечить стабильность и процветание страны в долгосрочной перспективе [29].

Стоит отметить, что в последние годы в стране наблюдаются значительные положительные изменения. Есть осознание необходимости пересмотра подходов и содержательного наполнения работы с российской молодежью, и в этом направлении предпринимаются конкретные действия.

В целях сохранения и укрепления традиционных ценностей правительство осуществляет ряд мер в различных сферах. Эти меры охватывают образовательный процесс, воспитание подрастающего поколения, взаимодействие с молодежью, развитие культуры и науки, гармонизацию межнациональных и межрелигиозных связей. Особое внимание уделяется средствам массовой информации и коммуникации, а также международному взаимодействию. В данном направлении создаются указы[1], методические рекомендации[2] и федеральные проекты[3], направленные на формирование патриотических ценностей и идеалов.

Заключение

Влияние целого ряда факторов, проявившихся в России после распада СССР, включая отсутствие определенной идеологической линии в патриотическом воспитании молодого поколения, пробелы в формировании устоявшихся духовно-нравственных ориентиров и идеалов, а также социальные и общественно-политические процессы в стране, имеющие негативный характер, препятствующие самореализации молодежи, в сочетании с процессами глобализации, международным информационным обменом и воздействием западных культурных моделей привело к снижению уровня патриотизма среди современной молодежи.

Глобализация и расширение международного информационного обмена усложняют задачу по формированию патриотизма у российской молодежи. Данные процессы обусловили возникновение противоречий между устоявшимися ценностями российской культуры и моделями, транслируемыми западной, что может приводить к размыванию национального самосознания и формированию негативного отношения к культурному наследию России. В этой связи эффективные стратегии патриотического воспитания должны учитывать реалии глобального информационного пространства и предусматривать механизмы адаптации традиционных ценностей к современным условиям.

---

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Президент России : сайт. URL: http://wwwkremlinru/acts/bank/48502 (дата обращения: 25.03.2025).

[2] Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации : методические рекомендации : (утв. Экспертным советом по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриотцентр» от 10 октября 2022 г.) // Федеральное агентство по делам молодежи : сайт. URL : https://www.рцпв.рф/wp-content/uploads/2022/12/Metodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

[3] Патриотическое воспитание молодежи // Роспатриот : сайт. URL : https://rospatriotcentr.ru/rospatriot/patriotic/?ysclid=m2rwyma26l160838137 (дата обращения: 25.03.2025).

Система образования, охватывающая все уровни, от школьного до высшего, играет первостепенную роль в формировании патриотизма. Именно она призвана быть главным инструментом в развитии у молодого поколения патриотических взглядов, активной гражданской позиции и уважения к своей стране и ее истории. Приоритетной задачей государства должно стать укрепление влияния образовательных организаций на патриотическое воспитание молодежи.

Для повышения значимости патриотических ценностей необходимо активизировать их продвижение через образование, культуру и медиа. В приоритете молодежной политики должно быть укрепление патриотических ценностей и формирование у молодежи чувства гордости не только за исторические достижения, но и за современные успехи страны в различных сферах (социальной, культурной, технологической, научной, спортивной и других), а также за героев нашего времени и идеалы современности.

Список литературы

1. Сироткин Д. А. Трансформация патриотического воспитания в России // Современное педагогическое образование. 2023. № 11. С. 108–114. EDN: DSNSLE

2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020 EDN: BNSNDA

3. Козырев Г. И. Патриотизм: понятие, структура, механизмы формирования // Вестник российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева: Гуманитарные и социально-экономические исследования. 2019. Т. 1, № 10. С. 45–54. EDN: XRGHNU

4. Кузнецова А. В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.06. М., 2004. 36 с. EDN: NHUIMJ

5. Левашов В. К. Глобализация и патриотизм : опыт социологических исследований. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006. 176 с. EDN: QOFHUR

6. Левашов В. К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8 (268). С. 67–76. EDN: OPCJTF

7. Макаров В. В. Отечество и патриотизм: логико-методологический анализ. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1988. 159 с.

8. Макаров В. В. Патриотизм как философская проблема : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01. М., 1990. 36 с.

9. Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций : монография / О. В. Аксенова, Н. В. Левченко, И. А. Халий [и др.]. М. : Федеральный научно-исследовательский социологический центр, 2017. 207 с. EDN: ZEFIOD

10. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 67–74. EDN: YGAMSJ

11. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2014. 352 с. EDN: XRTSUR

12. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В. А. Ядов [и др.]. М. : ЦСП и М, 2013. 374 с. EDN: SWYNQU

13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности : монография. М. : Норма, 2020. 304 с. EDN: WLJWBA

14. Зубок Ю. А. Традиционное и современное в социально-политических идентификациях молодежи // Власть. 2014. Т. 22, № 11. С. 39–43. EDN: TAMABH

15. Курганская М. Я. Патриотические ценностные ориентации российской студенческой молодежи : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.06. М., 2012. 20 с. EDN: QIELAZ

16. Лапин Н. И., Беляева Л. А., Наумова Н. Ф., Здравомыслов А. Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. М. : УРСС, 1996. 224 с. EDN: OSRDLL

17. Омельченко Е. Л., Лисовская И. В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2 (168). С. 66–92. doi: 10.14515/monitoring.2022.2.2078 EDN: XIXVYB

18. Сальникова О. В. Патриотические ценностные ориентации учащейся молодежи Пензенской области // Ученый совет. 2023. № 6. С. 331–336. doi: 10.33920/nik-02-2306-01 EDN: UPVVAC

19. Ешев М. А. Патриотизм и гражданский национализм в сознании студенчества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 127–133. EDN: KNNPUN

20. Ешев М. А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. Т. 21, № 6. С. 116–118. EDN: QJFTIR

21. Коробанов В. А. Патриотическое воспитание молодежи в условиях политической трансформации российского общества : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. Саратов, 2005. 22 с. EDN: KRAXQD

22. Сурина И. А. Ценностное пространство общества: теоретико-методологическая концепция : автореф. дис. … д-ра социол. наук : 22.00.06. М., 2000. 40 с. EDN: QOFDXD

23. Шиняева О. В., Ахметшина Е. Р., Клюева Т. В. Патриотизм и гражданские позиции студентов высших учебных заведений в контексте социальной модернизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 63–78. doi: 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78 EDN: QHKCSN

24. Шиняева О. В., Меркулов В. В. Гражданская активность российской молодежи в условиях новых глобальных и национальных вызовов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 100–113. doi: 10.24412/2071-6141-2023-3-100-113 EDN: BMXDME

25. Розенберг Н. В., Карпова М. К. Государственные символы в восприятии российских и иностранных студентов: сравнительный анализ // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 103–117. doi: 10.21685/2307-9525-2024-13-1-11 EDN: UDHOUB

26. Сагандыков М. С. Международные санкции против российского спорта: правовые аспекты // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23, № S1. С. 148–154. doi: 10.14529/hsm23s121

27. Савва Е. В. Динамика представлений россиян о патриотизме // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 9. С. 60–64. doi: 10.14529/hsm23s121 EDN: UKEJNK

28. Розенберг Н. В., Карпова М. К. Символы государственной идентичности в представлениях российской студенческой молодежи // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 2 (46). С. 120–130. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-12 EDN: JYECAP

29. Карпова М. К. Патриотические настроения современной молодежи: вызовы времени // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 4. С. 53–65. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-4-6 EDN: JGRPAT

References

1. Sirotkin D.A. Transformation of patriotic education in Russia. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2023;(11):108–114. (In Russ.)

2. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii: k itogam mnogoletnikh issledovaniy = Russian youth in the mirror of sociology: results of long-term research*. Moscow: FNISTs RAN, 2020:688. (In Russ.). doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020

3. Kozyrev G.I. Patriotism: concept, structure, mechanisms of formation. *Vestnik rossiyskogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta imeni D.I. Mendeleeva: Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya = Bulletin of the D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia: humanitarian and socio-economic research*. 2019;1(10):45–54. (In Russ.)

4. Kuznetsova A.V. *The culture of patriotism as a factor in consolidating Russian society: PhD abstract*. Moscow, 2004:36. (In Russ.)

5. Levashov V.K. *Globalizatsiya i patriotizm : opyt sotsiologicheskikh issledovaniy = Globalization and patriotism: experience of sociological research*. Moscow: RITs ISPI RAN, 2006:176. (In Russ.)

6. Levashov V.K. Patriotism in the context of modern socio-political realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2006;(8):67–76. (In Russ.)

7. Makarov V.V. *Otechestvo i patriotizm: logiko-metodologicheskiy analiz = Homeland and patriotism: logical and methodological analysis*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1988:159. (In Russ.)

8. Makarov V.V. *Patriotism as a philosophical problem: DSc abstract*. Moscow, 1990:36. (In Russ.)

9. Aksenova O.V., Levchenko N.V., Khaliy I.A. et al. *Asimmetriya zhizni sovremennogo rossiyskogo obshchestva: sootnoshenie traditsiy i innovatsiy: monografiya = Asymmetry of life in modern Russian society: the relationship between traditions and innovations: monograph*. Moscow: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr, 2017:207. (In Russ.)

10. Khaliy I.A. Patriotism in Russia: an experience of typology. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2017;(2):67–74. (In Russ.)

11. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. *Otnoshenie k sotsial'noy real'nosti v rossiyskom obshchestve: sotsiokul'turnyy mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva: monografiya = Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction: monograph*. Moscow: Norma: Infra-M, 2014:352. (In Russ.)

12. Yadov V.A. et al. *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya kontseptsiya = Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: dispositional concept*. Moscow: TsSP i M, 2013:374. (In Russ.)

13. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti: monografiya = Youth in the cultural space: self-regulation of life activity: monograph*. Moscow: Norma, 2020:304. (In Russ.)

14. Zubok Yu.A. Traditional and modern in socio-political identifications of youth. *Vlast' = Power*. 2014;22(11):39–43. (In Russ.)

15. Kurganskaya M.Ya. Patriotic value orientations of Russian student youth: PhD abstract. Moscow, 2012:20. (In Russ.)

16. Lapin N.I., Belyaeva L.A., Naumova N.F., Zdravomyslov A.G. *Dinamika tsennostey naseleniya reformiruemoy Rossii = Dynamics of values of the population of reformed Russia*. Moscow: URSS, 1996:224. (In Russ.)

17. Omel'chenko E.L., Lisovskaya I.V. Youth as a barometer of the future? Youth agenda in modern Russia through the opinions of youth policy experts. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2022;(2):66–92. (In Russ.). doi: 10.14515/monitoring.2022.2.2078

18. Sal'nikova O.V. Patriotic value orientations of student youth of the Penza region. *Uchenyy sovet = Academic council*. 2023;(6):331–336. (In Russ.). doi: 10.33920/nik-02-2306-01

19. Eshev M.A. Patriotism and civic nationalism in the consciousness of students. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, ekonomika, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya = Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, economics, law, politics, culture*. 2009;(1):127–133. (In Russ.)

20. Eshev M.A. Russian patriotism as the basis of national identity. *Vlast' = Power*. 2013;21(6):116–118. (In Russ.)

21. Korobanov V.A. *Patriotic education of youth in the context of political transformation of Russian society: PhD abstract*. Saratov, 2005:22. (In Russ.)

22. Surina I.A. *Value space of society: theoretical and methodological concept: DSc abstract*. Moscow, 2000:40. (In Russ.)

23. Shinyaeva O.V., Akhmetshina E.R., Klyueva T.V. Patriotism and civic positions of students of higher educational institutions in the context of social modernization. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tula State University. Humanities*. 2021;(3):63–78. (In Russ.). doi: 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78

24. Shinyaeva O.V., Merkulov V.V. Civic activism of Russian youth in the context of new global and national challenges. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tula State University. Humanities*. 2023;(3):100–113. (In Russ.). doi: 10.24412/2071-6141-2023-3-100-113

25. Rozenberg N.V., Karpova M.K. State symbols in the perception of Russian and international students: a comparative analysis. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(1):103–117. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-13-1-11

26. Sagandykov M.S. International sanctions against Russian sports: legal aspects. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine*. 2023;23(S1):148–154. (In Russ.). doi: 10.14529/hsm23s121

27. Savva E.V. Dynamics of Russians' ideas on patriotism. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo = Society: politics, economics, law*. 2023;(9):60–64. (In Russ.). doi: 10.14529/hsm23s121

28. Rozenberg N.V., Karpova M.K. Symbols of state identity in the perceptions of Russian student youth. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(2):120–130. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-2-12

29. Karpova M.K. Patriotic sentiments of modern youth: challenges of the times. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo» = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2024;12(4):53–65. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-4-6

Информация об авторах / Information about the authors

Н. В. Розенберг – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0850-3871

М. К. Карпова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3028-7183

N.V. Rozenberg – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0850-3871

M.K. Karpova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3028-7183

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.05.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научная статья
УДК 316.443+316.35
EDN: TNRCQP
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-9

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПЕДАГОГОВ ДЕТСКОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОНТЕКСТНЫЙ АНАЛИЗ

Ольга Владимировна Терехова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

olga4620@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Социально-профессиональная идентичность педагогов, в том числе в системе дополнительного образования, имеет большое значение для выполнения ими социальных функций этой системы как важной части социального института образования. Цель данного исследования – определить основные детерминанты социально-профессиональной идентичности педагогов в системе детского дополнительного образования и охарактеризовать условия, способствующие ее формированию и развитию. *Материалы и методы*. Реализация исследовательских задач достигнута на основе сравнительного анализа содержания понятия «социально-профессиональная идентичность педагогов», которое выводят разные авторы, и вторичного анализа результатов исследований названной идентичности в отечественной научной литературе. Методологический потенциал включает анализ эволюции взглядов представителей классической науки: от Э. Дюркгейма и М. Вебера до современных отечественных социологов, исследовавших различные аспекты изучаемой проблемы (Г. А. Чередниченко, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов, В. Е. Каманина, Я. С. Рочева, О. А. Нор-Аревян, А. М. Шаповалова, Н. А. Перинская). Кроме того, использован междисциплинарный подход, с позиций которого рассмотрены и проанализированы теоретические результаты исследования социально-профессиональной идентичности педагогов в современных отраслях психологии и педагогики. *Результаты*. Разработана авторская трактовка понятия «социально-профессиональная идентичность педагогов дополнительного образования», учитывающая контекстные условия профессионального взаимодействия. Выявлены контекстные условия и особенности формирования социально-профессиональной идентичности педагогов дополнительного детского образования. *Выводы*. На основе полученных результатов сделан вывод о том, какие условия способствуют формированию и развитию социально-профессиональной идентичности педагогов дополнительного образования. Это – высокий уровень ответственности за результаты своей работы и за социальный результат обучения, адаптация к новым технологиям и методам работы, понимание ценности своей деятельности, умение и готовность к эффективному взаимодействию с родителями обучающихся на основе партнерских отношений.

Ключевые слова: система дополнительного образования детей, педагоги как социально-профессиональная группа, социальные функции системы дополнительного образования детей, социально-профессиональная идентичность педагогов, социальный результат

Для цитирования: Терехова О. В. Социально-профессиональная идентичность педагогов детского дополнительного образования: профессионально-контекстный анализ // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 91–102. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-9 EDN: TNRCQP

© Терехова О. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

SOCIO-PROFESSIONAL IDENTITY OF ADDITIONAL EDUCATION TEACHERS: PROFESSIONAL AND CONTEXTUAL ANALYSIS

Olga V. Terekhova

Penza State University, Penza, Russia

olga4620@mail.ru

Abstract. *Background*. The socio-professional identity of teachers, including in the system of additional education, is of great importance for teachers to fulfill the social functions of this system as an important part of the social institution of education. The purpose of this article is to identify the main determinants of the socio-professional identity of teachers in the system of additional education for children and to characterize the conditions conducive to the formation and development of this socio-professional identity. *Materials and methods*. The realization of research objectives was achieved on the basis of a comparative analysis of the concepts of "socio-professional identity of teachers", which are derived by different authors. and a secondary analysis of the results of research on this identity in the Russian scientific literature. The methodological potential includes an analysis of the evolution of the views of representatives of classical science, from E. Durkheim and M. Weber, to modern Russian sociologists who have studied various aspects of the problem under study (G.A. Cherednichenko, V.N. Shubkin, V.A. Yadov, V.E. Kamanina, Ya.S. Rocheva, O.A. Nor-Arevyan, A.M. Shapovalova, N.A. Perinskaya). In addition, an interdisciplinary approach was used, from the standpoint of which the theoretical results of the study of the socio-professional identity of teachers in modern branches of psychology and pedagogy were considered and analyzed. *Results.* As a result, the author's interpretation of the concept of "socio-professional identity of additional education teachers" has been developed, taking into account the contextual conditions of professional interaction. The contextual conditions and features of the formation of the socio-professional identity of teachers of additional children's education are revealed. *Conclusions*. Based on the results obtained, it is concluded what conditions contribute to the formation and development of the socio-professional identity of additional education teachers. This means a high level of responsibility for the results of one's work and for the social outcome of learning, adaptation to new technologies and working methods, understanding the value of one's work, and the ability and willingness to effectively interact with students' parents based on partnerships.

Keywords: the system of additional education for children, teachers as a socio-professional group, social functions of the system of additional education for children, socio-professional identity of teachers, social outcome

For citation: Terekhova O.V. Socio-professional identity of additional education teachers: professional and contextual analysis. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):91–102. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-9

Введение

В соответствии с государственной политикой Российской Федерации создание среды, способствующей самореализации и формированию личностного потенциала детей, является ключевой задачей государства. Для достижения этой цели в последние десять лет происходит трансформация системы дополнительного образования.

© Terekhova O.V., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Одним из ключевых факторов, способствующих изменениям в дополнительном образовании, стал Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»[1] (с изменениями и дополнениями), который был принят для создания более гибкой и эффективной образовательной системы. Этот закон определяет основные принципы и нормы, регулирующие работу образовательных учреждений, включая организации дополнительного образования, и акцентирует внимание на индивидуальном подходе к ребенку, обозначает необходимость постоянного развития педагогов.

В рамках национального проекта «Образование»[2] были разработаны новые инициативы, направленные на модернизацию образовательной инфраструктуры и повышение качества образовательных услуг. Этот проект включает в себя создание современных образовательных учреждений, оснащенных новейшими технологиями, и внедрение цифровых образовательных ресурсов. Важно отметить, что акцент сделан на доступности дополнительного образования для всех детей, независимо от их социального статуса или места проживания.

Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых»[3] сыграл важную роль в трансформации системы. Он определяет ключевые компетенции, необходимые для успешной работы педагога. Эти компетенции включают не только знание предмета, но и умение работать с детьми, развивать их способности и обеспечивать комфортную образовательную среду.

Целевая модель развития региональной системы дополнительного образования[4] учитывает региональные особенности и потребности. Это позволяет более эффективно распределять ресурсы для развития подрастающего поколения.

Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 г.[5] ставит стратегические цели, включая интеграцию дополнительного образования с основным, развитие междисциплинарных программ и вовлечение родителей в образовательный процесс. Эти меры направлены на формирование гармонично развитой личности, способной к самовыражению и успешной социализации в современном обществе.

Дополнительное образование в данном контексте выходит за рамки традиционного понимания «кружков по интересам» и представляет собой институциональную систему, ориентированную на гармоничное всестороннее развитие личности ребенка, воспитание у детей социально значимых качеств.

Материалы и методы

Зарубежные классики социологии Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер внесли свой вклад в понимание профессий и социально-профессиональной идентичности.

Г. Спенсер в исследовании сущности и назначения профессий подчеркивал важность знаний и интеллектуальных способностей человека. Социолог полагал, что для успешного выполнения профессиональной деятельности необходимо не только наличие специальных знаний, но и умение применять их в конкретных ситуациях [1, с. 375].

К. Маркс акцентировал внимание на вопросах профессионального выбора и его значения для индивидуальной идентичности. Ученый рассматривал профессию как важный аспект

[1] Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 12.10.2024).

[2] Паспорт национального проекта «Образование» // Минпросвещения России : сайт. URL: https://edu.gov.ru/application/frontend/skin/default/assets/data/national_project/main/Паспорт_национального_проекта_Образование.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

[3] Об утверждении профессионального стандарта «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» : приказ Минтруда России от 22 сентября 2021 г. № 652н // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404107/ (дата обращения: 20.02.2025).

[4] Об утверждении Целевой модели развития региональных систем дополнительного образования детей : приказ от 3 сентября 2019 г. № 467 // Министерство просвещения Российской Федерации : сайт. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/68ab95d94aff334dd86625ce304d49eb/ (дата обращения: 20.02.2025).

[5] Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 678-р // Правительство России : офиц. сайт. URL: http://static.government.ru/media/files/3fIgkklAJ2ENBbCFVEkA3cTOsiypicBo.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

самовыражения человека. Для него профессия – это не только средство существования, но и фактор, определяющий социальный статус и возможности индивида [2, с. 11].

Э. Дюркгейм сосредоточился на изучении профессиональных групп как важных социальных институтов. Он подчеркивал роль профессиональной солидарности и коллективного сознания в формировании профессиональной идентичности. Профессиональные группы, по Дюркгейму, объединены общими целями, ценностями и нормами, которые регулируют поведение их членов. Он исследовал, как профессиональная культура формируется и как она влияет на индивидуальное поведение и социальную интеграцию [3, с. 265].

М. Вебер рассматривал профессию через призму социальной стратификации. Он показал, как профессиональная иерархия влияет на распределение власти и ресурсов в обществе. Его концепция «идеального типа» бюрократии позволяет анализировать структуру и функционирование различных организаций, включая профессиональные сообщества. Вебер также подчеркивал роль профессиональной этики и ответственности в формировании доверия и легитимности профессиональной деятельности [4, с. 147].

Российская социология внесла значительный вклад в изучение социально-профессиональной идентичности, обогатив и расширив понимание этого сложного феномена. Работы П. А. Сорокина заложили фундаментальную основу, подчеркнув, что профессиональная идентичность – это не просто совокупность профессиональных знаний и навыков. Ученый акцентировал внимание на критически важной роли социального взаимодействия внутри профессионального сообщества в формировании чувства принадлежности к профессии и самоидентификации через призму профессиональной деятельности. Он рассматривал профессиональную идентичность как динамический процесс, постоянно формирующийся и переформирующийся под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, включая изменения в самом профессиональном поле, взаимоотношениях с коллегами и руководством, а также влияние общественных представлений о данной профессии [5, с. 302].

Идеи П. А. Сорокина были развиты и углублены последующими поколениями российских социологов. Например, И. С. Кон значительно продвинул исследования в области профессионального самоопределения, анализируя психологические механизмы выбора профессии, влияние социальных факторов (семья, образовательная среда, социальный статус) и личностных характеристик (интересы, способности, ценности) на формирование профессиональных планов и ожиданий. Его работы подчеркивают важность сознательного подхода к выбору профессии, а также роль профессиональной консультации как помощи молодым людям в самоопределении [6, с. 102].

Г. А. Чередниченко внесла существенный вклад в изучение профессиональных траекторий, анализируя динамику профессиональной карьеры на протяжении всей жизни человека. В ее исследованиях рассматриваются не только вертикальная мобильность (подъем по карьерной лестнице), но и горизонтальная (смена профессии или вида деятельности), а также факторы, влияющие на изменение профессиональных траекторий, такие как изменение экономической ситуации, новые технологии, личностные и семейные обстоятельства. В своих работах она показала, как профессиональные траектории отражают изменения в обществе и как они влияют на формирование профессиональной идентичности на протяжении всей жизни [7, с. 53].

В. Н. Шубкин исследовал процесс профессионального выбора, анализируя когнитивные и эмоциональные аспекты принятия решений. Его работы освещают роль информации, оценки рисков и возможностей, влияние социального давления и личных убеждений на процесс выбора профессии. Он показал, что профессиональный выбор не только определяет будущую профессиональную деятельность, но и существенно влияет на формирование профессиональной идентичности на дальнейших этапах жизни [8].

В. А. Ядов сосредоточил свои исследования на трудовых взаимоотношениях, анализируя влияние организационной культуры, стиля руководства и межличностных отношений на профессиональную идентичность и удовлетворенность трудом. Его работы демонстрируют значение социального климата в коллективе для формирования позитивной профессио-

нальной идентичности и мотивации к труду. Ядов также исследовал проблемы профессионального выгорания, связанного с негативными трудовыми взаимоотношениями и перегрузками [9, с. 168].

Современные социологические исследования социально-профессиональной идентичности, проводимые Я. С. Рочевой, В. Е. Каманиной, О. А. Нор-Аревян, А. М. Шаповаловой, Н. А. Перинской, не предлагают единой, универсальной модели, а дополняют друг друга, создавая более полное понимание этого сложного социального конструкта.

Я. С. Рочева, рассматривая социально-профессиональную идентичность, акцентирует внимание на процессе соотнесения индивида с профессиональной средой. Этот процесс охватывает как внутреннее восприятие своей роли и места в профессиональной общности, так и внешнее представление, которое формируется у субъектов профессионального взаимодействия. При этом важнейшую роль играют принятые индивидом ценности и смыслы, связанные с его профессиональной деятельностью. Эти ценности и смыслы не являются статичными и неизменными; они могут меняться под воздействием различных факторов [10, с. 115].

По мнению В. Е. Каманиной, профессиональная идентичность – это не статическое понятие, а скорее непрерывный процесс самоопределения и самопознания в профессиональном пространстве. Индивид постоянно сопоставляет свои внутренние представления о себе, свои способности, амбиции и ценности с реальностью профессиональной деятельности, с тем, как он себя видит в этой деятельности и как его видят окружающие [11].

О. А. Нор-Аревян и А. М. Шаповалова глубоко исследуют влияние внутренних и внешних факторов на формирование профессиональной идентичности. Они анализируют многочисленные барьеры, которые могут препятствовать этому процессу: от несоответствия личных способностей и желаний требованиям профессии до негативного влияния социального окружения, дискриминации или отсутствия поддержки. По мнению авторов, формирование полноценной профессиональной идентичности – это длительный и сложный процесс, который может сопровождаться сомнениями, кризисами и переоценкой ценностей [12, с. 102].

Н. А. Перинская рассматривает профессиональную идентичность как частный случай социальной идентичности, уделяет особое внимание процессу профессиональной социализации. Она подчеркивает роль опыта, полученного в процессе обучения и работы, в формировании устойчивого самовосприятия в профессиональном контексте. Освоение профессии – это не только приобретение специальных знаний и навыков, но и вхождение в специфическую культуру, принятие профессиональных норм и ценностей, формирование профессиональной сети контактов [13, с. 209].

В психологии социально-профессиональная идентичность тесно связана с личностью индивида и его «Я-концепцией», включающей в себя самовосприятие, ценности и индивидуальные особенности человека.

Н. Л. Иванова и Е. В. Конева сосредоточились на структурных аспектах профессиональной идентичности. Они разработали модель, включающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Их исследования показали, что гармоничное взаимодействие этих компонентов является ключевым фактором успешной профессиональной реализации. Эти авторы уделили внимание влиянию организационной культуры и стиля руководства на формирование профессиональной идентичности [14, с. 148].

Н. С. Авдонина включила в анализ профессиональную социализацию и влияние раннего опыта на выбор профессии и дальнейшее профессиональное самоопределение. Ее работы подчеркивают роль наставничества и поддержки со стороны опытных коллег в процессе становления профессиональной идентичности [15, с. 127].

Ю. П. Поваренков при изучении профессиональной идентичности показал, как внутренняя система ценностей влияет на выбор профессионального пути, на мотивацию и уровень профессионального самоопределения. Его исследования подтверждают, что профессиональная идентичность не только когнитивное, но и глубоко личностное образование, связанное с системой ценностей и моральных принципов [16, с. 9].

Э. Ф. Зеер, основываясь на концепции профессионального «образа Я», акцентирует внимание на рефлексивных процессах и способности индивида анализировать свои профес-

сиональные действия и оценивать их результаты. Этот аспект автор рассматривает в контексте изменений профессиональной среды и определяет как потребность в адаптации и постоянном профессиональном саморазвитии [17, с. 24].

В отношении социально-профессиональной идентичности конкретной социально-профессиональной группы – педагогов дополнительного образования – интерес представляют работы таких исследователей, как А. С. Берберян, Т. В. Богданова, С. В. Сильченкова, Е. Б. Ермолаева, Н. Т. Варданян [18, с. 306], Н. Л. Регуш [19], А. В. Савченков, И. В. Забродина [20, с. 142], А. Ю. Нестерова [21, с. 113], В. С. Зайцев, А. А. Ногина [22, с. 111]. Авторы исследуют, как формируется идентичность педагога в условиях постоянно меняющегося образовательного пространства и какие факторы влияют на ее развитие. По их мнению, идентичность педагога формируется не только на основе его собственных убеждений и ценностей, но и под воздействием социальных ожиданий и требований, которые ставит общество перед образовательной системой.

Отдельное направление исследований посвящено изучению профессиональной идентичности педагогов дополнительного образования. В работах О. В. Савельевой, Н. К. Грицкевич, Н. В. Жигинас [23, с. 248], Ю. В. Свободиной, Е. В. Христофоровой [24, с. 123] представлены различные аспекты профессиональной идентичности этой категории педагогов.

Рассмотрим определения исследуемого понятия, предложенные современными российскими авторами (табл. 1).

Таблица 1

Определения понятия «Социально-профессиональная идентичность педагогов»

Социально-психологическое содержание понятия, связывающее идентичность с качествами и свойствами личности через профессионализм	Социально-педагогическое и социологическое содержание, связывающее идентичность с выполнением социальных функций педагога в системе образования
Многоуровневый социально-психологический феномен, который формируется в ходе профессиональной социализации совместно со становлением процессов самоопределения, самоорганизации и персонализации) (Л. Б. Шнейдер) [25, с. 56]	Многомерная динамическая структура, обеспечивающая тождественность личности на всех этапах профессионального развития, а также преемственность и устойчивость во времени (А. К. Маркова) [28, с. 42]
Принятие на всех уровнях (социальном – с позиции ценностно-этической, психологическом – внутренних подструктур личности) индивидом профессиональных ценностных позиций, санкционированных в данном профессиональном пространстве (Г. М. Андреева) [26, с. 1]	Центральное звено реализации профессионала, которое состоит из трех согласованных компонентов: индивидуального (профессиональная самоидентификация или Я-концепция), инструментального (профессиональные знания, умения, навыки) и социального (соответствие социальной конъюнктуре) (Е. П. Ермолаева) [29, с. 3]
Профессиональное самосознание, включающее в себя осознание своих профессиональных обязанностей, ценностей и целей профессиональной деятельности (Е. А. Климов) [27, с. 5]	Профессиональный образ «Я», который формируется под воздействием личного опыта и социальных взаимодействий и отражает, как индивид воспринимает себя в своей профессиональной роли (Э. Ф. Зеер) [17, с. 375]
Состояние соответствия личности выбранной профессии, основанное на синтезе личностных и профессиональных качеств, играющих ключевую роль в профессиональном развитии (Н. С. Авдонина) [15, с. 127]	Результат соотнесения себя с профессией, который выражает внутреннее и внешнее представление о своем месте в профессиональной общности, сопровождается принятием определенных ценностей и смыслов через отношение к профессиональной деятельности) (Я. С. Рочева) [10, с. 115]
Разновидность социального самоопределения, характеризуя профессиональную идентичность как системное образование, с когнитивным, мотивационным и ценностным компонентами (Ю. П. Поваренков) [16, с. 9]	Профессиональная идентичность педагога – динамическое единство личностных и общественных представлений о педагогической деятельности (А. Н. Савченков, И. В. Забродина) [20, с. 142]

Результаты

Таким образом, определено, что профессиональная идентичность не является статичным понятием, она изменяется в зависимости от различных факторов, таких как опыт работы, образовательные реформы, изменения в обществе и даже личные обстоятельства педагогов.

В процессе формирования профессиональной идентичности педагога важную роль играют коллегиальные отношения и взаимодействия с обучающимися.

Профессиональная идентичность влияет не только на самих педагогов, но и на качество образования, которое они предоставляют.

В таблице 2 выделены основные свойства профессиональной идентичности в определениях российских исследователей, представленные через призму профессиональной деятельности.

Таблица 2

Основные свойства профессиональной идентичности в контексте социально-профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования

Свойство профессиональной идентичности (автор, выделивший его в своей трактовке термина «профессиональная идентичность»)	Интерпретация в контексте социально-профессиональной деятельности педагогов дополнительного образования
Динамизм, профессиональное развитие (Л. Б. Шнейдер [25, с. 8], Э. Ф. Зеер [17, с. 375], В. Е. Каманина [11], О. А. Нор-Аревян, А. М. Шаповалова [12, с. 102])	Адаптивность педагога, обусловленная динамизмом внешней среды, высокая степень саморегуляции, самосовершенствование
Преемственность (А. К. Макарова [28, с. 42])	Сохранение ядра миссии педагога при адаптации к новым вызовам и технологиям
Многомерность (Л. Б. Шнейдер [25, с. 8], Г. К. Андреева [26, с. 1], Е. П. Ермолаева [29, с. 3], Ю. П. Поварёнков [16, с. 9])	Профессиональные педагогические компетенции, высокие личностные качества (толерантность, терпение, эмпатия, нравственность), способность к разнообразному социальному взаимодействию
Восприятие себя профессионалом, самоуважение (Н. С. Авдонина [15, с. 127], В. Е. Каманина [11])	Нацеленность на высокие результаты обучения, авторитет в профессиональном сообществе, признание, хорошая педагогическая репутация
Социальное взаимодействие (Э. Ф. Зеер [27, с. 5])	Не только эффективное взаимодействие с коллегами и администрацией, но и установление доверительных отношений с обучающимися и их родителями, соответствие общественным ожиданиям относительно качества образования
Профессиональная рефлексия (Е. А. Климов [27, с. 5])	Осознание ответственности за социальный результат, выраженный в развитии личности обучающегося
Принятие профессиональных ценностей, ментальность (Л. Б. Шнейдер [25, с. 8], Е. А. Климов [27, с. 5], Я. С. Рочева [10, с. 115], Н. А. Перинская [13, с. 209])	Не только владение методиками преподавания, но и принятие ценностей образования, ориентированного на развитие личности обучающегося, включая этические нормы профессии, ответственность за развитие детей, уважение к их индивидуальности и защиту их прав

Обсуждение

Педагоги дополнительного образования – социально-профессиональная группа, определяющая эффективность функционирования образовательной системы. Успех работы педагога как главного субъекта образовательного взаимодействия напрямую зависит от его социально-профессиональной идентичности, которая формируется не только на базе профессиональных знаний и навыков, но и на основе глубокого самопознания и понимания собственных ценностей, осознания своего места в обществе.

Педагоги дополнительного образования часто сталкиваются с вызовами, связанными с определением своей роли в системе образования, так как их работа менее формализованная

и более гибкая по сравнению с деятельностью коллег в средних общеобразовательных школах. Именно поэтому деятельность педагога дополнительного образования разнообразна и многогранна. Она включает в себя не только педагогические навыки, но и умения работать с разным возрастным контингентом, активно взаимодействовать с родителями и сообществом.

Изучение социально-профессиональной идентичности педагогов дополнительного образования – задача междисциплинарная, требующая анализа как психологических, так и социологических аспектов профессиональной деятельности.

С точки зрения социологии социально-профессиональная идентичность рассматривается через призму таких понятий, как профессия, профессионализация, социальная стратификация, профессиональные группы, статусы и роли. Эти понятия помогают разобраться, как индивиды формируют свою идентичность в контексте профессиональной деятельности и как это влияет на их взаимодействие с обществом.

Таким образом, исследование социально-профессиональной идентичности представляет собой важное направление в социологии и психологии, которое изучается как зарубежными, так и российскими учеными. Социально-профессиональная идентичность включает в себя как внутренние аспекты, связанные с личностью и самосознанием, так и внешние, социальные контексты.

Для более глубокого понимания социально-профессиональной идентичности педагога дополнительного образования необходимо учитывать специфику его деятельности.

Заключение

Таким образом, можно говорить о наличии определенных условий социально-профессиональной идентичности педагогов дополнительного образования.

Во-первых, это высокий уровень ответственности за результаты своей работы и за благополучие обучающихся, так называемый социальный результат. Педагог должен быть готов не только передавать знания и умения, но и помогать детям в их личностном росте, формировании самооценки и развитии критического мышления. Это требует от него не только профессиональных компетенций, но и высоких моральных качеств, таких как эмпатия, терпение, понимание, готовность к диалогу.

Во-вторых, динамичность. Это подразумевает адаптацию педагога к новым технологиям и методам работы, готовность к осуществлению деятельности в условиях цифровизации, участие в сетевых взаимодействиях, развитие цифровой компетентности и способности к коллаборации, готовности к постоянному обучению и саморазвитию.

В-третьих, это поиск смыслов в своей работе. Педагог должен понимать, почему он выбрал эту профессию, какие ценности для него важны и как его работа способствует их достижению. Он должен видеть результаты своей работы не только в достижениях детей, но и в своей самореализации. Это позволит ему найти внутренний ресурс для профилактики профессионального выгорания и поддержания мотивации. Этот поиск смысла связан с осознанием своей социальной миссии – влиянием на будущее поколение, формированием активных и ответственных граждан. Значимым фактором в обретении смыла в педагогической деятельности являются агенты социализации, такие как коллеги, родители, ученики и образовательные учреждения, которые оказывают влияние на восприятие педагогом своей роли и статуса в обществе.

Наконец, современный педагог должен уметь эффективно взаимодействовать с родителями обучающихся, создавая партнерские отношения и обеспечивая единый подход к воспитанию и образованию ребенка. Статусно-профессиональные позиции семей обучающихся могут оказывать значительное влияние на формирование идентичности педагогов. Ожидания и требования, исходящие от родителей, могут как поддерживать педагогов, так и создавать для них дополнительные стрессовые факторы.

Определения профессиональной идентичности в достаточной мере не раскрывают ее сущности у педагогов дополнительного образования. Поэтому автором с опорой на имеющи-

еся определения исследуемого понятия, с учетом социально-профессионального контекста и внутренней мотивации педагогов дополнительного образования предпринята попытка самостоятельного определения термина «социально-профессиональная идентичность педагогов дополнительного образования». Социально-профессиональная идентичность педагогов дополнительного образования – это динамичный, социально конструируемый феномен, формируемый под влиянием социальных потребностей внешней среды, уровня развития педагогов, агентов социализации и статусно-профессиональных позиций семьи обучающихся.

Дальнейшие исследования социально-профессиональной идентичности педагогов в системе дополнительного образования детей будут способствовать созданию методологического сопровождения для повышения эффективности выполнения данными образовательными учреждениями своих социальных функций.

Список литературы

1. Спенсер Г. Синтетическая философия / пер. с англ. П. В. Мокиевского. Киев : Ника-Центр : Вист-С, 1997. 510 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Госполитиздат, 1956. 689 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 572 с.
4. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
5. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М. : Политиздат, 1992. 542 с.
6. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984. 335 с.
7. Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53–74. EDN: RDLZYT
8. Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства) : монография. М. : Мысль, 1985. 240 с. EDN: VKKHRT
9. Социология Ядова: методологический разговор (Избранные труды В. А. Ядова) / сост.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М. : Новый хронограф, 2018. 944 с. EDN: XRSDDV
10. Рочева Я. С. Методология исследования социально-профессиональной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12, Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 1–2. С. 115–119. EDN: KVPYIV
11. Каманина В. Е. Социально-профессиональная идентичность журналистов в условиях модернизации института средств массовой информации : дис. ... канд. социол. наук : 5.4.4. Пенза, 2022. 178 с. EDN: TWRSDE
12. Нор-Аревян О. А., Шаповалова А. М. Факторы формирования профессиональной идентичности // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 21, № 5. С. 102–113. EDN: WMMWVP
13. Перинская Н. А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 209–211. doi: 10.17805/zpu.2018.2.19 EDN: XWQNSX
14. Иванова Н. Л., Конева Е. В. Профессиональная идентичность и профессиональное пространство // Мир психологии. 2004. № 2 (38). С. 148–157. EDN: EHQERS
15. Авдонина Н. С. К проблеме определения компонентов структуры профессиональной идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 127–131. EDN: ZXNVST
16. Поварёнков Ю. П. Психологическая характеристика профессиональной идентичности субъекта труда // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. Т. 20, № 3. С. 9–16. EDN: STSNGP
17. Зеер Э. Ф. Транспрофессионализм как предиктор адаптации к профессиональному будущему личности // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании : сб. тр. 23-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 24–25 апреля 2018 г.). Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2018. С. 375–378. EDN: XUJMLZ

18. Международное исследование профессиональной идентичности педагога / А. С. Берберян, Т. В. Богданова, С. В. Сильченкова [и др.] // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. № 3 (47). С. 306–319. doi: 10.15507/2078-9823.047.019.201903.306-319 EDN: HIRQOZ

19. Регуш Н. Л. Профессиональная идентичность учителя на разных этапах педагогической деятельности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. СПб., 2002. 167 с. EDN: NLZXAR

20. Савченков А. В., Забродина И. В. Эмоциональная устойчивость личности будущего педагога как социально-психологический фактор формирования профессиональной идентичности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 142–146. EDN: ZTWPQH

21. Нестерова А. Ю. Когнитивная деятельность, профессиональная компетентность и идентичность педагога // Наука и школа. 2014. № 3. С. 113–118. EDN: SZLWET

22. Зайцев В. С., Ногина А. А. Самоидентификация будущих педагогов профессионального обучения: генезис, структура, условия // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 6. С. 111–127. doi:10.25588/CSPU.2018.46..6..009 EDN: VTUPKS

23. Савельева О. В., Грицкевич Н. К., Жигинас Н. В. Профессиональная и личностная идентичность педагога дополнительного образования как показатель готовности к работе в системе инклюзии // Научно-педагогическое обозрение. 2018. № 4 (22). С. 248–257. doi: 10.23951/2307-6127-2018-4-248-257 EDN: YWBNDN

24. Свободина Ю. В., Христофорова Е. В. Формирование профессионально-личностной идентичности педагогов дополнительного образования // Вестник практической психологии образования. 2019. № 3 (3). С. 123 –130. EDN: QUFDGS

25. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность : монография. М. : Московский открытый социальный университет, 2001. 272 с. EDN: SXONER

26. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6 (20). С. 1–12. EDN: ONSVRL

27. Климов Е. А. Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 5–14.

28. Маркова А. К. Психология профессионализма : монография. М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 2006. 312 с. EDN: YQCJKT

29. Ермолаева Е. П. Мультидисциплинарный подход в модели «человек – профессия – общество» // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2, № 1. С. 3–22. EDN: YIRIST

References

1. Spenser G. *Sinteticheskaya filosofiya. Per. s angl. P.V. Mokievskogo = Synthetic philosophy. Translated from English by P.V. Mokievsky*. Kiev: Nika-Tsentr: Vist-S, 1997:510. (In Russ.)

2. Marks K., Engel's F. *Iz rannikh proizvedeniy = From early works*. Moscow: Gospolitizdat, 1956:689. (In Russ.)

3. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii = On the division of social labor. The method of sociology*. Moscow: Nauka, 1991:572. (In Russ.)

4. Veber M. Basic concepts of stratification. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 1994;(5):147–156. (In Russ.)

5. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo = Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat, 1992:542. (In Russ.)

6. Kon I.S. *V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie = In search of oneself: personality and its self-awareness*. Moscow: Politizdat, 1984:335. (In Russ.)

7. Cherednichenko G.A. Educational and professional trajectories of young people: research concepts. *Sotsiologicheskiy zhurnal = Sociological journal*. 2013;(3):53–74. (In Russ.)

8. Cherednichenko G.A., Shubkin V.N. *Molodezh' vstupaet v zhizn' (sotsiologicheskie issledovaniya problem vybora professii i trudoustroystva): monografiya = Young people enter life (sociological research on the problems of choosing a profession and employment): monograph*. Moscow: Mysl', 1985:240. (In Russ.)

9. Danilova E.N., Kozlova L.A., Kozyreva P.M., Oberemko O.A. (comp.). *Sotsiologiya Yadova: metodologicheskiy razgovor (Izbrannye trudy V. A. Yadova) = Yadov's sociology: a methodological conversation (selected works of V.A. Yadov)*. Moscow: Novyy khronograf, 2018:944. (In Russ.)

10. Rocheva Ya.S. Methodology of research of social and professional identity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*. 2009;(1–2):115–119. (In Russ.)

11. Kamanina V.E. *Social and professional identity of journalists in the context of modernization of the mass media institution: PhD dissertation*. Penza, 2022:178. (In Russ.)

12. Nor-Arevyan O.A., Shapovalova A.M. Factors in the formation of professional identity. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2016;21(5):102–113. (In Russ.)

13. Perinskaya N.A. Professional identity. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2018;(2):209–211. (In Russ.). doi: 10.17805/zpu.2018.2.19

14. Ivanova N.L., Koneva E.V. Professional identity and professional space. *Mir psikhologii = The world of psychology*. 2004;(2):148–157. (In Russ.)

15. Avdonina N.S. On the problem of determining the components of the structure of professional identity. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk state pedagogical university. Humanitarian research*. 2017;(3):127–131. (In Russ.)

16. Povarenkov Yu.P. Psychological characteristics of the professional identity of the subject of labor. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2014;20(3):9–16. (In Russ.)

17. Zeer E.F. Transprofessionalism as a predictor of adaptation to the professional future of an individual. *Innovatsii v professional'nom i professional'no-pedagogicheskom obrazovanii: sb. tr. 23-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg, 24–25 aprelya 2018 g.) = Innovations in professional and professional-pedagogical education: collection of articles from the 23rd International Scientific-Practical Conference (Ekaterinburg, April 24–25, 2018).* Ekaterinburg: Rossiyskiy gosudarstvennyy professional'no-pedagogicheskiy universitet, 2018:375–378. (In Russ.)

18. Berberyan A.S., Bogdanova T.V., Sil'chenkova S.V. et al. International study of professional identity of teachers. *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya = Humanitarian: current issues in humanities and education*. 2019;(3):306–319. (In Russ.). doi: 10.15507/2078-9823.047.019.201903.306-319

19. Regush N.L. *Professional identity of a teacher at different stages of pedagogical activity: PhD dissertation*. Saint Petersburg. 2002:167. (In Russ.)

20. Savchenkov A.V., Zabrodina I.V. Emotional stability of the personality of a future teacher as a socio-psychological factor in the formation of professional identity. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2017;(8):142–146. (In Russ.)

21. Nesterova A.Yu. Cognitive activity, professional competence and identity of the teacher. *Nauka i shkola = Science and school*. 2014;(3):113–118. (In Russ.)

22. Zaytsev V.S., Nogina A.A. Self-identification of future teachers of vocational training: genesis, structure, conditions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2018;(6):111–127. (In Russ.). doi: 10.25588/CSPU.2018.46..6..009

23. Savel'eva O.V., Gritskevich N.K., Zhiginas N.V. Professional and personal identity of a teacher of additional education as an indicator of readiness to work in the inclusion system. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Scientific and pedagogical review*. 2018;(4):248–257. (In Russ.). doi: 10.23951/2307-6127-2018-4-248-257

24. Svobodina Yu.V., Khristoforova E.V. Formation of professional and personal identity of teachers of additional education. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya = Bulletin of practical psychology of education*. 2019;(3):123–130. (In Russ.)

25. Shneyder L.B. *Professional'naya identichnost': monografiya = Professional identity: monograph*. Moscow: Moskovskiy otkrytyy sotsial'nyy universitet, 2001:272. (In Russ.)

26. Andreeva G.M. On the issue of identity crisis in the context of social transformations. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*. 2011;(6):1–12. (In Russ.)

27. Klimov E.A. Man as a subject of labor problems of psychology. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*. 1984;(4):5–14. (In Russ.)

28. Markova A.K. *Psikhologiya professionalizma: monografiya = Psychology of professionalism: monograph*. Moscow: Mezhdunarodnyy gumanitarnyy fond «Znanie», 2006:312. (In Russ.)

29. Ermolaeva E.P. Multidisciplinary approach in the “person – profession – society” model. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of labor*. 2017;2(1):3–22. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

О. В. Терехова – соискатель, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3954-1248

O.V. Terekhova – Applicant, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3954-1248

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 03.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 24.03.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1 (091)
EDN: TBNINH
doi: 10.21685/2307-9525-2024-13-2-10

«ΕΙΔΟΣ» И ЕГО КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ АРИСТОТЕЛЕМ

Роман Юрьевич Аторин[1], **Максим Анатольевич Васильченко**[2]

[1]Государственный университет управления, Москва, Россия
[2]Университет «Синергия», Москва, Россия
[1]romanos-85@yandex.ru
[2]maks-vasilchenko@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Актуальность данного исследования обусловлена ролью Аристотеля в вопросе систематизации науки. Именно Аристотель заложил основы современной классификации объектов исследования. Он использовал «ΕΙΔΟΣ» как классификационную единицу. Исследование уточняет учение Аристотеля о категориях и дает возможность рассмотреть его влияние на эволюцию научного аппарата. Цель работы – комплексно рассмотреть идею категорий, выводя традицию к пифагорейцам и Платону. *Материалы и методы*. На основе текстов сочинений «Топика», «Метафизика», «Физика» было установлено, что Аристотель вслед за Платоном в качестве способа нахождения субстанции (эссенции) вещи полагал метод деления, который возможен, если начинать с самых общих родовых категорий, удостоверяющих бытие какого-либо субъекта. Для получения данного вывода использовались общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции. *Результаты.* На основе анализа источников было установлено, что мыслительный акт осуществляется в тесной связи с вещами, которые поддаются дальнейшему расчленению. По мнению Аристотеля, «человек» есть то, что не поддается дальнейшему разделению. *Выводы.* Тип категории основан на взаимосвязи вопросов и ответов, а мыслительный акт осуществляется в тесной связи с вещами. Классическое аристотелевское мысленное исследование предметов начинается с удостоверения их существования. Идеи Аристотеля оказали влияние на развитие логики и теории познания в период Средневековья и невозможны вне объектов реально существующей вещности. В современной логике же атрибуция и предикация употребляются как синонимы.

Ключевые слова: Аристотель, объективный идеализм, атрибут, предикат, категории

Для цитирования: Аторин Р. Ю., Васильченко М. А. «ΕΙΔΟΣ» и его категориальная предикация Аристотелем // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 103–112. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-10 EDN: TBNINH

© Аторин Р. Ю., Васильченко М. А., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

«ΕΙΔΟΣ» AND ITS CATEGORICAL PREDICATION BY ARISTOTLE

Roman Yu. Atorin[1], **Maxim A. Vasilchenko**[2]

[1]State University of Management, Moscow, Russia

[2]Synergy University, Moscow, Russia

[1]romanos-85@yandex.ru

[2]maks-vasilchenko@mail.ru

Abstract. *Background*. The relevance of this study is due to the role of Aristotle in the issue of systematization of science. It was Aristotle who laid the foundations of the modern classification of objects of study. He used "ΕΙΔΟΣ" as a classification unit. The article clarifies Aristotle's teaching on categories and provides an opportunity to consider its influence on the evolution of the scientific apparatus. The purpose of the work is to comprehensively consider the idea of categories, deducing the tradition to the Pythagoreans and Plato. *Materials and methods.* Based on the texts of the works "Topics", "Metaphysics", "Physics" it was established that Aristotle, following Plato, believed the method of division as a way to find the substance (essence) of a thing, which is possible if you start with the most general generic categories that certify the existence of any subject. To obtain this conclusion, general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction were used. *Results.* Based on the analysis of sources, it was established that the mental act is carried out in close connection with things that are subject to further division. According to Aristotle, "man" is something that cannot be further divided, the Philosopher calls man a species and can only be called an attribute. *Conclusions.* The authors come to the conclusion that the category type is based on the relationship between questions and answers, and the mental act is carried out in close connection with things. Classical Aristotelian mental study of objects begins with the verification of their existence. Aristotle's ideas influenced the development of logic and the theory of knowledge during the Middle Ages and are not possible outside of objects of real existing thingness. In modern logic, attribution and predication are used synonymously.

Keywords: Aristotle, objective idealism, attribute, predicate, categories

For citation: Atorin R.Yu., Vasilchenko M.A. «ΕΙΔΟΣ» and its categorical predication by Aristotle. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):103–112. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-10

Наиболее полное учение о категориях, их перечисление и объяснение встречаются у Аристотеля в сочинении «Категории» [1, с. 8, 9–50], а также в «Топике» [2, с. 358], «Метафизике» [3, с. 156, 296] и «Физике» [4, с. 167]. Есть предположение, что последовательность размещения Аристотелем категорий обусловлена естественным ходом эмпирии. «Аристотель, исследуя отдельный предмет, ставил вопрос, какие различные определения могут быть ему приписаны, а затем сводил добытые таким образом определения в известные рубрики» [5, с. 263], которых набралось 10. Не исключено, что количество категорий числом «10» сформировано Аристотелем не без влияния «магии чисел» пифагорейства, имевшего, в свою очередь, прямое отношение к становлению Платона как философа. Религиозная метафизика Пифагора объявляла число «10» сакральным символом вселенского порядка, гармонии и красоты, начала познания и совершения всякой истины, что зафиксировано самим Аристотелем, «так как десятка, как им представлялось, есть нечто совершенное... Другие пифагорейцы утверждают, что имеется десять начал, расположенных попарно: предел и беспредел, нечетное

© Atorin R.Yu., Vasilchenko M.A., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движующееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое» [3, с. 76].

В третьей книге «Физики» Аристотель говорит о движении как дополнительной категории [4, с. 73], также о категориальности движения сказано в «Метафизике» [3, с. 289]. Движение подразделяется по одной его классификации [4, с. 167] на три, по другой [2, с. 65–67] – на шесть видов. Однако в список классических категорий движение не входит.

Классификация категорий основана на принципе вопросов и ответов, приемлемых для каждого типа вопросов.

Первый тип вопросов. В отношении конкретного субъекта можно задать вопрос, например, «Что это?», «Как это?», «Сколько?» и т.д. Каждая аристотелевская категория предлагает определенный тип вопросов. Каждое вопрошание предусматривает подходящий вид ответа.

Второй тип вопросов предполагает возможность задавать вопросы относительно всех вещей. Можно спросить «что это?» относительно любой сущности вообще. Далее возможно повторить этот же вопрос в отношении каждого выданного ответа. Если продолжить таким образом, то постепенно будет вырисовываться иерархия родов и вопросы дойдут до логического завершения, когда найдется атрибутивная категория, чьим именем обозначается особое бытие, сущность, к которой относится субъект, в отношение которого был задан первый вопрос. Например, в отношении Сократа можно задать вопрос: «Кто это?» Будет дан ответ: «Человек». Если вопросить то же самое в отношении понятия «человек», то будет получен ответ: «мыслящее существо». На аналогичный вопрос «Что такое "мыслящее существо"?» будет дан ответ: «То, благодаря чему человек есть», или «Способ бытия». На вопрос, что составляет способ бытия, ответом является «сущность» – «предмет, способный иметь самостоятельное бытие, не нуждающееся для своего существования в существовании другого» [5, с. 264], «то, что присуще лишь чему-то одному, поскольку оно ему одному присуще, поэтому оно существует отдельно само по себе» [3, с. 171], «нечто одно и определенное нечто» [3, с. 211]. Сущность интеллигибельна, т.е. видеть сущность вещи есть исключительно умственная прерогатива, вытекающая из качества разума (ratio), названного схоластиками «indivisibilium intelligentia»[1], определяемого как «способность, посредством которой рассудок (intellectus) воспринимает сущность каждой вещи» [6, с. 19].

«Так как ищем начала и высшие причины, то ясно, что они должны быть началами и причинами чего-то самого сущностного... Если же те, кто искал элементы вещей, искали и эти начала, то и искомые ими элементы должны быть элементами не сущего, как чего-то привходящего, а сущего, как такового» [3, с. 119]. По достижении первой и главной категории «сущность» больше нет смысла задавать подобные вопросы, так как нет какой-либо другой общей категории, помимо данной, «ибо суть бытия вещи – предел познания [вещи]» [3, с. 171]. Аналогичным образом, если спросить относительно цвета какой-либо коричневой вещи, то нужно ответить: «коричневый». На вопрос «Что такое коричневый?» – ответ «Цвет». «Что такое цвет?» – качество физических тел. На этом все вопросы должны закончиться, так как, по Аристотелю, выявление общей категории качества предполагает основание классификации сущностей, поскольку первые неотделимы от последних. Таким образом, сущее есть то, что может находиться посредством категориальной предикации.

1. Субстанция (οὐσία, substantia) и акциденция (συμβεβηκότα, accidentia)

Различие между онтологическим субъектом и онтологической категорией не основывается на том, как осуществляется высказывание относительно вещи, но начинается с ее сущностного основания.

Субстанция. Сущность, принадлежащая к роду субстанции, есть независимый самостоятельный субъект (например, «Сократ») или обозначает что-то, что может существовать как отдельная автономная вещь (например, «человек»), подходящая под критерии нумерации

[1] «Мышление о неделимом».

и классификации. «Самобытное, независимое единичное бытие вещи – только *определяется* посредством категорий, но сама по себе, по сути, *не есть категория*» [5, с. 263–264].

Единичные субстанции – отдельные физические тела.

Общие универсальные субстанции (универсалии) – сущности и существа, которых мы относим к исчислимым существительным (например, лошадь, стол и т.п.) или измеримым (например, вода, золото). «Отделенные субстанции индивидуальны и единичны, но индивидуализируются они не благодаря материи, а благодаря тому, что по природе не предназначены быть в ином» [7, с. 97].

Акциденция – некие сущности, мыслимые как свойства, которые всегда неотделимы от сущности – первой категории (категории субстанции). Следовательно, они могут существовать и в той степени, в которой принадлежат какой-либо сущности, относящейся к первой категории. «Акциденции иногда причиняются сущностным началам в соответствии с [их] совершенным актом, например, тепло огня, который всегда актуально горяч» [7, с. 187].

Единичные акциденции – сущности, не имеющие четко установленного критерия существования и напрямую зависящие от конкретного субъекта, которому принадлежат.

Общие универсальные акциденции – сущности, которые также не имеют точно определенных критериев существования и зависят не от конкретного «вот этого» индивидуального единичного субъекта, но того или иного субъекта, т.е. от субъекта вообще.

Таким образом, вышеупомянутый и очевидный онтологический приоритет первой категории сущностей (№ 1 в табл. 1) образует то, что Аристотель называет «Субстанция». Сущностям, классифицируемым посредством категорий № 2–11 табл. 1, Аристотель дает название «Акциденция». Соответственно, субстанциальность вещи атрибутируется (например, «Бог – существование», «человеку – мышление», «материи – движение»). Акцидентальность предикатируется (например, «человек – белый», «материя – какого-либо цвета»). Однако необходимо одно уточнение. Сущность, по Аристотелю, «по существу своему есть сущее» [3, с. 120–121]. По замечанию исследователя, первая сущность сама по себе не познаваема, а познание начинается с предикативной сущности: «предикативность… является признаком не-субстанциальности, то есть все то, что в структуре высказывания выступает в качестве предиката (вторая сущность, δεύτερη ουσία) в отношении первой сущности, свидетельствует о том, что то, что скрывается за второй, предикативной сущностью, субстанцией не является» [8, с. 85]. Сущее «по природе» не является предикатом и самой по себе абстракцией, а абстрактные определения лишь относятся к ней.

Таблица 1

Категории (роды сущностей)

Название и характеристика	Сущности, соотнесенные с родом или категорией	Пример
1	2	3
Субстанция / Первая сущность (Πρώτη ούσια)		
1. Сущность (ουσία)	*Что?* Отдельные сущности или сущностные свойства отдельных вещей	Сократ, человек, животное, бык, солнце, корабль
Акциденция / Вторая сущность (Δεύτερη ουσία)		
2. Количество (πόσον)	*Сколько?* Любая вещь, выраженная количественно	1 килограмм, 10 метров, 100 гектаров, 1000 рублей
3. Качество (ποιόν)	*Какой?* Любая неотъемлемая качественность	мудрый, добродетельный, неприхотливый, грамотный, невежественный, легкий, тяжелый

Окончание табл. 1

1	2	3
4. Отношение (πρός τι)	*Относительно чего?* Кого-либо или чего-либо	Знание – невежество, добродетель – порок, господин – раб, двойное – половинное
5. Место (πού)	*Где?* Место, где находится субъект или вещь	В университете, на работе, на площади, в церкви, на столе
6. Время (πότε)	*Когда?* Случилось или произошло, или может произойти	Позавчера, вчера, сегодня, завтра, через *n*-е количество времени
7. Положение (κείσθαι)	Находиться в каком-либо определенном положении	Сидящий, стоящий, лежащий
8. Обладание (έχειν)	*Чем?* Чем-то владеть или находиться в определенном статусе или ситуации	Имеющий должность, ученую степень, вооружен, носящий кольцо
9. Действование (ποιείν)	*Оказывать воздействие по отношению к объекту.* Энергия, целенаправленная деятельность, совершаемая кем-либо в отношении кого-либо или чего-либо	Созерцать, обучать, наблюдать, читать, забивать, резать, поджигать
10. Изменение / претерпевание / страдание (πάσχειν)	Состояние, при котором субъект испытывает воздействие	Созерцаемый, обучаемый, наблюдаемый, прочитываемый, забивающийся, режущийся, горящий

Необходимо отметить, что различие атрибуции и предикации является важным в рационалистической философии и в *аристотелевской аналитике*, где мыслительный акт осуществляется в тесной связи с вещами. Классическое аристотелевское мысленное исследование предметов начинается с удостоверения их существования. Иными словами, необходимо иметь в виду, «есть ли нечто или нет вообще... А когда мы уже узнаем, что нечто есть, тогда мы спрашиваем о том, что именно оно есть, например: что же есть Бог или что такое человек» [2, с. 315]. Подобного подхода придерживались в эпоху «высокой схоластики», основанной на философии Аристотеля. Еще в XIII в. средневековыми учеными недвусмысленно утверждалось, что «целью логики является познание вещей» [6, с. 28], «если у кого-то [представления в уме] отличаются [от того, что в действительности], то [его ум ничего] не познает» [6, с. 34]. Таким образом, античная и средневековая логика и теория познания невозможны вне объектов реально существующей вещности. «Сначала нужно выяснить, существует та или иная вещь, и только тогда, когда будет установлено, что она существует, можно приступать к исследованию того, что она собой представляет» [9, с. 12]. Современная логика исследует законы мышления отвлеченно, как таковые, вне связи с вещами, поэтому чаще всего атрибуция и предикация употребляются как синонимы. Иными словами, в современной логике «предикат = атрибут + предикат» [10, с. 111; 11, с. 85; 12, с. 12; 13, с. 22]. «Предикатируется» все, вне различия на субстанциальное и акцидентальное, так как в изучении самих по себе номинальных логических конструкций уже отсутствует необходимость принципиального различения субстанциального и акцидентального в объектах. Понимание современной логики как науки основано на символизме – это логика воспроизведения с помощью языка и формализации, с применением понятий, заимствованных из математики [14, с. 4]. Проблема соотношения вещей и их понятий, диалектика соотношений «реального» и «номинального», а также прочие субъектно-объектные связи – все это остается в ведении философии и философской логики.

Однако природа «понятия» как формы мысли во многом остается аристотелевской, как нечто, сформированное из существенных признаков предмета, обладающего постоянством [14, с. 3–4]. Еще в начале XX в. некоторые дореволюционные исследователи приводили ари-

стотелевскую субстанциальность вещи и акцидентальность ее изменяющихся признаков [15, с. 66]. Похожая классификация признаков вещи на «основные, существенные», «производные – обусловленные основными» и «случайные» встречается также в литературе более позднего, советского периода [14, с. 122].

2. «То τι ην είναι»: двойное значение определения сущности

Вопрошание «Что это есть?» относится ко *второму типу вопросов*, что было приведено ранее. «Ведь в каждом таком случае, говорят ли о самой вещи или о ее роде, обозначают, что именно есть вещь» [2, с. 358].

Аристотель для разделения десяти родов категорий употребляет следующие вопросы: «Что именно есть?», «Сколько?», «Какое?», «По отношению к чему?», «Где?», «Когда?», «Находится [в каком положении]?», а также из рода глагольного вопроса «Что делать?»: «обладать», «действовать», «претерпевать» [2, с. 358]. Вопрос, который можно сформулировать в отношении любого субъекта α, к какой бы категории он ни относился, всегда будет вопросом, по сути требующим свойств, определяющих идентичность. Когда в отношении любой сущности α составляется вопрос «Что есть α?», то посредством данного вопроса полагается цель узнать, какие свойства определяют сущность, делают объект α одним и тем же в течение времени или, что одно и то же, каковы особенности этой сущности, которые делают ее уникальной и отличают от других сущностей. Вопрос «Что есть человек?» предполагает ответом затребование тех категорических особенностей, которые определяют сущность любого человека, или же тех, что отделяют каждую сущность, именуемую «человек», от других сущностей, которые не-люди. Что касается ответа на вопрос «Что есть α?», то область ее переменной включает и индивидуальные определения, например «Сократ», и родовые определения, например «человек».

Ответы на вопросы либо дают что-то от части, либо определяют всю совокупность конкретной сущности. В случае с «человеком» ответ «Животное» дает лишь одну из сторон человеческой сущности, в то время как ответ «Человек – есть мыслящее существо» дает именно то свойство, что предполагает сущностное отличие человека от животного. В первом случае полученный ответ дает знание о чем-то общем между человеком и другими сущностями. Ответ во втором случае содержит некую фразу, некое описание, которое будет относиться и ко всем, и к одной сущности, являющейся человеком. Данное описание Аристотель называет определением «того, что есть», его конкретной сущности. Однако «определение того, что есть» – это определение бытия. Когда Аристотель рассуждает об определении бытия, то фразой «есть (είναι)» он обозначает, прежде всего, определение сущности *реально существующего* объекта.

Таким образом, имеется другое определение «сущности». Значение сущности во втором смысле латинский ученый мир запечатлел определением «essential» с целью отличить этот род сущности от первого. В греческой традиции термин «substantia» эквивалентен термину «ουσία» и переводится на русский как «сущность», а «essential» – как «υπόσταση», что соответствует в русском языке таким терминам, как «лик», «функция», «роль», т.е. вербально определяемая сторона сущности вследствие ее действия. Также возможен перевод «essential» как «субстанция» и «сущность».

Также субстанцией любой вещи принято называть «το τι ην είναι», в буквальном переводе – «чтойность», которая обозначается как ее определение [7, с. 209], «объединенная целостность элементов определения, собственная характеристика определяемого» [16, с. 189]. Это позволяет «чтойность» и «essential» рассматривать как синонимы. Понятия «сущности» и его определения, «чтойности», тесно связаны с аристотелевским учением о форме [3, с. 15, 146, 193, 246; 4, с. 98], идеальном начале, которое неразрывно связано с вещью, является «простым отличительным признаком, поскольку благодаря ей [вещь] получает определенность» [7, с. 179]. «В самом деле, сущность и форма совпадают в том, что посредством чего нечто есть в соответствии с тем и другим. Но форма соотносится с материей, которой она дает актуальное бытие, а чтойность соотносится с суппозитом, который обозначается как имеющий

какую-то сущность» [7, с. 210–211]. В этом смысле материя лишается качества субстанциальности [3, с. 190; 4, с. 98; 7, с. 211].

3. «Общее» и «единичное» в категориях: род сущности и вид

Каждая из десяти аристотелевских категорий вмещает как единичные, так и универсальные сущности. Примером единичной сущности является «Сократ», универсальной субстанциальностью может быть «человек», «живое существо», «прямоходящее». Универсальные сущности индивидуализируются в тех вещах, к которым они относятся или принадлежат (предицируются или же атрибутируются). Это означает, что бытие таких сущностей в единичных вещах определено лишь в той степени, в которой они могут принадлежать самим единичным вещам. Очевиден факт онтологической зависимости универсального от единичного, а единичное является тем, что «есть» как прежде, существующим вообще. Это у Аристотеля имеет особую значимость для сущностей, относящихся к категории субстанции, чтобы выявить вещь сущностно, что позволит ее отнести к субстанциальной категории. На основании утверждения о протосубстанциальности единичного возможно различие того, к каким сущностям следует относить то, что называется «первая субстанция» или «первая сущность».

Аристотель вслед за Платоном в качестве способа нахождения субстанции (эссенции) вещи полагал метод деления, который возможен, если начинать с самых общих родовых категорий, удостоверяющих бытие какого-либо субъекта. Например, категория «живое существо» относится к субъекту «человек». Так, род, к которому принадлежит субъект, путем совершения последовательных различий подмножеств общего предиката, на основе определенных свойств, составляющих различия, переходит к подмножеству, содержащему все и только те сущности, для которых общий предикат является истинным, далее – к той субстанции, которую мы пытаемся определить. Следовательно, по мнению античного философа, «человек» есть то, что не поддается дальнейшему разделению, а следовательно, относится к виду и может называться только атрибутом.

4. Способы связи универсумов: к вопросу о предикабилиях

Предикабилии (от слова *praedicare* – высказать) – это типы предикатов, общие понятия, «через которые в процессе познания показывается, как одно утверждается относительно другого» [2, с. 353].

Определение (ὁρος) – смысловое выражение сущности какого-либо субъекта или вещи, принадлежащее исключительно ему. Например, выражение «животное, двуногое, мыслящее» может принадлежать только субъекту «человек». Определение, как его назвал Аристотель, есть «речь, высказывающая суть бытия [вещи]» [2, с. 353]. Аристотель также подчеркивает, что если определение есть речь, то его нельзя выразить посредством одного слова. Есть интересное свойство определения: его труднее всего доказать и проще всего опровергнуть [18, с. 196].

Собственное (вид, ἴδιον): «собственное – это то, что хотя и не выражает сути бытия [вещи], но что присуще только ей и взаимозаменяемо с ней» [2, с. 353]; любая категория, атрибутируемая субъекту, определяющая «что это есть», указывающая на отдельную, более разграниченную, чем род, сущность группы субъектов, объединенных ранее в род, до тех пор, пока субъекты не начинают различаться между собою. Например: «человек» – «раса» – «национальность» – «русский» и т.д. «Означенность индивида по отношению к виду имеет место через материю, определенную измерениями, а означенность вида по отношению к роду имеет место посредством конституирующего видового отличия, которое берется от формы вещи» [7, с. 145].

Род (γένος) «есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду [вещах]» [2, с. 354]; любая категория, которая приписывается больше, чем одному субъекту. Внутри категории рода субъекты различаются по своим видам. Общая категория приписывает «то, что есть» сущностям всех вещей, что способен охватить род, означающий вид общей сущности, к которой принадлежит субъект. «Род не взаимозаменяем с тем, к чему относится; он

выражает суть бытия вещи, но выражает ее не полностью. Полностью суть бытия вещи может быть выражена тогда, когда к роду присоединяется видовое отличие» [18, с. 49]. Например, если в качестве рода предположить «животное», то данный род может подразделяться далее на «двуногое» или «четвероногое», т.е. на два вида животных. В таком случае «животное» становится родом для всех двуногих и четвероногих субъектов. «Род берется из материи, хотя и не есть материя… род мыслится в отличительном признаке не как часть его сущности, но только как сущее вне сущности» [7, с. 149]. Все различия ранжируются на основании аналогичной классификации рода. Только различия – это разделяющие род атрибуты. Разница между «двуногим» и «четвероногим» разделяет «животное» как род на виды, например, «человек» и «лошадь». Эти типы уже различаются с точки зрения атрибутов, каждый из которых будет отнесен к субъекту как различие, означающее, к какому типу вещей причисляются эти субъекты.

Акциденция (συμβεβηκότα): о ней говорилось ранее: «Привходящее – это то, что хотя и не есть что-либо из перечисленного – ни определение, ни собственное, ни род, но присуще вещи, или то, что одному и тому же может быть присуще и не присуще» [2, с. 354]. Это что-то, что может относиться к субъекту, распространяться на вещи, а может и не относиться. При этом акциденция не влияет на то, «что есть» вещь. Например, категория «белый» – это нечто, что может присутствовать в человеке, а может не присутствовать. «Человек – белый» мыслится только акцидентально, так как в одних людях присутствует белизна, в других ее нет. Или же это то, что в один момент времени присутствует, в другой – отсутствует в одном и том же человеке, например солнечный загар, аллергическая сыпь и т.п. Акциденция есть *свойство, как* нечто не-сущностным образом принадлежащее. С помощью этой категории не происходит утверждение или отрицание существования, она относится исключительно к данному субъекту и может быть категориально атрибутирована, однако не составлять сущности. Например, человеку свойственно смеяться и изучать философию. Эти свойства, которые принадлежат исключительно человеку по необходимости, однако не принадлежат к тому, что есть человек, по сущности.

Таким образом, бытие каждого «εἶδος» Платона в отдельной вещи становится, по Аристотелю, индивидуальной субстанцией, «чтойностью». Универсалии же приобретают акцидентальный характер, бытие которых позволяет в родах и видах видеть иерархичность, благодаря чему возможна их классификация. Универсалия может атрибутироваться нескольким вещам и не есть субстанция, так как последняя – это только субъект, демонстрирующий собственный принцип существования [19]. Можно заключить, что универсалия как таковая лишена субъектности, однако именно она является объективным началом знания: «Начало и причина должны быть вне тех вещей, начало которых они есть, т.е. быть в состоянии существовать отдельно от них. А на каком же еще основании можно было бы признать для чего-то подобного существование вне единичной вещи, если не на том, что оно сказывается как общее обо всем. <…>. Ведь мы познаем все вещи постольку, поскольку у них имеется что-то единое и тождественное и поскольку им присуще нечто общее» [3, с. 109].

Список литературы

1. Аристотель. Категории. Об истолковании. М. : АСТ, 2023. 160 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 2 / ред. и авт. предисл. З. Н. Микеладзе. М. : Мысль, 1978. 685 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / ред. и авт. предисл. В. Ф. Асмус. М. : Мысль, 1978. 549 с.
4. Аристотель. Физика / пер. В. П. Карпова. СПб. : Азбука-Аттикус, 2023. 320 с.
5. Асмус В. Ф. Античная философия (история философии). М. : Высшая школа, 2009. 400 с. EDN: QWUSZX
6. Комментарии Фомы Аквинского к трактату Аристотеля «Об истолковании» : монография. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2018. 248 с. EDN: XQINJJ
7. Аквинский Ф. Сочинения / сост., пер. с лат., ввод. ст. и коммент. А. В. Аполлонова. М. : Ленанд, 2021. 264 с.

8. Мельников С. А. Введение в философию Аристотеля: 8 лекций для проекта Магистерия. М. : Rosebud Publishing, 2018. 246 с.

9. Слинин Я. А. Аристотель и онтологические основания логики. СПб. : Наука, 2013. 359 с. EDN: XWHRCX

10. Кузина Е. Б. Логика в кратком изложении и упражнениях. М. : Ид-во МГУ, 2000. 236 с.

11. Логика для менеджеров / Е. В. Сарычев, Е. Ф. Скорик, М. Ю. Захаров [и др.] ; под ред. Е. В Сарычева, М. Ю. Захарова. М. : Юрайт, 2019. 395 с. EDN: WXWKXV

12. Скорик Е. Ф. Логика в схемах. М. : МБА, 2008. 119 с. EDN: QWTSFJ

13. Старовойтова И. Е., Яценко О. Ю. Логика и критическое мышление. М. : ГУУ, 2020. 109 с.

14. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М. : Изд-во МГУ, 1989. 239 с.

15. Челпанов Г. И. Логика. М. : Наше завтра, 2023. 256 с.

16. Рикер П. Бытие, сущность и субстанция у Платона и Аристотеля. Курс, прочитанный в университете Страсбурга в 1953–1954 гг. / пер. с франц. Г. В. Вдовиной. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2019. 285 с.

17. Дзиова Э. Н. Основные моменты учения Аристотеля о предикабилиях // Экономика и социум. 2014. № 1–3 (10). С. 194–197. EDN: SXMHNL

18. Слинин Я. А. Понятие топа и предикабилий и их роль в диалектическом рассуждении // Логико-философские штудии. 2009. № 7. С. 41–58. EDN: QZGODF

19. Аторин Р. Ю., Васильченко М. А. «ΕΙΔΟΣ»: от Платона к Аристотелю // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13, № 1 (149). С. 118–125. doi: 10.21685/2307-9525-2024-13-1-12 EDN: SNKAQJ

References

1. Aristotel'. *Kategorii. Ob istolkovanii = Categories. On interpretation*. Moscow: AST, 2023:160. (In Russ.)

2. Aristotel'. *Sochineniya: v 4 t. T. 2. Red. i avt. predisl. Z. N. Mikeladze = Works: in 4 volumes, volume 2. Edition and introduction by Z. N. Mikeladze*. Moscow: Mysl', 1978:685. (In Russ.)

3. Aristotel'. *Sochineniya: v 4 t. T. 1. red. i avt. predisl. V. F. Asmus = Works: in 4 volumes, volume 1. Edition and introduction by V.F. Asmus*. Moscow: Mysl', 1978:549. (In Russ.)

4. Aristotel'. *Fizika. Per. V.P. Karpova = Physics. Translated by V.P. Karpov*. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus, 2023:320. (In Russ.)

5. Asmus V.F. *Antichnaya filosofiya (istoriya filosofii) = Ancient philosophy (history of philosophy)*. Moscow: Vysshaya Shkola, 2009:400. (In Russ.)

6. *Kommentarii Fomy Akvinskogo k traktatu Aristotelya «Ob istolkovanii»: monografiya = Thomas Aquinas's Commentary on Aristotle's Treatise "On Interpretation": monograph*. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2018:248. (In Russ.)

7. Akvinskiy F. *Sochineniya. Sost., per. s lat., vvod. st. i komment. A.V. Apollonova = Works. Compiled, translated from Latin, introduction and comments by A.V. Apollonov*. Moscow: Lenand, 2021:264. (In Russ.)

8. Mel'nikov S.A. *Vvedenie v filosofiyu Aristotelya: 8 lektsiy dlya proekta Magisteriya = Introduction to Aristotle's philosophy: 8 lectures for the Magisterium project*. Moscow: Rosebud Publishing, 2018:246. (In Russ.)

9. Slinin Ya.A. *Aristotel' i ontologicheskie osnovaniya logiki = Aristotle and the ontological foundations of logic*. Saint Petersburg: Nauka, 2013:359. (In Russ.)

10. Kuzina E.B. *Logika v kratkom izlozhenii i uprazhneniyakh = Logic in brief and exercises*. Moscow: Id-vo MGU, 2000:236. (In Russ.)

11. Sarychev E.V., Skorik E.F., Zakharov M.Yu. et al. *Logika dlya menedzherov = Logic for managers*. Moscow: Yurayt, 2019:395. (In Russ.)

12. Skorik E.F. *Logika v skhemakh = Logic in diagrams*. Moscow: MBA, 2008:119. (In Russ.)

13. Starovoytova I.E., Yatsenko O.Yu. *Logika i kriticheskoe myshlenie = Logic and critical thinking*. Moscow: GUU, 2020:109. (In Russ.)

14. Voyshvillo E.K. *Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskiy analiz = Concept as a form of thinking: logic-epistemological analysis*. Moscow: Izd-vo MGU, 1989:239. (In Russ.)

15. Chelpanov G.I. *Logika = Logic*. Moscow: Nashe zavtra, 2023:256. (In Russ.)

16. Riker P. *Bytie, sushchnost' i substantsiya u Platona i Aristotelya. Kurs, prochitannyy v universitete Strasburga v 1953–1954 gg. Per. s frants. G.V. Vdovinoy = Being, essence and substance in Plato and Aristotle. Course given at the University of Strasbourg in 1953–1954. Translated from French by G.V. Vdovina*. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury, 2019:285. (In Russ.)

17. Dziova E.N. The main points of Aristotle's teaching on praedicabilia. *Ekonomika i sotsium = Economy and society*. 2014;(1–3):194–197. (In Russ.)

18. Slinin Ya.A. The concept of tope and predicabilia and their role in dialectical reasoning. *Logiko-filosofskie shtudii = Logic-philosophical studies*. 2009;(7):41–58. (In Russ.)

19. Atorin R.Yu., Vasil'chenko M.A. «ΕΙΔΟΣ»: from Plato to Aristotle. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society*. State. 2025;13(1):118–125. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-13-1-12

Информация об авторах / Information about the authors

Р. Ю. Аторин – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Государственный университет управления, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, 99. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5170-1187

М. А. Васильченко – кандидат исторических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Университет «Синергия», 125190, г. Москва, Ленинградский проспект, 80. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6588-5650

R.Yu. Atorin – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, State University of Management, 99 Ryazansky Avenue, Moscow, 109542. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5170-1187

M.A. Vasilchenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Synergy University, 80 Leningradsky Avenue, Moscow, 125190. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6588-5650

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 01.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 29.04.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 340.155.6
EDN: JIKATS
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-11

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛИЗМА

Игорь Германович Геращенко[1], **Наталья Владимировна Геращенко**[2]

[1]Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия

[2]Волгоградская государственная академия физической культуры, Волгоград, Россия

[1]gerashchenko.62@bk.ru

[2]gerashhigor@rambler.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Философско-правовая концепция В. С. Соловьева основывается на его теории всеединства. С позиций христианского универсализма он решает проблему соотношения национально-государственного и вселенского, что является самобытным глобалистским подходом. В настоящее время продолжаются активные споры о соотношении национального и общечеловеческого, многополярного мира и единого. Позиция В. С. Соловьева оказывается весьма актуальной при решении вопроса о духовном единении людей. Цель исследования – дать системный анализ философско-правовых взглядов В. С. Соловьева в контексте религиозно-нравственного универсализма. *Материалы и методы*. Методологический инструментарий включает в себя принципы системности и исторической реконструкции. Эти методы позволяют изучить творчество выдающегося русского философа комплексно и в процессе исторического развития, включая современность. Монистическая позиция В. С. Соловьева противопоставляется принципу неопределенности, столь популярному в настоящее время. *Результаты*. Обосновывается основополагающая для всего творчества В. С. Соловьева идея о внутреннем единстве всемирно-исторического процесса. Показаны преемственность теории всеединства и немецкого классического идеализма и одновременно своеобразие позиции отечественного мыслителя. В частности, это касается понятия «триады», которое используется в религиозно-вселенском смысле, что позволяет по-новому представить эволюцию правовой системы в тесном единстве с другими сферами социальной жизни. Плодотворной в современных условиях является идея о нравственном основании права. Нравственность рассматривается как исходный и конечный момент в развитии человеческого духа. В этой связи В. С. Соловьев проводит сравнение платонизма, буддизма и христианства как необходимых ступеней в познании универсума. Дается оригинальная трактовка роли насилия в жизни человека и правовых методов его преодоления. Отдельно рассматривается проблема войны с общечеловеческой, национальной и правовой точек зрения. В. С. Соловьевым высказывается идея о неизбежности мировых войн как следствии несовершенства земной жизни и о роли нравственности в духовном возрождении человечества. *Выводы.* В. С. Соловьев с позиций собственной философско-правовой концепции показывает всеединство наций без устранения их особенностей, единство языков без их смешения и единство мировой истории без нивелирования национального своеобразия. Монистичность такого подхода обладает своеобразной диалектичностью, которая связана с софийностью и православным учением о религиозном триединстве.

Ключевые слова: В. С. Соловьев, философия права, глобализм, теория всеединства, нравственное начало, религиозный универсализм, софийность

Для цитирования: Геращенко И. Г., Геращенко Н. В. Философско-правовая концепция В. С. Соловьева в контексте современного глобализма // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 113–121. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-11 EDN: JIKATS

© Геращенко И. Г., Геращенко Н. В., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

V.S. SOLOVIEV'S PHILOSOPHICAL AND LEGAL CONCEPT IN THE CONTEXT OF MODERN GLOBALISM

Igor G. Gerashchenko[1], **Natalia V. Gerashchenko**[2]

[1]Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia

[2]Volgograd State Physical Education Academy, Volgograd, Russia

[1]gerashchenko.62@bk.ru

[2]gerashhigor@rambler.ru

Abstract. *Background*. V.S. Solovyov's philosophical and legal concept is based on his theory of universalism. From the position of Christian universalism, he solves the problem of the correlation between the national-state and the universal, which is a distinctive globalist approach. At present, there are still active debates about the correlation between the national and the universal, the multipolar world and the unified one. V.S. Solovyov's position turns out to be very relevant when addressing the issue of spiritual unity of people. The aim of the article is to provide a systematic analysis of philosophical and legal views of V.S. Solovyov in the context of religious and moral universalism. *Materials and methods*. The methodological toolkit includes the principles of systematicity and historical reconstruction. These methods allow us to study the work of the outstanding Russian philosopher comprehensively and in the process of historical development, including modernity. The monistic position of V.S. Soloviev is opposed to the principle of uncertainty, so popular nowadays. *Results*. In the course of the research the following results were obtained. The idea of the internal unity of the world-historical process, which is fundamental for the entire work of V.S. Solovyov, is substantiated. The continuity of the theory of universality and German classical idealism and, at the same time, the originality of the position of the Russian thinker is shown. In particular, it concerns the concept of “triad”, which is used in the religious and universal sense, which allows to present the evolution of the legal system in close unity with other spheres of social life in a new way. Fruitful in modern conditions is the idea of the moral basis of law. Morality is seen as the initial and final moment in the development of the human spirit. In this connection V.S. Solovyov compares Platonism, Buddhism and Christianity as necessary stages in the cognition of the universe. An original interpretation of the role of violence in human life and legal methods of its overcoming is given. The problem of war from a universal, national and legal point of view is considered separately. The idea of the inevitability of world wars as a consequence of the imperfection of earthly life and the role of morality in the spiritual revival of mankind is expressed. *Conclusions*. V.S. Solovyov from the standpoint of his own philosophical and legal concept shows the unity of nations without eliminating their peculiarities, the unity of languages without mixing them, and the unity of world history without leveling national uniqueness. The monistic nature of this approach has a peculiar dialectic, which is connected with sophistry and the Orthodox doctrine of religious trinity.

Keywords: V.S. Soloviev, philosophy of law, globalism, theory of universalism, moral beginning, religious universalism, sophistry

For citation: Gerashchenko I.G., Gerashchenko N.V. V.S. Soloviev's philosophical and legal concept in the context of modern globalism. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):113–121. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-11

© Gerashchenko I.G., Gerashchenko N.V., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Введение

В. С. Соловьев разработал оригинальную философско-правовую концепцию, которая органически связана у него с историей человечества, нравственностью, софийностью, теорией всеединства. Он по-своему решал проблему глобализма, хотя и не использовал этот современный термин. Актуальность подхода В. С. Соловьева для современной обществоведческой науки заключается в том, что он рассматривал прошлое, настоящее и будущее человечества в контексте развития трех главных ступеней лично-общественной жизни: родовой, национально-государственной и вселенской [1, с. 65].

Правовые вопросы анализировались им с позиций нравственного прогресса и культурных успехов общества. В этой связи он дает оценку буддизма, платонизма и христианства как трех важнейших этапов в развитии духа, говоря фактически о трех религиозных формах глобализма. Отдавая приоритет христианству, В. С. Соловьев выстраивает логику духовного формирования человечества и с этих позиций выделяет следующие виды собирательного зла: между разными народами, между обществом и преступником, между различными социальными классами [1, с. 68].

Особое внимание он уделяет национальному вопросу с нравственной точки зрения. В альтернативе национализма и космополитизма В. С. Соловьев делает акцент на нравственной несостоятельности того и другого. Обращаясь к древним народам, он приходит к выводу, что среди них вообще не существовало отдельных наций. Их место занимали восточные деспотии и западные политии, объединявшие самые различные народности. Христианство в такой интерпретации приобретает качества сверхнародного и всенародного универсума, дающего возможности для развития отдельных наций и личностей. В XIX в., по мысли Соловьева, сложился универсализм новых европейских наций, включая Россию.

Противоречие между правом и нравственностью является мнимым, их различие сводится к следующим моментам:

1) неограниченность нравственного начала и ограниченность правового требования;

2) право требует объективной реализации минимального добра либо устранения некоторой доли зла;

3) в этом случае право допускает принуждение [1, с. 72].

При этом нравственное требование предполагает обеспечение свободы быть безнравственным. В конечном счете положительное право должно создавать принудительное равновесие личной свободы и общего блага. Уголовное право, как полагал В. С. Соловьев, не может пока преодолеть позицию наказания как отмщения, тем самым сохраняя жестокость наказания. С другой стороны, доктрина несопротивления злу также не может быть применима к уголовному законодательству.

Основная часть

В. С. Соловьев занимает особое место в российской философии права. С одной стороны, в его творчестве видна преемственность традиций западной философии права [2]. С другой стороны, он заложил самобытные отечественные принципы религиозно-философского осмысления права, которые развивались в дальнейшем многими русскими мыслителями [3–8].

В целом В. С. Соловьев стоит на позициях христианского глобализма, если последний понимать как всеобщую религиозную духовность, основанную на принципах нравственности. Исходя из этого, российский философ обосновывает внутреннее единство всемирно-исторического процесса. Оно предполагает, что, во-первых, неорганическая и органическая природа являются необходимыми условиями возникновения нравственного порядка, сохраняясь в нем; во-вторых, низшие ступени эволюции имеют тяготение к более высоким; в-третьих, каждая физически и психически высшая ступень вбирает в себя низшие. В этом заключается «собирание Вселенной», которое с точки зрения человечества есть объединение мироздания в идее, а со стороны богочеловечества – собирание Вселенной в действительности [1, с. 64].

Глобализм В. С. Соловьева имеет в данном случае точки сопряжения с наукоучением И. Г. Фихте [9], трансцендентальным идеализмом Ф. В. Й. Шеллинга [10], феноменологией духа Г. В. Ф. Гегеля [11]. Однако в отличие от немецкой классической философии Соловьев исходит из христианской нравственности, считая ее первоосновой мира и выводя из нее все остальные духовные качества, включая разум. Христианство, по его мысли, является высшей формой религии, а православие – высшей формой христианства. Вместе с тем глобализационное решение заключается в том, что различные виды религий обладают ограниченностью и должны быть включены в единую духовность в соответствии с учением всеединства. Следствием этого становится единая церковь, которая воплощает всечеловеческую нравственность в земных условиях. Тем самым постепенно устраняются национальные особенности каждой религии.

В. С. Соловьев полагал, что нравственность образует сердцевину права и все более воплощается в нем в процессе поступательного развития общества. При этом используется не только исторический подход, но и своеобразная диалектика, что роднит отечественного мыслителя с представителями немецкого классического идеализма. Так, человеческая индивидуальность трактуется как взаимодействие единичного лица с внешней средой на низшем, равном и высшем уровне. Уже род выступает в качестве зачаточного воплощения всей нравственности, включая религиозный, альтруистический и аскетический элементы. Древний человек является очень сложным образованием, поскольку взаимодействует не только с природой (низший уровень), членами рода (равный уровень), но и богом (высший уровень). Исходя из этого, противостояния человека и общества в принципе быть не может, поскольку это диалектические части единого целого [12, с. 11]. Духовная эволюция человека анализируется В. С. Соловьевым многоаспектно. Социальное развитие связано с преобразованием рода в племя, затем в народ и в государство. Духовным символом и результатом данного процесса становится отечество. Необходимым элементом такой трансформации является возникновение семьи.

Религиозная духовность изучалась В. С. Соловьевым в широком философском аспекте. К этой теме он возвращался постоянно в своих основных произведениях. При этом он активно использовал критический метод, как, например, в сочинениях «Критика отвлеченных начал» [1] и «Кризис западной философии» [13]. Постепенно он переходит к созданию собственной всеобъемлющей теории [13], завершая ее популярным изложением религиозно-нравственной доктрины в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [13]. Последнее произведение особенно показательно в контексте глобалистского учения, так как оно предполагает не только прогресс и военные действия, но и позицию финализма.

В. С. Соловьев по-своему трактует триаду Г. Гегеля, вводя понятие «софийность». Триединство христианского бога воплощается в духовном становлении человека и общества. Нравственное совершенствование субъекта происходит в триединстве семьи, отечества и человечества. Этому соответствует родовая, народно-политическая и духовно-вселенская деятельность. В семье определяющей является связь трех поколений: дедов, родителей и детей. Нравственное воспитание должно быть одновременно и традиционным, и прогрессивным [1, с. 76]. Его целью становится внушение потомкам живого интереса к будущности предков. Духовное единение достигается путем приготовления к воскресению всех прошлых поколений. Эта идея была также близка Н. Ф. Федорову [14].

Глобализационное учение В. С. Соловьева связано с выделением им трех форм религиозного универсализма. В языческой религии всеобщий подход еще отсутствует. Впервые он появляется в буддизме, где верующий приходит к осознанию пустоты повседневной действительности. Этот универсализм основывается на трех истинах: благоговение перед Буддой, заповедь безволия и братство пробужденных в общине. Он является отрицательным, поскольку ограничивается неприятием действительности и не поднимается до уровня нравственности.

Следующая форма религиозного универсализма – платонизм. Здесь уже субъект переходит в мир идей, формируется рационалистическая философия. Для платонизма, также как

и для буддизма, характерна пессимистическая установка, поскольку человек, даже находясь на позициях идеализма, не видит перспектив вечной жизни лично для себя. Происходит переход от пустоты чувственного мира к умопостигаемой полноте идей, однако односторонность не устраняется. Мудрец не только противопоставляет себя толпе, но и вынужден ей подчиняться.

По Соловьеву, высшая форма религиозного универсализма – христианство. В нем преодолеваются нигилизм буддизма и ограниченность платонизма. В христианстве формируется идея спасения не только личного, но и общечеловеческого. Нравственность становится правилом существования (хотя и трудновыполнимым) в материальном мире и способом приготовления к посмертной жизни. Христианство в таком понимании является абсолютным событием, абсолютным обещанием и абсолютной задачей [1, с. 67].

Необходимо отметить, что в современной ретроспективе можно выделить различные исторические формы глобализма: крупные военные завоевания, мировые религии, коммунистическую идеологию, практику национал-социализма, либерально-рыночный глобализм, мировую информационную сеть и искусственный разум [15, с. 103]. Во времена В. С. Соловьева многие из этих форм глобализма еще не существовали, тем интереснее проследить, как русский философ понимал всеединство человечества и насколько это применимо в современных условиях.

С позиций христианского универсализма В. С. Соловьев анализирует проблему соотношения нравственности и права. Российский философ приходит к мысли, что реальное противоречие и несовместимость присущи не праву и нравственности вообще, а различным состояниям правового и нравственного сознания. Причем и то, и другое поступательно развивается, приходя в идеале к внутреннему единству. Эволюция общества начинается с естественного права, данного человеку от рождения. Прогресс в праве заключается в приближении правовых положений к правовым нормам, сердцевину которых образует нравственность.

По оценке П. И. Новгородцева, В. С. Соловьев наиболее глубоко в русской философии показал нравственные истоки правового сознания, ведя полемику со славянофилами и Л. Н. Толстым, которые вообще отвергали право, как безнравственное социальное явление [16, с. 296–297]. Соловьев дает критику теории «непротивления злу насилием», поскольку это сопряжено у Толстого с отрицанием всех правовых установлений. Основную ошибку этой доктрины В. С. Соловьев видел в надежде русского писателя на личный подвиг отдельных людей: когда все члены общества один за другим решат быть совершенными, тогда и все общество станет идеальным. Соловьев противопоставляет такому подходу исторический пример отмены крепостного права, в результате чего хотя и были ущемлены права помещиков, однако произошло развитие общей свободы и даже нравственное совершенствование самих бывших крепостников.

П. И. Новгородцев справедливо считал В. С. Соловьева крупнейшим представителем российской философии права и в своих работах развивал его взгляды [16]. Это касается критики западной философии права, кризисных явлений в российской правовой системе, анализа соотношения нравственности и права, непротивления злу и наказания и др.

В. С. Соловьев приходит к выводу, что между идеальным добром и злой действительностью есть промежуточная область права и закона, находящая свое воплощение в государстве. Нравственная проповедь сама по себе останется в лучшем случае простыми разговорами, а в худшем – превратится в произвол. Для реализации нравственных принципов необходимы формальные понятия, правила и учреждения, характерные для правового государства [1, с. 446]. Соответствующие правовые понятия закрепляются в повседневном языке: «право на уважение», «обязанность послушания», «право на религиозность», «обязанность помогать ближним» и т.д.

Право тем самым превращается в правду как нравственное измерение истины. У В. С. Соловьева правда понимается не так, как у Г. Гегеля. В немецкой классической диалектике правда рассматривается в качестве одностороннего выражения истины, поэтому «у каждого своя правда». В. С. Соловьев говорит о правде в нравственном смысле, поэтому она ведет

не к интеллектуальному разобщению людей, а к их духовному единству на основе общего права. Тем самым в правде происходит взаимопроникновение нравственного и юридического начал.

В «Оправдании добра» дается следующее определение права: это принудительное требование реализации некоторого минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла [1, с. 450]. Наличие принудительного закона является необходимым условием нравственного совершенствования. Право также является принудительным равновесием между общим благом и личной свободой. Последняя предполагает, что право может быть безнравственным. Государство должно допускать такую возможность, но не популяризировать ее. Задачей права является не осуществление божьего царства на земле, а недопущение превращения ее в ад. В. С. Соловьев выделяет две формы социального ада: полную анархию и абсолютный деспотизм. Анархия является абсолютизацией личной свободы, а деспотизм – государственной власти. Недопущение ада на земле заключается в нахождении «золотой середины» между свободой и властью, что достигается в реальной жизни достаточно редко и на непродолжительный срок.

Право не может обойтись без насилия. В. С. Соловьев полагает, что в мире существует три вида насилия:

1) зверское насилие, связанное с причинением физического вреда, вплоть до убийства;

2) человеческое насилие, устанавливаемое в обществе для ограждения внешних благ жизни;

3) насильственное вторжение внешних общественных организаций в духовную сферу человека [1, с. 456].

В. С. Соловьев признает правовой только вторую форму насилия, которая в земных условиях является необходимой, а первая и третья формы не относятся к правовым и должны искореняться. При этом первая форма насилия опускает человека до животного уровня, а третья – предполагает дьявольское насилие над душой.

Для философского осмысления права В. С. Соловьев использует понятие «триада», которое у него ассоциируется с религиозным принципом триединства христианского бога. Закон обладает тремя отличительными признаками:

– публичность: не обнародованное постановление не может быть положительным законом;

– конкретность: нормы особых, определенных отношений для конкретной ситуации;

– реальная применимость: возможность исполнения в каждом единичном случае, для чего применяются санкции.

Триада реализуется далее в трех ветвях власти:

– законодательная: власть издавать обязательные для всех законы;

– судебная: власть судить сообразно этим законам;

– исполнительная: власть принуждать всех к исполнению данных законов.

И наконец, триединая иерархия власти:

– верховная власть;

– подчиненные ей органы;

– масса населения как субстрат государства [1, с. 459–461].

В. С. Соловьев анализирует уголовный процесс с нравственной точки зрения. Философ выступает категорически против идеи наказания как отмщения, видя истоки такой доктрины в обычае кровной мести во времена родового строя. Обязанности мести постепенно переходили от рода к государству, так фактически возникла уголовная юстиция. Она, чтобы сохранить эту тенденцию, вынуждена ужесточать наказание в целях устрашения правонарушителей. Введение нравственного элемента в уголовный процесс В. С. Соловьев связывает с осуществлением трех видов прав: право человека на защиту от преступления, право общества на безопасность, право преступника на вразумление и исправление. Наказание преступника должно соответствовать его внутреннему состоянию, а процессу исправления будут способствовать условные приговоры.

Усовершенствование человека В. С. Соловьев видит на пути христианского глобализма, который он называет религиозным всеединством. Особенно ярко это проявляется в его характеристике войны. Здесь мыслитель выделяет три вопроса: общенравственный, исторический и личнонравственный. С общенравственной точки зрения война есть зло и аномалия. С исторических позиций она уже рассматривается как зло относительное. Прогресс военного дела, с точки зрения В. С. Соловьева, ведет к нравственному усовершенствованию воюющих сторон, поскольку, якобы, количество жертв войны уменьшается [1, с. 74].

Христианство, в сущности, устраняет войну, однако на практике эта религия внутренне не усвоена большинством населения. Кроме того, сохраняется религиозное противостояние Европы и Азии, которое в истории сопровождалось постоянными войнами, а в перспективе может привести к мировой войне. В. С. Соловьев практически предсказал неизбежность Первой мировой войны. В этой связи он ставит вопрос о субъективно-моральном отношении к войне. С его точки зрения, жертвы на войне нельзя отождествлять с личным убийством. Нравственная обязанность человека заключается в защите своего отечества.

Заключение

Глобализационный проект В. С. Соловьева состоит в нравственной организации человечества в целом. Но для этого необходимо совершенствование человека. Субъектом такого улучшения является как отдельный человек, так и человек собирательный. Последний существует в трех естественных состояниях: семья, отечество и человечество. Им соответствуют три исторические ступени: родовая, народно-политическая и духовно-вселенская.

Природная связь в рамках семьи реализуется в единении трех поколений (деды, родители, дети). Она должна перерасти в нравственную связь при помощи семейной религии, брака и воспитания [1, с. 75]. Народно-политическое единство основывается на духовной связи поколений. Нравственная организация народности не растворяет в себе личность и семью, а наполняет их жизненным содержанием в определенной национальной форме, обусловленной языком.

Единство человечества В. С. Соловьев трактует как единство происхождения без устранения национальных особенностей; единство слова без смешения множества языков, единство всемирной истории, без которой нет истории национальной. Вселенская церковь выступает основным носителем нравственности. Духовная сущность государства реализуется в христианском государстве. Тремя высшими формами нравственного служения являются первосвященническое, царское и пророческое. В нынешних российских условиях это не выглядит каким-то анахронизмом. Переплетение политической и религиозной власти возрождает хорошо известную форму идеологии, а «пророческая» мощь искусственного интеллекта задает горизонты возможной глобализации.

Применительно к современной ситуации в мире философско-правовое и нравственное учение В. С. Соловьева выглядит достаточно актуальным. Оно вносит свои коррективы в такие теории глобализма, как, например, «общество риска» У. Бека [17] и «информационная эпоха» М. Кастельса [18]. В. С. Соловьеву удалось вскрыть глубинные механизмы развития не только российской цивилизации, но и всего человечества в целом.

Список литературы

1. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца, Н. А. Кормина. М. : Мысль, 1988. 892 с.

2. Гегель Г. В. Ф. Философия права / авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М. : Мысль, 1990. 524 с.

3. Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб. : Бр. Башмаковы, 1907. 588 с.

4. Коркунов Н. М. История философии права. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1915. 502 с.

5. Чичерин Б. Н. Философия права. М. : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнирев и К°, 1900. 337 с.

6. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 607 с.
7. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. М. : URSS, 2010. 345 с. EDN: QRYCSH
8. Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции : сб. ст. М., 1909. С. 97–126.
9. Фихте И. Г. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / сост. и примеч. В. Волжского. СПб. : Мифрил, 1993. 686 с.
10. Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма / пер. и коммент. И. Я. Колубовского ; ред. и вступ. ст. П. Л. Кучерова. М. : Соцэкгиз, 1936. 455 с.
11. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М. : Наука, 2000. 495 с.
12. Геращенко И. Г. Экономика образования постмодерна: парадоксы модернизации // Экономика образования. 2017. № 1 (98). С. 4–14. EDN: XRQATT
13. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца [и др.]. М. : Мысль, 1988. 822 с.
14. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М. : Эксмо, 2008. 750 с. EDN: PEWVJU
15. Геращенко И. Г., Геращенко А. И. Формы глобализма: история и современность // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 1 (41). С. 102–110. doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-11 EDN: DYOYPK
16. Новгородцев П. И. Сочинения / сост., авт. вступ. ст. и примеч. М. А. Колеров, Н. С. Плотников. М. : Раритет, 1995. 446 с.
17. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну : монография. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. EDN: RAYTKJ
18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

References

1. Solov'ev V.S. *Sochineniya v 2 t. T. 1. sost., obshch. red. i vstup. st. A.F. Loseva, A.V. Gulygi; prim. S.L. Kravtsa, N.A. Kormina = Works in 2 volumes. Volume 1. compiled, edited and introduced by A.F. Losev, A.V. Gulyga; notes by S.L. Kravets, N.A. Kortin*. Moscow: Mysl', 1988:892. (In Russ.)
2. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava. Avt. vstup. st. i primech. V.S. Nersesyants = Philosophy of Law. Introduction and notes by V.S. Nersesyants*. Moscow: Mysl', 1990:524. (In Russ.)
3. Shershenevich G.F. *Istoriya filosofii prava = History of the philosophy of law*. Saint Petersburg: Br. Bashmakovy, 1907:588. (In Russ.)
4. Korkunov N.M. *Istoriya filosofii prava = History of the philosophy of law*. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1915:502. (In Russ.)
5. Chicherin B.N. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnirev i K°, 1900:337. (In Russ.)
6. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva = Philosophy of freedom. The meaning of creativity*. Moscow: Pravda, 1989:607. (In Russ.)
7. Novgorodtsev P.I. *Lektsii po istorii filosofii prava = Lectures on the history of philosophy of law*. Moscow: URSS, 2010:345. (In Russ.)
8. Kistyakovskiy B.A. In defense of law (Intelligentsia and legal awareness). *Vekhi. Sbornik statey o russkoy intelligentsii: sb. st. = Milestones. Collection of articles on the Russian intelligentsia: Collection of articles.* Moscow, 1909:97–126. (In Russ.)
9. Fikhte I.G. *Sochineniya v dvukh tomakh. T. 1. Sost. i primech. V. Volzhskogo = Works in two volumes. Vol. 1. Compiled and commented by V. Volzhsky*. Saint Petersburg: Mifril, 1993:686. (In Russ.)
10. Shelling F.V.Y. *Sistema transtsendental'nogo idealizma. Per. i komment. I.Ya. Kolubovskogo; red. i vstup. st. P.L. Kucherova = The system of transcendental idealism. Translated and commented by I.Ya. Kolubovsky; edited and introduced by P. L. Kucherov*. Moscow: Sotsekgiz. 1936:455. (In Russ.)
11. Gegel' G.V.F. *Fenomenologiya dukha = Phenomenology of spirit*. Moscow: Nauka, 2000:495. (In Russ.)
12. Gerashchenko I.G. The economy of postmodern education: paradoxes of modernization. *Ekonomika obrazovaniya = Education economy*. 2017;(1):4–14. (In Russ.)
13. Solov'ev V.S. *Sochineniya v 2 t. T. 2. Obshch. red. i sost. A.F. Loseva i A.V. Gulygi; primech. S.L. Kravtsa [i dr.] = Works in 2 volumes. Volume 2. Edited and compiled by A.F. Losev, A.V. Gulyga; notes by S.L. Kravets [et al.]*. Moscow: Mysl', 1988:822. (In Russ.)

14. Fedorov N.F. *Filosofiya obshchego dela = Philosophy of the common cause*. Moscow: Eksmo, 2008:750. (In Russ.)

15. Gerashchenko I.G., Gerashchenko A.I. Forms of globalism: history and modernity. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2023;11(1):102–110. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-11

16. Novgorodtsev P.I. *Sochineniya. Sost., avt. vstup. st. i primech. M.A. Kolerov, N.S. Plotnikov = Works. Compiled, introduced and commented by M.A. Kolerov, N.S. Plotnikov*. Moscow: Raritet, 1995:446. (In Russ.)

17. Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu: monografiya = Society of risk. Towards another modernity: monograph*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000:384. (In Russ.)

18. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. Per. s angl. pod nauch. red. O.I. Shkaratana = Information age: economy, society and culture. Translated from English under scientific editorship of O.I. Shkaratan*. Moscow: GU VShE, 2000:606. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

И. Г. Геращенко – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии, общей и юридической психологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8796-9137

Н. В. Геращенко – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и коммуникативных дисциплин, Волгоградская государственная академия физической культуры, 400005, г. Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 78. ORCID: https://orcid.org/0009-0007-9302-1538

I.G. Gerashchenko – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8 Gagarin street, Volgograd, 400066. ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8796-9137

N.V. Gerashchenko – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Communicative Disciplines, Volgograd State Physical Education Academy, 78 Lenin Avenue, Volgograd, 400005. ORCID: https://orcid.org/0009-0007-9302-1538

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 25.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.04.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1(091)
EDN: PIHGYF
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-12

РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Оксана Сергеевна Исаева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

okcana_isaeva@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Обращение к религии и нравственным константам в управлении государственным образованием является одной из характерных тенденций развития современной России и имеет глубокие корни в русской философской мысли. Одним из течений, обосновавшим и проводящим в своей философии религиозно-нравственные принципы, является оформившееся в русском зарубежье в 1920-е гг. классическое евразийство. Представители этого философского направления проводили мысль о том, что религия и нравственность должны неизменно пронизывать все сферы человеческого общежития, выступая основой поведения каждой личности. Целью данного исследования является выделение религиозных и нравственных оснований евразийской философии и их конкретных проявлений в различных сферах социальной реальности. *Материалы и методы*. Достижение цели настоящего исследования предполагает изучение трудов участников классического евразийства, а также статей современных авторов, обратившихся к анализу их философского учения. В процессе работы использовались принципы целостности, системности и структурности. Методология данного исследования включает в себя метод исторической реконструкции, а также конкретно-исторический метод. *Результаты*. Проведен анализ метафизического учения о симфонической личности Л. П. Карсавина с позиции обоснования в нем религиозных и нравственных основ поведения человека в философии евразийцев. С позиции проведения заложенного в концепции Л. П. Карсавина принципа соборности рассмотрены учение Н. Н. Алексеева о гарантийном идеократическом государстве, взгляды Н. С. Трубецкого на содержание идеи-правительницы, хозяйственно-экономическое учение П. Н. Савицкого. *Выводы*. Проводимые классическими евразийцами религиозные и нравственные начала в общественно-государственной жизни выступают в их учении основой единства России-Евразии, а в современном мире могут служить ориентирами для стабилизации системы ценностей в России и обеспечения духовного единства граждан.

Ключевые слова: классическое евразийство, неоевразийство, соборность, Россия-Евразия, месторазвитие, идея-правительница, Православное христианство, социальное служение

Для цитирования: Исаева О. С. Религиозно-нравственные основания социально-философского учения классических евразийцев // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 122–131. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-12 EDN: PIHGYF

© Исаева О. С., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

RELIGIOUS AND MORAL FOUNDATIONS OF THE SOCIO-PHILOSOPHICAL TEACHING OF CLASSICAL EURASIANS

Oksana S. Isaeva

Penza State University, Penza, Russia
okcana_isaeva@mail.ru

Abstract. *Background*. The appeal to religion and moral constants in the management of public education is one of the characteristic trends in the development of modern Russia and has deep roots in Russian philosophical thought. One of the branches that established and implemented religious and moral principles in their philosophy is classical Eurasianism, which took shape in Russian philosophy abroad in the 1920s. Representatives of this philosophical branch held the idea that religion and morality should invariably permeate all spheres of human society, acting as the basis for the behaviour of each personality. The purpose of this article is to analyze the religious and moral foundations of Eurasian philosophy and their specific manifestations in various spheres of social reality. *Materials and methods*. Achieving the purpose of this study involves studying the works of participants in classical Eurasianism, as well as articles by modern authors who have turned to the analysis of the philosophical teachings of classical Eurasians. In the course of the work, the author used the principles of integrity, consistency and structure. The methodology of this research includes the method of historical reconstruction, the concrete historical method. *Results*. The article analyzes the metaphysical doctrine of L.P. Karsavin symphonic personality from the perspective of substantiating in it the religious and moral foundations of human behavior in the philosophy of Eurasians. From the position of carrying out the principle of conciliarity embedded in L.P. Karsavin's concept, N.N. Alekseev's doctrine of a guaranteed ideocratic state, N.S. Trubetskoy's views on the content of the idea of a ruler, and P.N. Savitsky's economic doctrine are considered. *Conclusions.* The author came to the conclusion that the religious and moral principles pursued by classical Eurasians in public and state life are the basis of the unity of Russia-Eurasia in their teaching. In the modern world, they can serve as guidelines for stabilizing the value system in Russia and ensuring the spiritual unity of citizens.

Keywords: classical Eurasianism, Neo-Eurasianism, sobornost, Russia-Eurasia, developmental place, ruling-idea, Orthodox Christianity, social service

For citation: Isaeva O.S. Religious and moral foundations of the socio-philosophical teaching of classical Eurasians. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):122–131. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-12

Классическое евразийство 1920–1930-х гг. впервые заявило о своем существовании изданием в 1921 г. в Софии сборника совместных работ талантливых молодых ученых: П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, П. П. Сувчинского и Г. В. Флоровского. Но началом возникновения этого «идейного пореволюционного течения», философского направления, как подчеркивают многие современные исследователи, считается все же 1920 г., когда была опубликована книга кн. Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» [1, с. 162; 2, с. 208]. За время существования классического евразийства в разное время к нему имели отношение и являлись его участниками такие мыслители, как Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Л. П. Карсавин, В. Н. Ильин, В. П. Никитин, Д. П. Святополк-Мирский и многие другие. Вследствие того, что евразийство объединило мыслителей, имевших самые разные научные интересы, их

© Isaeva O.S., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

многогранное учение в целом представило собой своеобразный и оригинальный теоретический синтез наук, евразийское «россиеведение», единую «картину-систему», как писал П. Н. Савицкий [3, с. 57]. Синтетический образ России-Евразии, который сформировали классические евразийцы, включает в себя освещение всех сторон жизнедеятельности Российского государства [4]. Евразийскими мыслителями был создан социальный проект будущего общественно-государственного устройства России, в котором такие разные порой в своих воззрениях люди объединились в попытке обосновать уникальность, единство и целостность России как Российско-Евразийского мира, мира, особого во всех отношениях [5].

Затронутые евразийцами вопросы об организации российского общества и государства, о своеобразии России, ее судьбе и дальнейшем пути развития вызвали неподдельный интерес в начале XX столетия, но реакция на взгляды классических евразийцев была неоднозначной. О евразийстве спорили, воззрения его представителей критиковали или поддерживали. Нужно отметить, что мало кто оставался равнодушным к высказанным евразийскими мыслителями суждениям. Но и после того, как евразийское движение фактически прекратило свое существование, у евразийцев нашлись последователи. Уже во второй половине XX в. появляется учение Л. Н. Гумилева, названного «последним евразийцем» [6]. Далее возникают многочисленные неоевразийские концепции, подтверждающие, что внимание к евразийским идеям не иссякло [7–9]. Заложенные классическими евразийцами основания государственного и общественного устройства будут, по нашему мнению, находиться в центре внимания исследователей всякий раз, когда России вновь нужно будет утвердить и четко обозначить духовно-нравственные принципы жизни и поведения людей. В настоящей статье мы обратимся к рассмотрению религиозных и нравственных оснований в философии классического евразийства и их проявлений в социальном проекте евразийцев в качестве системообразующих и основополагающих элементов в различных сферах государственного общежития и жизнедеятельности каждого человека.

В учении классических евразийцев Россия – это Россия-Евразия, третий срединный материк, особенное месторазвитие. П. Н. Савицкий писал, что евразийцы дали «новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или евразийским» [10, с. 76]. Один из участников классического евразийства Г. В. Вернадский определял месторазвитие человеческих обществ как «определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде» [11, с. 10]. Он отмечал, что усилиями русского народа и была создана Евразия – новая цельная и единая в культурном и хозяйственном смысле страна света. Ход исторического развития русского народа, конечно, был во многом предопределен географическими особенностями Евразии, но по большей степени сам народ создал свое месторазвитие [11, с. 12]. Россия-Евразия, по мнению евразийцев, является особым миром, географическим и историческим. Это не просто совокупность Азии и Европы, но именно срединный материк, не Европа и не Азия, но Евразия, занимающая три низменности-равнины: Западно-Сибирскую, Беломорско-Кавказскую и Туркестанскую. Этот мир обладает своей собственной уникальной культурой – евразийской, представляющей собой синтез культуры русской и византийской, на которую также впоследствии напластовались элементы азиатско-азийской и европейской культур, усилив и утвердив при этом «евразийское» качество русской культуры.

Евразийские мыслители всегда акцентировали внимание на том, что Российско-Евразийский мир является уникальным во всех отношениях, это мир не западный, своеобразный и отличный от стран Европы. Поэтому классические евразийцы восприняли революционные события февраля 1917 г. как долгожданное окончание периода европеизации в нашей стране. Но установившаяся в России коммунистическая власть также не была принята евразийцами и главным образом потому, что евразийство как система мировоззрения и жизни изначально «покоится на религиозной основе»[1]. Православное христианство – вот тот

[1] Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага : Евразийцы, 1932. 29 с.

остов, на который должно опираться евразийское государство труда и общего дела. «Здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом, религией; безрелигиозное общежитие, безрелигиозная государственность должны быть отвергнуты… Евразийцы – православные люди. И Православная Церковь есть тот светильник, который им светит», – утверждает П. Н. Савицкий [10, с. 87, 90]. Наряду с религией евразийские мыслители огромное внимание уделяют нравственному компоненту как основе человеческих взаимоотношений. Религиозно-нравственное начало выступает в философии классических евразийцев основанием их метафизики и созданного ими социального проекта.

Метафизическое обоснование философия евразийцев получила благодаря стараниям Л. П. Карсавина, присоединившегося к евразийскому течению в 1925 г. Его учение о симфонической личности явилось недостающим звеном в цепи философских рассуждений евразийских мыслителей и стало фундаментом для их социального проекта. Определяя личность, евразийские мыслители противопоставляют это понятие, как живое и органическое единство, понятию замкнутого в себе социального атома. Они трактуют личность как всеединство, внутри которого не может существовать механических и причинных взаимосвязей, как «единство множества (ее состояний, проявлений и т.д.), что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют. …Личность – единство множества и множество единства» [12, с. 21]. Классические евразийцы включают в понятие «личность» не только отдельных индивидов, но и различные социальные группы, например, сословия, классы, народы, субъекты культуры, все человечество в целом, называя их соборными или симфоническими (т.е. хоровыми, согласованными) личностями. Согласно евразийским мыслителям, симфонические личности включают в себя в отличие от индивидуальной не множество личностных состояний, стремлений, а множество конкретных индивидуальных личностей (для различных социальных групп, народов) либо множество самих симфонических личностей (для симфонических личностей высшего порядка – человечества, различных народов). Симфонические (соборные) личности вовсе не являются тем пространством, в котором индивидуальные личности существуют, как рыбы в водоеме, но представляют собой самих этих личностей в их единстве. Таким образом, соборная личность по отношению к индивидуальной всегда стоит иерархически выше; среди соборных личностей есть личности разной степени. Но вместе с этим все они являются равноценными, высшая не стесняет свободы низших, никак не ограничивает их, поскольку она есть «не что-то отдельное, вне их сущее, но – само их единство и все они в каждой из них» [13, с. 420]. Л. П. Карсавин указывает, что высшей, совершенной по отношению ко всем другим личностям выступает соборная личность Церкви.

Конкретизируя понятие «соборность» в философии классических евразийцев, отметим, что оно, по их мнению, является одним из самых существенных понятий православия. Соборный означает «"единый по всему и во всем", единый в целом и во всех частях»[1]. Именно такое единство представляет собой соборная Церковь как высшая личность в иерархии личностей, как истинное всеединство, к становлению таким соборным единством и стремится мир и каждая личность в нем.

Л. П. Карсавин утверждает, что единственной религией личности может быть только Христианство. Именно в Христовом учении, по его мнению, находит свое проявление религиозно-нравственный закон или идеал, «который написан в сердце каждого» и выражает понимание Церкви как всеединой личности [12, с. 420]. Этот закон заключается в преодолении собственных эгоистических начал каждой личности посредством осознания своего долга, проникновения смирением ради высшего и целого – личности Бога. Любая личность должна осмыслить себя как свободное осуществление высшей личности, которое одновременно с этим совпадает со свободным самоосуществлением последней. Личность должна понять, что она лишена всего «своего» – все, что есть у нее, все ее качества даны ей Богом, это творческая мысль Бога о ней. Любое признание чего-то своей собственностью равнозначно, утвер-

[1] Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага : Евразийцы, 1932. 29 с.

ждает Л. П. Карсавин, отъединению от Бога, от целого, а значит, гордыне и в конечном счете самоубийству. Личность должна отказаться от эгоистического саморазвития и постичь, что настоящей задачей ее жизни является «саморазвитие в раскрытии высшего и ради раскрытия высшего», выше стоящей в иерархии соборной личности и личности Бога в конечном итоге [13, с. 421]. Но в подобном саморазвитии, согласно Л. П. Карсавину, заключается уже не просто преодоление гордыни, а жертва, жертва своим греховным я, своими самоуединением и самососредоточением. Только путем самопожертвования личность может утвердить истинную мысль Бога о ней и истинную себя. Церковь же выступает здесь в качестве поводыря, который способствует свободному раскрытию данного человеку Богом таланта и посредством силы Христовой Любви делает личность членом соборного единства. Таким образом, согласно Л. П. Карсавину, именно любовь, жертвенная любовь к Богу и людям, является условием единства личности с Богом, с Церковью. Осуществление высшего соборного целого является смыслом всей жизни личности. В обществе каждый конкретный человек может стать личностью, только преодолевая себя, свое «эгоистически-личное бытие», теряя свою душу и отдавая ее другим. «Только через общение с другими людьми, т.е. чрез самоотдачу, без которой такое общение невозможно, достигается личное многообразие и личное единство индивидуума» [14, с. 182]. Иными словами, идея соборности, органического соборного единства должна, согласно евразийцам, проявляться в обществе и государстве, в действительной жизни каждого конкретного человека через осуществление религиозно-нравственного принципа, когда каждая личность в идеале должна стремиться развивать себя, при этом жертвуя собой, отдавая себя всю ради раскрытия высшей симфонической личности, ради блага государственного соборного целого. Обоснование идей жертвенности, служения, самоотдачи в религиозном контексте обнаруживается в текстах многих классических евразийцев, в их социальном проекте они выступают основой во взаимоотношениях людей и государства.

Н. Н. Алексеев, ведущий правовед евразийского течения, закладывает идею социального всеобщего служения в основу проектируемого евразийцами государственного строя. Мыслитель полагает, что государство должно быть «гарантийным», т.е. обеспечивающим осуществление определенных постоянных положительных целей, социальных принципов. Гарантийное государство является, согласно Н. Н. Алексееву, государством, которое построено на «внешней правде», в его основе находятся не «исповедание», а «общественное признание». Это правовое государство, где права «гарантированы обязанностями государственного целого» [15, с. 374]. Обязанность в гарантийном государстве превращается в правообязанность, когда правительство («ведущий слой» или «ведущий отбор» в евразийской философии) не является односторонне управомоченным, а подчиненные – односторонне обязанными, в таком государстве «правообязаны все – и властвующие и подчиненные» [15, с. 167–168]. Философ указывает, что право является такой областью духовно-нравственной жизни, где каждый человек именно «свободно может» и не принужден к чему-то насильственно. И когда свободная возможность поступить определенным способом внутренне соединяется с чувством долга, право и превращается в правообязанность. Не существует, по Н. Н. Алексееву, всеобщего «права на управление», но есть всеобщая обязанность каждого человека принимать участие в государственных делах – это обязанность социального служения. Н. Н. Алексеев, таким образом, приходит к выводу, что в конечном итоге проблема социальных гарантий в государстве преимущественно является нравственным вопросом. В особенности это касается деятельности верховных органов власти, которых никто не может принудить к определенным действиям, а заставить самих себя возможно, подчеркивает мыслитель, только нравственно и духовно, что и составляет сущность последних гарантий государства как властного и принудительного объединения [15, с. 605].

«Ведущий слой» в гарантийном государстве всегда должен идти по линии общественного служения, которое является основной его миссией. Н. Н. Алексеев отмечает, что понятие служения не связано на самом деле со служением общей пользе, но оно исходит из того, что государство служит высшим ценностям и идеалам, высоким нравственным целям. Служить

же должно и можно лишь только исходя их глубоких духовных эмоций, из чувства долга, из любви. Само государство является, согласно Н. Н. Алексееву, более нравственным явлением, чем правовым. И ведущий слой должен править, основываясь на морали, а не на насилии. Ведущий слой, являясь частью государства как культурного целого, должен находиться вне аппарата государственного принуждения, быть выше него, поскольку государственное служение не должно превращаться в род заработка. Ведущий слой должен быть чем-то вроде духовного ордена, в сознании которого сосредоточен народный дух. Его единство должно быть обусловлено единством духовной жизни, единством духовных устремлений и убеждений. Он должен представлять собой «идеократический отбор», обладать единым миросозерцанием. Но в совершенном государстве, подчеркивает Н. Н. Алексеев, следует говорить даже не об идеократическом, но об эйдократическом отборе, понимая под эйдосом не идею, но «необходимый, цельный, созерцательно и умственно осязаемый смысловой лик мира» [15, с. 592]. Мысль Н. Н. Алексеева заключается в том, что ведущий отбор должен не просто владеть знанием высшего «эйдоса», но быть буквально одержимым им. Ему необходимо постичь высшую религиозно-философскую истину, которой он должен служить. Таким образом, основами гарантийного идеократического государства, по Н. Н. Алексееву, выступает морально-нравственная константа, а религиозный компонент сосредоточен в «эйдосе», задающем вектор развития всего общественного и государственного целого. В таком государстве все старания граждан в конечном итоге должны быть направлены на осуществление «общего дела», где люди, обладая правообязанностями, готовы всегда следовать своему чувству долга, помня о благе целого. Взаимоотношения между личностями, а также между гражданами и властью строятся исходя из морально-нравственных ориентиров.

Н. С. Трубецкой также обосновывает идеалы совершенного государства с позиции нравственности. Мыслитель утверждает, что главными для характеристики государственного образования являются именно типы отбора правящего слоя, а вовсе не типы формы правления. Также как и Н. Н. Алексеев, Н. С. Трубецкой полагает, что правящий слой должен быть прежде всего объединен общим миросозерцанием, которое в евразийской идеократии выступает основным, первичным признаком отбора правящего слоя [16, с. 487]. Эту мысль философ проводит в своей работе 1927 г. «О государственном строе и форме правления». Позже, в 1935 г., в статье «Об идее-правительнице евразийского государства» Н. С. Трубецкой отмечает, что ведущий слой должен формироваться исходя из признака преданности одной идее – единой идее-правительнице. Он ставит вопрос о том, каким же должно быть содержание данной идеи. По мнению философа, идея-правительница должна быть такой, чтобы правящий слой, который должен обладать моральным престижем в глазах своих сограждан, был готов всегда ради нее пожертвовать собой, и эта жертва была бы расценена другими «как морально ценный поступок» [17, с. 439]. Идея-правительница не должна быть эгоистичной или своекорыстной. Человек может определять жертву как морально ценную только в том случае, если это жертва ради общего дела, ради блага целого, но не его отдельной части. Жертва даже ради своей семьи, друзей или другой биологической или социальной группы, считает мыслитель, бессмысленна либо «животно низменна». Ни класс, ни народ, ни все человечество, таким образом, не могут выступать в качестве такого целого. Н. С. Трубецкой приходит к выводу, что им может быть лишь «особый мир», автаркическое, хозяйственно самодовлеющее месторазвитие, которое населяет совокупность народов, связанных «общностью исторической судьбы», созданием государства или своей уникальной культуры [17, с. 441].

В социально-экономической сфере П. Н. Савицкий проводит обоснование евразийской философии хозяйства, также опираясь на религиозно-нравственную константу. Мыслитель полагает, что в отношении к хозяйству всегда должно превалировать начало «идеологически-нравственно-религиозное» над началом экономическим [10, с. 85]. Это означает, что подход ко всем экономическим вопросам должен быть проникнут религией и нравственностью. Озвученные положения составляют основу философии «подчиненной экономики», которая, как отмечает П. Н. Савицкий, характеризует позицию древних законодателей и в течение многих веков определяла их экономические отношения. Такой подход мыслитель противопо-

ставляет «воинствующему экономизму», выдвинувшемуся на первый план в западноевропейских странах под влиянием идей Нового времени в результате произошедшего там огромного экономического подъема. Европа, согласно П. Н. Савицкому, отринула древнюю мудрость нравственного завета, заплатив за свои успехи в научной и технической среде «религиозным оскудением» [7, с. 85].

В созданной П. Н. Савицким системе «хозяйнодержавия» противопоставляется евразийская трактовка понятия «хозяин» разработанному старой школой европейской политической экономии определению «экономический человек». «Человек экономический», в роли которого выступает, как правило, предприниматель, в своих действиях всегда руководствуется «экономическим принципом», обращенным лишь к эгоистическим потребностям человека. «Экономический эгоизм», понимаемый как постоянное стремление к получению наибольшей прибыли, – вот тот принцип, который характеризует систему понятий, куда помещены «экономический человек» и «экономический принцип» [12, с. 263]. Хозяйственно-экономическую сферу должны, по мнению евразийских мыслителей, наполнять не только проявления экономического эгоизма, но и другие мотивы. Настоящий хозяин – это «добрый хозяин», обладающий «хозяйской волей» и «хозяйским глазом». Он должен быть тем, в ком сосредоточены не только и не столько экономические побуждения получения наибольшего дохода, сколько стремление к благополучию, сохранению, укреплению и расширению своего хозяйства, которое он воспринимает как «живое и ощутимое целое», как «одухотворенную систему людей и вещей» [12, с. 219]. «Добрый хозяин» увеличивает крепость своего хозяйства, проявляя свое «хозяйское отношение» к людям, принадлежащим к нему. Он стремится обеспечить их материальное благополучие, несмотря ни на что, зачастую жертвуя ради этого своими собственными средствами. «Добрый хозяин» всегда готов отдать свое, чтобы сохранить понастоящему преданных его хозяйству людей, поскольку и наивысший доход, как отмечает П. Н. Савицкий, напрямую зависит от наличия таких людских кадров. Но «добрый хозяин» не ограничивается только рациональной стороной организации хозяйства и материальным обеспечением людей. Его волнует и внематериальная сторона. Он выстраивает свои взаимоотношения с людьми, работающими в его хозяйстве прежде всего исходя из иррациональных установок, на основе взаимопонимания, заботы и помощи. В рамках этих отношений работник рассматривается не как бездушный механизм, приносящий деньги, а в качестве равноценной личности, имеющей свои собственные чувства, потребности и желания. «Добрый хозяин» не только рассматривает своего работника и его труд как относительную ценность, но и возводит их в ранг абсолютных ценностей, поскольку, с одной стороны, труд рабочего оплачивается и имеет цену, а с другой – каждый работник является личностью, т.е. должен быть ценим с позиции абсолютных ценностей. Таким образом, П. Н. Савицкий полагает, что отношения между истинным хозяином и его служащими должны быть построены на любви, человеколюбии, взаимоуважении, чувстве долга хозяина перед своими работниками и ответственности за них [12, с. 221]. П. Н. Савицкий вводит в свою философию хозяйства понятие «хозяйское ценение труда» как основополагающий принцип, подразумевая, что именно посредством него в сферу экономики как область чистых относительных ценностей проникают ценности абсолютные. По его мнению, «по-хозяйски» можно и нужно относиться не только к людям, но и к различным вещам либо к животным, составляющим духовное единство хозяйства. Получается, что через принцип «хозяйского ценения хозяйства» в хозяйственно-экономической сфере проявляется принцип соборности: через служение хозяином своему хозяйству, через жертвование им своими собственными ресурсами ради блага и поддержания всего хозяйственного целого.

Нужно также отметить, что «хозяйское ценение хозяйства» имеет, согласно П. Н. Савицкому, религиозные корни и религиозно-нравственное обоснование. «Добрый хозяин», как считает мыслитель, выступает неким проводником между хозяйственной и религиозной сферами. Он олицетворяет собой личностное начало и таким образом обеспечивает проведение религиозно-нравственных принципов в сферу хозяйствования. Одновременно с этим религиозные

и религиозно-нравственные принципы наполняют саму личность хозяина, делая его «добрым хозяином» и поддерживая тем самым его «хозяйственно-экономический успех» [12, с. 232].

Система «хозяйнодержавия», как полагали евразийские мыслители, должна не только проводить в жизнь личностное начало в лице «доброго хозяина», но и учитывать, что в определенных областях, где необходимо «охранение» и не нужно развитие, будет полезнее отдать приоритет «хозяину-обществу». Классические евразийцы полагают, что ни социализм, где отрицается хозяйствующая личность, обладающая «хозяйским ценением», ни капитализм, утверждающий эгоистический экономический принцип в деятельности предпринимателя и также отрицающий «хозяйское ценение хозяйства», не соответствуют в полной мере их представлениям о сфере хозяйствования, поскольку они не утверждают живую, конкретную личность в хозяйстве [12, с. 242]. П. Н. Савицкий акцентирует внимание на том, что принципам капиталистическим и социалистическим следует противопоставить хозяйные принципы. Ни капиталистический, ни социалистический строй не определяют связь хозяйствующей личности с Богом, в них она всегда выступает как личность безбожная, как атомистическое начало. Хозяйнодержавие же представляет собой систему, где утверждается личность «богоисповедная», а значит связанная с Богом, соборная личность. Вся система хозяйнодержавия есть проявление религиозного принципа соборности: в ней утверждается хозяйствующая личность, которая раскрывает общественное начало. Над личностью «доброго хозяина» стоит «хозяин-общество», но его влияние не ограничивает действий хозяина-личности; наоборот, и хозяин-личность, и хозяин-общество, обладая каждый в своей мере «хозяйским ценением», вместе стремятся к осуществлению общего соборного дела.

Таким образом, и в евразийской философии хозяйства, и в философии права можно проследить подчинение и хозяйства, и права нравственности и религии. Согласно евразийским мыслителям, мир экономических и политических действий и мир религиозно-философских ценностей должны находиться в некотором установленном равновесии, но всегда в сферах права и экономики должны главенствовать религиозно-нравственные принципы.

Подводя итоги, нужно отметить, что классическое евразийство стало одним из философских течений, чьи участники обосновали в своих учениях мысль о том, что Россия всегда была и должна оставаться сильным и единым государственным образованием, что предопределено географическими и историческими ее особенностями. Основу же существования России как единого целостного образования должны составлять религиозно-нравственные принципы. Заложенный в метафизическом учении Л. П. Карсавина о симфонической личности принцип соборности является в философии классических евразийцев обоснованием религиозных и нравственных начал в поведении индивидуальной личности. Идеи служения, жертвенности, подавления собственного эгоизма во благо государства как соборного целого, как особой симфонической личности являются неотъемлемыми константами поведения каждого конкретного человека как органической части этого целого. Конечно, в своем первозданном виде эти взгляды утопичны. В особенности мысль о том, что под эгидой православия должны, по мнению евразийцев, объединиться и все нерусские народы. Но все же в концепции классических евразийцев есть определенное «жизненное ядро», которое, на наш взгляд, позволит оставаться их учению актуальным и в дальнейшем. Обращение к нравственности, чувству долга, чести и совести каждой конкретной личности, наложение на властные органы обязанности служить своему государству и народу, проведение в сфере экономики принципа «хозяйского ценения», попытка евразийцев показать, что порой благо общественного и государственного целого, бескорыстная забота не о себе, а о других людях – принципы, которые обосновывали в своей философии евразийские мыслители, и те постулаты, на которые должно опираться истинно великое и процветающее государство в современном мире. Именно такие установки должны лежать в основе духовно-нравственного единства российских граждан.

Список литературы

1. Маслин М. А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 4. С. 161–178. doi: 10.21146/2072-0726-2019-12-4-161-178 EDN: UKSVAW
2. Вахитов Р. Р. Два чуда при рождении мифа евразийства // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 206–215. doi: 10.47132/1814-5574_2021_2_206 EDN: AXGOMC
3. Логовиков П. В. Научные задачи евразийства // Утверждение евразийцев. Кн. 7: Тридцатые годы : сб. ст. Париж : Изд-во евразийцев, 1931. С. 53–64.
4. Вахитов Р. Р. Синтетический образ России-Евразии // Мир России. 2019. Т. 28, № 4. С. 193–200. doi: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200 EDN: HUYBCR
5. Исаева О. С. Обоснование целостности и единства Российско-Евразийского мира в социальном проекте классического евразийства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 109–20. EDN: SIRQPP
6. Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3. С. 19–26
7. Isaeva O. S. Classical Eurasianism Variations During the Second Half of the 20th and Early-21st Centuries // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. Vol. 25, n° Extra 10. P. 354–367. doi: 10.5281/zenodo.4155672 EDN: HZDDZS
8. Исаева О. С. Роль православия в судьбе России в философии классических евразийцев и неоевразийца А. С. Панарина // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 4 (48). С. 118–127. doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-4-11 EDN: PXTZMX
9. Исаева О. С. Образ России в философии классических евразийцев и неоевразийском учении А. Г. Дугина // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 4 (44). С. 99–109. doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-10 EDN: NXBGJT
10. Савицкий П. Н. Евразийство // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли : сб. тр. евразийцев. М. : Беловодье, 1997. С. 76–94.
11. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М. : Алгоритм, 2008. 331 с.
12. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 461 с.
13. Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб. : Алетейя, 1994. 532 с. EDN: TJMLXP
14. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология : сб. ст. / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М. : Наука, 1993. С. 174–217.
15. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М. : Аграф, 1998. 635 с.
16. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М. : Эксмо, 2007. 554 с. EDN: QPFIMN
17. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / сост. В. М. Живов ; вступ. ст. Н. И. Толстого, Л. Н. Гумилева. М. : Прогресс, 1995. 797с. EDN: TATCVD

References

1. Maslin M.A. At the origin of Eurasianism. To the 100th anniversary of the publication of Prince Nikolai Trubetskoy's book "Europe and Humanity". *Filosofskiy zhurnal = Philosophical journal*. 2019;12(4): 161–178. (In Russ.). doi: 10.21146/2072-0726-2019-12-4-161-178
2. Vakhitov R.R. Two miracles at the birth of the myth of Eurasianism. *Khristianskoe chtenie = Christian reading*. 2021;(2):206–215. (In Russ.). doi: 10.47132/1814-5574_2021_2_206
3. Logovikov P.V. Scientific tasks of Eurasianism. *Utverzhdenie evraziytsev. Kn. 7.: Tridtsatye gody: sb. st. = The assertion of the Eurasians. Book 7: The Thirties: a collection of articles*. Parizh: Izd-vo evraziytsev, 1931:53–64. (In Russ.)
4. Vakhitov R.R. Synthetic image of Russia-Eurasia. *Mir Rossii = The world of Russia*. 2019;28(4): 193–200. (In Russ.). doi: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-193-200
5. Isaeva O.S. Justification of the integrity and unity of the Russian-Eurasian world in the social project of classical Eurasianism. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2014;(1):109–20. (In Russ.)
6. Gumilev L.N. Notes of the Last Eurasian. *Nashe nasledie = Our heritage*. 1991;(3):19–26. (In Russ.)
7. Isaeva O.S. Classical Eurasianism Variations During the Second Half of the 20th and Early-21st Centuries. *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 2020;25(Extra10):354–367. doi: 10.5281/zenodo.4155672
8. Isaeva O.S. The Role of Orthodoxy in the fate of Russia in the philosophy of classical Eurasianists and neo-Eurasianist A.S. Panarin. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2024;12(4): 118–127. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2024-12-4-11

9. Isaeva O.S. The image of Russia in the philosophy of classical Eurasianists and the neo-Eurasian teaching of A.G. Dugin. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2023;11(4):99–109. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2023-11-4-10

10. Savitskiy P.N. Eurasianism. *Russkiy uzel evraziystva. Vostok v russkoy mysli: sb. tr. Evraziytsev = Russian knot of Eurasianism. The east in Russian thought: collected works of Eurasians*. Moscow: Belovod'e, 1997:76–94. (In Russ.)

11. Vernadskiy G.V. *Nachertanie russkoy istorii = Outline of Russian history*. Moscow: Algoritm, 2008:331. (In Russ.)

12. Savitskiy P.N. *Kontinent Evraziya = Continent of Eurasia*. Moscow: Agraf, 1997:461. (In Russ.)

13. Karsavin L.P. *Malye sochineniya = Short essays*. Saint Petersburg: Aleteyya, 1994:532. (In Russ.)

14. Karsavin L.P. Fundamentals of politics. *Rossiya mezhdu Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn: Antologiya: sb. st. = Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation: Anthology: collection of articles*. Moscow: Nauka, 1993:174–217. (In Russ.)

15. Alekseev N.N. *Russkiy narod i gosudarstvo = Russian people and state*. Moscow: Agraf, 1998:635. (In Russ.)

16. Trubetskoy N.S. *Nasledie Chingiskhana = The Legacy of Genghis Khan*. Moscow: Eksmo, 2007:554. (In Russ.)

17. Trubetskoy N.S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk = History. Culture. Language*. Moscow: Progress, 1995:797. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

О. С. Исаева – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2771-3049

O.S. Isaeva – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2771-3049

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 11.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.05.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1(091)
EDN: NTKCKU
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-13

ДИХОТОМИЯ СИГНАЛ-СИМВОЛ В ФИЛОСОФИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО А. Ф. ЛОСЕВА

Наталья Геннадьевна Коваленко

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия
nataly6707@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Рассматривается актуальная для исследовательского поля философии культуры проблема соотношения природного и символического в ее исторической ретроспективе. Символ представляется в широком смысле слова как понятие, которое фиксирует способность материальных вещей и событий выражать идеальное содержание, отличное от их непосредственно-телесного бытия, на материале культурфилософских работ Э. Кассирера и А. Ф. Лосева. Выявление общего и особенного в философии символического в европейской и отечественной философской традиции стало основной целью данной работы. Для ее реализации были решены следующие задачи: определена специфика природно-животного и человечески-чувственного в теоретических изысканиях Кассирера; указана необходимость применения таких античных терминов, как «символ», «инобытие», «эйдос», «энергия» и др., в становлении картины символической реальности по философии Лосева. *Материалы и методы*. В исследовании в качестве оригинальной литературы использованы труды Э. Кассирера, Г. Гадамера, В. С. Соловьева, В. В. Зеньковского, А. Ф. Лосева. Методологическую базу исследования составило применение сравнительного культурно-исторического метода, герменевтики в ее философско-исследовательской трактовке. Дополнительная литература применялась в историко-философском ключе. *Результаты*. К основным результатам исследования можно отнести вывод философских изысканий Кассирера о разграничении мира животных и мира людей именно через изучение роли, места и значения знака и символа. Понимание мира человеком идет посредством лингвистических форм, символики мифов и мифотворчества, художественно-эстетических образов. Другими словами, символическое пронизывает все формы и ценности духовной культуры. В философии символического Лосева центральным звеном становится идея универсума, которая отражается во взаимосвязи Первоединого – Эйдоса – Мифа – Символа – Энергии сущности – Личности как интеллигенции. *Выводы*. К основным выводам работы относится положение о том, что в начале XX в. проблема знаково-символического вошла в исследовательское поле философии культуры как в Европе, так и в России. Отечественная философия символического нашла свое отражение в художественном творчестве деятелей культуры Серебряного века (старшие символисты Блок, Мережковский, Гиппиус и др.). Для творческой атмосферы того времени одной из значимых проблем было выяснение роли и значения русской интеллигенции в деле духовного развития России. Сегодня этот вопрос вновь стоит на повестке дня, является насущной задачей философии.

Ключевые слова: сигнал-символ, философия символизма, Кассирер, Лосев, личность, интеллигенция

Для цитирования: Коваленко Н. Г. Дихотомия сигнал-символ в философии символического А. Ф. Лосева // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 132–139. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-13 EDN: NTKCKU

© Коваленко Н. Г., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

SIGNAL-SYMBOL DICHOTOMY IN A.F. LOSEV'S PHILOSOPHY OF SYMBOLISM

Natalya G. Kovalenko

St. Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia
nataly6707@ mail.ru

Abstract. *Background*. The present article deals with the problem of the correlation between the natural and the symbolic in its historical retrospective, which is topical for the research field of philosophy of culture. The symbol is understood in the broad sense of the word as a concept that fixes the ability of material things and events to express an ideal content different from their immediate bodily existence on the material of cultural-philosophical works of E. Cassirer and A.F. Losev. The identification of the common and special in the philosophy of the symbolic in the European and domestic philosophical tradition became the main goal of this work. For its realisation the following tasks were solved: the specificity of the natural-animal and human-sensual in Kassirer's theoretical research was revealed; the necessity of using such ancient terms as ‘symbol’, ‘otherness’, ‘eidos’, ‘energy’, etc. in the formation of the picture of symbolic reality in Losev's philosophy was pointed out. *Materials and methods.* The original literature used in this work includes the works of E. Cassirer, G. Gadamer, V.S. Soloviev, V.V. Zenkovsky, A.F. Losev. The methodological basis of the research was the application of the comparative cultural-historical method, hermeneutics in its philosophical and research interpretation. Additional literature was used in the historical-philosophical key. *Results*. The main results of the study include the conclusion of Cassirer's philosophical research on the distinction between the world of animals and the world of people through the study of the role, place and meaning of the sign and symbol. Human understanding of the world goes through linguistic forms, symbolism of myths and myth-making, artistic and aesthetic images. In other words, the symbolic permeates all forms and values of spiritual culture. In Losev's philosophy of the symbolic, the central link becomes the idea of the universe, which is reflected in the interrelationship of the One – Eidos – Myth – Symbol – Energy of essence – Person as intellectual. *Conclusions*. The main types of work include the position that at the beginning of the twentieth century the problem of the sign-symbolic entered the research field of philosophy of culture both in Europe and in Russia. The domestic philosophy of the symbolic found its reflection in the artistic creativity of the cultural figures of the Silver Age (senior symbolists Blok, Merezhkovsky, Gippius, etc.). For the creative atmosphere of the Silver Age, one of the significant problems was to clarify the role and significance of the Russian intelligentsia in the spiritual development of Russia. Today this question is once again on the agenda, becoming an urgent task of philosophy.

Keywords: signal-symbol, philosophy of symbolism, Cassirer, Losev, personality, intellectuals

For citation: Kovalenko N.G. Signal-symbol dichotomy in A.F. Losev's philosophy of symbolism. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):132–139. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-13

Массовое сознание человека наполнено феноменом сигнал-символизма, представляющего собой так называемое невербальное взаимодействие, поэтому символизм можно отнести к традиционному предмету философии в его гносеологических аспектах [1, с. 58–61]. В сознании каждого человека, например, зеленый свет светофора может выступать в качестве сигнала (показателя) безопасности, эмоциональной стабильности личности при начале движения. В данной ситуации знак позволяет осуществить «чистое указание» [2, с. 403–404]. В философской интерпретации он связан с возможностью объектов материального мира отражать идеальное наполнение, которое отличается от телесного и чувственного бытия. Таким

© Kovalenko N.G., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

образом, символическое становится тождественным знаку. При этом можно сказать, что символическое может считаться и особой культурной закономерностью[1].

Сигнал-символ является родовым понятием или общефилософской категорией [3, с. 351–353]. Как категория сигнал-символ вошел в содержание и составил сущность культурфилософской теории Эрнста Кассирера. Данный исследователь четко разграничивает сигналы и символы, однако проблема понимания сигнал-символического осложняется тем, что в его творчестве отсутствует определенность в терминах.

Как полагает Кассирер, сигналы и символы относятся к различным категориям:

– сигнал представляет собой структурный элемент физического бытия человека;

– символ – это часть мира значений, трактовок, понимания. Иными словами, сигналы можно считать операторами, а символы – десигнаторами (договорными параметрами) [4, с. 477].

Разграничение сигналов и символов, по Кассиреру, связано с тем, что сигналы являются составными частями физического бытия человека, а символы – это элементы его сознания. Первые, даже когда они понимаются и используются только как сигналы, обладают физическим или субстанциональным бытием; символы имеют только функциональную значимость. Знаки, или сигналы, относятся к вещам, которые они обозначают уникальным и жестко закрепленным способом; человеческий символ, в свою очередь, не жесток и не статичен, он подвижен, поскольку одна и та же мысль может быть выражена с помощью совершенно разных терминов, различных слов. Здесь получает отражение наиболее значимая составляющая философской герменевтики, она заключается в понимании значения слов. Это особо важно при осуществлении переводов [5, с. 3–5]. Через изучение знака и символа Кассирер разграничивает мир животных и мир людей.

Как полагает немецкий культурфилософ, человек приспосабливается к окружающему миру через систему символов. У людей в отличие от природного мира имеется иное измерение действительности, в котором присутствуют такие элементы, как миф, язык, религия, научная деятельность, каждый из которых может считаться составной частью духовной сферы, особой формой духовной культуры. Как отмечает Кассирер, человек является символическим животным, он осознает и понимает мир через следующие элементы: лингвистические формы, символы мифов, художественные образы. Анализ этих структурных элементов постижения мира, и в первую очередь роли и значения слова, составляет содержательную сторону культурфилософской теории идеал-реалистического символизма такого выдающегося деятеля русской культуры Серебряного века, как А. Ф. Лосев. По этому поводу историк русской философии Н. О. Лосский писал: «Согласно Лосеву, слово есть внешняя видимость эйдоса вещи, возникающая с диалектической необходимостью в процессе эволюции бытия, которое приходит к бытию для себя, т.е. самосознанию. Каждая сущность как определенное бытие, отличающееся от своего "инобытия"… включает следующих три аспекта: 1) генологический аспект, или аспект единства…; 2) эйдетический аспект, или аспект формы как проявление смысла…; 3) генетический аспект, или алогическое становление. Мировоззрение, которое исходит из его апофатической сущности, есть символизм. Раскрытый эйдос сущности есть символ» [6, с. 375]. Другими словами, символ как сущность вещи (явления) глубже и может быть выражен с помощью слова или рефлексии в большей степени, чем знак или сигнал как субстанциональное бытие.

Человек, по Кассиреру, обращается не к вещам, а к непосредственным представлениям о них, что может считаться единственно возможным существованием для человеческой личности. Указывая на отличие мира человека от мира животных, мыслитель при этом говорит о том, что эти миры находятся между собой во взаимодействии, именно при переходе между ними материализованный сигнал и становится идеальным символом.

По мнению немецкого исследователя, у животных имеется практическое воображение и элементы рефлекторного сознания, а человеку присущи интеллект и символическое воображение. Таким образом, Кассирер доказывает то, что наиболее значимым отличием человека

[1] Новейший философский словарь. Минск : Книжный Дом, 2003. 1280 с.

от животного является развитое воображение, т.е. способность людей формировать образы того, что в настоящее время отсутствует в окружающем мире. В рамках деятельности человека мир запоминания и действия, который имеется у животных, также дополняется особым миром образов человека. Мир образов все сильнее и сильнее начинает воздействовать на человека, расширяя пределы воображения [4, с. 33]. В рамках герменевтики Кассирера постепенно начинают рассматриваться проблемы языкознания, философские аспекты лингвистики.

Именно символизм дает возможность непосредственно понимать и осознавать ту сферу умственной деятельности, которая отличает человека от представителей животного мира. Даже при отсутствии у человека зрения и слуха он более широко ощущает богатство мира, чем животные, которые имеют обостренные зрение и слух [7, с. 29–30]. У животных имеется только чувственное восприятие окружающего мира, поэтому их действия могут выражаться лишь в непосредственном деянии на внешние раздражители. По этой причине у животных отсутствует прогностическая функция мышления (по теории Павлова – первая сигнальная система) [8, с. 217]. При этом Кассирер указывает на то, что сверхчеловеческий интеллект, или Бог, не делает разграничения между реальностью и возможностью, мысленно превращается в реальность, так как «вначале было Слово».

Кассирер приходит к выводу, что интеллект человека способен сочетать в себе реальность и возможность. Границы между реальностью и возможностью будут стерты в том случае, если символическое мышление не развито или же имеются нарушения в нем. Как он подчеркивал, в человеке сочетается не только физическое (животное), но и символическое (сугубо человеческое). По мере развития творческого потенциала человека, а также по мере расширения символической составляющей человек все дальше отходит от своего природного начала. При этом при отдалении от животного состояния он все лучше начинает понимать других людей, Я в таком случае становится частью Другого, человеческого, а сигнал или знак остаются в вещественном мире.

Не меньшую роль проблема сигнал-символического играет в отечественной философии культуры, в частности, как мы отмечали, в творчестве Алексея Федоровича Лосева [9; 10, с. 206–208]. Философские искания Лосева условно можно разделить на несколько периодов. Первый период заключался в том, что русским философом уделялось повышенное внимание типологии античной культуры. Временными пределами периода являются 1916–1919 гг. К первому периоду философской деятельности Лосева можно отнести следующие работы: «Философия имени» 1927, «Диалектика художественной формы» 1927, «Диалектика числа у Плотина» 1928 и пр. Второй стадией деятельности Лосева являлся советский период, в рамках которого производилось переосмысление математики и формальной логики [11, с. 509]. В это время началась и систематизация античных источников по мифологии, а также работа над основным трудом Лосева, который состоял из 10 томов, – «Историей античной эстетики» (1963–1994). На третьей стадии можно выделить такие труды Лосева, как «Введение в общую теорию языковых моделей» (1968), «Проблема символа и реалистическое искусство» (1978) и пр.

Известный историк русской философии В. В. Зеньковский отмечал, что произведения Лосева позднего периода не в полной мере «договорены», что диктовалось условиями идеологии советского времени, но при этом форма изложения не ослабляет впечатления от произведений [12, с. 789–790]. На всех стадиях развития культурфилософской деятельности Лосева термин «символ» является ключевым для работ исследователя. На рубеже веков в рамках культуры Серебряного века проблемой символа в теоретико-художественном смысле интересовались многие русские философы и писатели, по преимуществу деятели школы символизма, а также зарубежные культурологи и филологи. Труды по философии символизма Лосева и Кассирера, по нашему мнению, имеют общие черты и являются наиболее последовательными и систематичными, основанными на обширных материалах античного периода. В частности, в работах Лосева воспроизведение картины становления символической реальности по необходимости требовало применения античных терминов, среди которых можно непосредственно назвать понятия «символ», «инобытие», «эйдос» и иные.

Отметим, что Лосев понимал эйдос как незаконченную цельность [13, с. 125], а символ – в качестве реализации эйдоса в инобытии. Как указывал в своих философских исследованиях русский мыслитель, в пределах символа нельзя произвести переход от абсолютной непонятности к абсолютной понятности. Несмотря на то, что эйдос является начальным понятием, сам по себе он не может считаться началом. Имеет место некая неразличимая точка, из которой берет свое начало эйдос [13, с. 127], или первоединое. Из него следует эйдос, за эйдосом идет инобытие. Символы получают свою выраженность через мифы, которые дают им внутреннее наполнение [13, с. 32], становятся содержательной стороной символического.

Символ в узком смысле слова, указывает современный исследователь творчества Лосева, есть согласно его философии вещь, которая рассмотрена как единичность в соотнесении с окружающей ее инакостью [14, с. 219]. В широком смысле символ представляет собой всю последовательность изменений, которую проходит эйдос. Данный путь в терминологии Лосева может быть представлен следующим образом: Первоединое – Эйдос – Миф – Символ – Личность – Энергия сущности – Имя [15, с. 37–38]. Позже эту схему Лосев дополнил следующими категориями: Природа – Общество – История – Культура. Символ в этих взаимосвязях выполняет ключевую роль – он есть единое (связующее) во множественности, т.е. по философии символизма В. С. Соловьева «всеединое» [16, с. 581–582].

В выявлении способности символа к устойчивому развитию, делаем мы вывод, заключается основная заслуга всего лосевского идеал-реалистического символизма. В соответствии с представлениями Лосева символ может рассматриваться в рамках собственной идентичности, а также может быть составной частью сложной системы. Примером такого универсума и становится линейка: Первоединое – Эйдос – Миф – Символ – Личность – Энергия сущности – Имя – Природа – Культура. В этой диалектической схеме взаимосвязей и взаимодействий сегодня наиболее актуальными являются такие смысловые формы, как личность или интеллигенция. Это связано с определением той роли, что играет сегодня русская интеллигенция в деле возрождения духовности России, укреплении ее системы традиционных ценностей[1].

Укажем, что именно в русском языке появилось слово «интеллигенция» как союз двух моментов – образованности (интеллектуальности) и духовности (нравственности). Термин «интеллигенция» является многоплановым, поэтому при его рассмотрении невозможно добиться однозначного сопоставления между «да» и «нет». Представим определение этого понятия в его исторической эволюции. Впервые его использовал в своих работах Цицерон, под интеллигенцией мыслитель понимал представителей класса образованной демократии (педагогов, философов, законоведов).

В отечественных литературных источниках понятие «интеллигенция» появилось в 1860-е гг. С момента его появления в обороте оно имело значительную смысловую разобщенность, существовали его различные толкования. В широком смысле интеллигенция представляла собой представителей любых социальных групп и рода деятельности, образующих культурную среду, а также тех людей, которые получают доход от различных разновидностей интеллектуальной работы или же художественного творчества. Можно сказать, что интеллигенция является истинно русским понятием, которое не имеет аналогов в других инокультурах. В западных странах, в частности, понятие «интеллигенция» заменяется термином «интеллектуалы».

В работе «Вехи» как идеологической платформе рубежа XIX–XX вв. была предпринята одна из первых попыток разграничения образованного класса и интеллигенции [17, с. 25]. Согласно представленным в указанном труде данным, в структуру образованного класса непосредственно входили медики, государственные деятели, военные, некоторые писатели и философы, т.е. образованный класс составляли люди, которые хорошо знают свою профес-

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 12.03.2025)

сию и занимают в ней прочное положение. Интеллигентами обозначали и людей, которые выдвигали в качестве первоочередной цели социальные изменения в обществе.

В работах Лосева, относящихся к более позднему периоду, интеллигенция есть личность или символ, который рассматривался им на основе диалектического метода, что носило инструментально-логический характер. С точки зрения Л. А. Соломеиной, личность Лосева как таковая и его жизнедеятельность существуют в двух плоскостях – в религиозной и в научной. Несмотря на то, что значимым в исследованиях Лосева являлся именно религиозный момент, христианский опыт анализировался им с позиций философии на постоянной научной основе [18, с. 22].

В последних трудах Лосева представлены следующие характеристики символа:

– символ представляет собой порождающую модель, а также принцип, на котором основано конструирование [19, с. 61];

– символ – это единораздельная целостность [19, с. 145], в рамках которой становится возможным тождество неограниченной совокупности вещей, подчиненных общей модели [19, с. 61].

Третья трактовка символа, по Лосеву, заключается в его характеристике в качестве указания на другую реальность, с которой он непосредственно связан, т.е. как знак или сигнал [20, с. 440]. Лосев здесь рассматривал символ в качестве универсального видения мира, а также такой точки зрения, которая дает возможность духовного освоения действительности, созвучного с философией Кассирера о приоритете духовного (идеального) перед материально-духовным знаком или сигналом. Лосев считал, что символ представляет собой такое отражение действительности, ее функцию с возможностью разложения указанной функции на несколько членов, которые имеют закономерную связь с другими членами[1], т.е. образуют целостность.

В качестве выводов отметим, что, во-первых, проблема знаково-символического особенно вошла в повестку культурфилософских исследований в начале XX в. Это было связано с актуализацией герменевтических идей как на Западе (немецкая постклассическая философия в лице лидеров-герменевтов Гадамера, Кассирера и др.), так и в России. Для истории русской философии это определялось также духом культуры Серебряного века (Соловьев, Лосев), ее предрасположенностью к художественному символизму (Мережковский, Блок, Гиппиус).

Во-вторых, для творчества Лосева с его приверженностью к диалектическому методу познания проблема символа стала одной из составляющих, оказавшейся по своей роли ключевой, поскольку она онтологизировала взаимосвязь и взаимообусловленность Первоединого – Эйдоса – Мифа – Символа – Личности как Интеллигенции – Энергии сущности – Имени – Природы – Культуры. В этой схематизированной с диалектических позиций взаимосвязи символическое выполняет роль ключевого момента концепции идеал-реалистического символизма, а знак или сигнал обозначают вещественное или субстанциональное бытие.

В-третьих, сегодня актуализируется вопрос характеристики русской интеллигенции (для Лосева – это Личность) как носительницы духовных начал русского человека. Не только приверженность ученого-исследователя как личности к объекту познания, но и обязательная оценка научного открытия с позиции человека нравственно-этического, а сегодня в особенности как патриота – вот парадигма духовного состояния для современной России.

Список литературы

1. Коваленко Н. Г. Проблема символа в философии и художественной культуре «Серебряного века» // Культура и образование в XXI веке: теоретические аспекты : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 30 января – 1 февраля 2008 г.). СПб. : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2008. С. 58–61. EDN: UJNBNN

[1] Философская энциклопедия. Т. 5 : Сигнальные системы – яшты : указатель. М. : Советская энциклопедия, 1970. 740 с.

2. Гадамер Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с. EDN: OLSMGR

3. Кожокина А. В. Символы-сигналы в причинной ситуации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2, № 11. С. 351–353. EDN: VHYBYR

4. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарика, 1998. 779 с.

5. Беломестнова Н. В. Знак : сигнал и символ в психологии, философии и семиотике // Ананьевские чтения – 2007 : сб. тр. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 23–25 октября 2007 г.). СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. С. 3–5. EDN: VOUTJB

6. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Высшая школа, 1991. 559 с. EDN: QXAEVF

7. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. М. : Республика, 2000. 286 с.

8. Павлов И. П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. 475 с.

9. Вейнмейстер А. В. Символическая интерпретация культуры в концепции Э. Кассирера и А. Ф. Лосева : автореф. дис. … канд. филос. наук : 24.00.01. СПб., 2006. 21 с. EDN: NKEJJT

10. Коваленко Н. Г. Понятие «символ» и «символизм» в философии А. Ф. Лосева // Дни петербургской философии 2003 : материалы Междунар. конф.: Метафизика искусства, мировая и петерб. традиции реалист. философии (г. Санкт-Петербург, 3–30 января 2004 г.). СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 206–208. EDN: UIATJN

11. Лосев А. Ф. Хаос и структура / предисл. В. М. Лосевой, послесл. В. П. Троицкого. М. : Мысль, 1997. 831 с.

12. Зеньковский В. В. История русской философии. М. : Академический Проект : Раритет, 2011. 880 с. EDN: VRSEIV

13. Лосев А. Ф. Философия имени. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2016. 672 с.

14. Античность в контексте современности : сборник памяти А. Ф. Лосева / под ред. А. А. Тахо-Годи и И. М. Нахова. М. : МГУ, 1990. 250 с.

15. Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М. : Мысль, 1995. 944 с.

16. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги ; прим. С. Л. Кравца, Н. А. Кормина. М. : Мысль, 1988. 892 с.

17. Стельмашук Г. В. Формирование интеллигента – важнейшая задача университетского образования // XIV Царскосельские чтения. Т. I: Профессиональное образование: социально-культурные аспекты : сб. тр. Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2010 г.). СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. С. 24–28.

18. Соломеина Л. А. Исторические взгляды А. Ф. Лосева : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. Томск, 2004. 22 с. EDN: NHMZTD

19. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1995. 320 с.

20. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М. : Изд-во МГУ, 1982. 480 с.

References

1. Kovalenko N.G. The problem of symbol in the philosophy and artistic culture of the Silver Age. *Kul'tura i obrazovanie v XXI veke: teoreticheskie aspekty: sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Sankt-Peterburg, 30 yanvarya – 1 fevralya 2008 g.) = Culture and education in the 19th century: theoretical aspects: proceedings of the International scientific-practical conference (St. Petersburg, January 30 – February 1, 2008).* Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2008:58–61. (In Russ.)

2. Gadamer G.G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki. Per. s nem. B.N. Bessonova = Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics. Translated from German by V.N. Bessonov*. Moscow: Progress, 1988:704. (In Russ.)

3. Kozhokina A.V. Symbols-signals in a causal situation. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2015;2(11):351–353. (In Russ.)

4. Kassirer E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke = Selected works. Experience about man*. Moscow: Gardarika, 1998:779. (In Russ.)

5. Belomestnova N.V. Sign: signal and symbol in psychology, philosophy and semiotics. *Anan'evskie chteniya – 2007: sb. tr. nauch.-prakt. konf. (g. Sankt-Peterburg, 23–25 oktyabrya 2007 g.) = Ananyev Readings – 2007: proceedings of the Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, October 23–25, 2007)* Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2007:3–5. (In Russ.)

6. Losskiy N.O. *Istoriya russkoy filosofii = History of Russian philosophy*. Moscow: Vysshaya shkola, 1991:559. (In Russ.)

7. Langer S. *Filosofiya v novom klyuche: Issledovanie simvoliki razuma, rituala i iskusstva = Philosophy in a new key: a study of the symbolism of reason, ritual, and art*. Moscow: Respublika, 2000:286. (In Russ.)

8. Pavlov I.P. *Lektsii o rabote bol'shikh polushariy golovnogo mozga = Lectures on the work of the cerebral hemispheres*. Moscow: Izd-vo i 1-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 1949:475. (In Russ.)

9. Veynmeyster A.V. *Symbolic interpretation of culture in the concept of E. Cassirer and A.F. Losev: PhD abstract*. Saint Petersburg, 2006:21. (In Russ.)

10. Kovalenko N.G. The concept of "symbol" and "symbolism" in the philosophy of A.F. Losev. *Dni Peterburgskoy Filosofii 2003: materialy Mezhdunar. konf.: Metafizika iskusstva, Mirovaya i peterb. traditsii realist. filosofii (g. Sankt-Peterburg, 3–30 yanvarya 2004 g.).= Days of St. Petersburg Philosophy 2003: Proceedings of the International Conference: Metaphysics of Art, Peace and St. Petersburg Traditions of Realist Philosophy (St. Petersburg, January 3–30, 2004).* Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2004:206–208. (In Russ.)

11. Losev A.F. *Khaos i struktura = Chaos and structure*. Moscow: Mysl', 1997:831. (In Russ.)

12. Zen'kovskiy V.V. *Istoriya russkoy filosofii = History of Russian philosophy*. Moscow: Akademicheskiy Proekt: Raritet, 2011:880. (In Russ.)

13. Losev A.F. *Filosofiya imeni = Philosophy of the name*. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2016:672. (In Russ.)

14. Takho-Godi A.A., Nakhov I.M. (eds.). *Antichnost' v kontekste sovremennosti: sbornik pamyati A.F. Loseva = Antiquity in the context of modernity: a collection in memory of A.F. Losev*. Moscow: MGU, 1990:250. (In Russ.)

15. Losev A.F. *Forma – Stil' – Vyrazhenie = Form – Style – Expression*. Moscow: Mysl', 1995:944. (In Russ.)

16. Solov'ev V.S. *Sochineniya v 2 t.: T. 1 = Works in 2 volumes. Volume 1*. Moscow: Mysl', 1988:892. (In Russ.)

17. Stel'mashuk G.V. The formation of an intellectual is the most important task of university education. *XIV Tsarskosel'skie chteniya. T. I: Professional'noe obrazovanie: sotsial'no-kul'turnye aspekty: sb. tr. Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg 20–21 aprelya 2010 g.) = XIV Tsarskoye Selo Readings Vol. I: Professional education: socio-cultural aspects: proceedings of the International scientific conference (St. Petersburg, April 20–21, 2010).* Saint Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina, 2010:24–28. (In Russ.)

18. Solomeina L.A. *Historical views of A.F. Losev: PhD abstract*. Tomsk, 2004:22. (In Russ.)

19. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo = The problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo,1995:320. (In Russ.)

20. Losev A.F. *Znak. Simvol. Mif: trudy po yazykoznaniyu = Sign. Symbol. Myth: works on linguistics*. Moscow: Izd-vo MGU, 1982:480. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Н. Г. Коваленко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 196601, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 2. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5397-316X

N.G. Kovalenko – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Highway street, St. Petersburg, Pushkin, 196601. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5397-316X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 15.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.04.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья
УДК 130.2:323.28
EDN: NOIIYV
doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-14

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦСЛУЖБ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОМУ МЕНТАЛИТЕТУ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. *Актуальность и цели*. Диалог культур, который стал следствием нарастающих глобализационных процессов последних десятилетий, в настоящее время привел к обратному эффекту. В результате перед национальными государствами встала острая необходимость защиты своего ментального пространства от вмешательства извне. Цель исследования – выявить взаимосвязь между деятельностью иностранных спецслужб и негативным влиянием на национальный менталитет и раскрыть способы противостояния этому явлению. *Материалы и методы*. В основу настоящего исследования был положен ментальный подход. Его применение позволило изучить государство и народ не только как объект политического, социологического или правового изучения, но и философского. Также были использованы описательный метод и метод исторического анализа. *Результаты.* Раскрыта взаимосвязь таких явлений, как негативное влияние на национальный менталитет и деятельность иностранных спецслужб. Рассмотрены разные направления борьбы с выделенной угрозой: правовое, информационно-психологическое, образовательно-воспитательное и пр. Изучен потенциал человека и государства как субъектов борьбы за ментальное пространство. *Выводы.* Современное общество как никогда ранее нуждается в безопасности. При этом ощущение безопасности нередко становится даже более значимым и предпочтительным, чем знание конкретных шагов и результатов по ее обеспечению, которые остаются в ведении государства. Человек уязвим перед скрытыми атаками на ментальное пространство, поэтому демонстрация со стороны государства заинтересованности в его защите и выражение обществом доверия к правительству способны дать положительные результаты в борьбе с влиянием иностранных спецслужб на национальный менталитет.

Ключевые слова: влияние, противостояние, национальная безопасность, ментальная безопасность, идентичность, суверенитет, методы борьбы

Для цитирования: Ковалев А. А. Деятельность иностранных спецслужб как угроза национальному менталитету: философский подход // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 140–150. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-14 EDN: NOIIYV

© Ковалев А. А., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Original article

ACTIVITIES OF FOREIGN INTELLIGENCE SERVICES AS A THREAT TO NATIONAL MENTALITY: PHILOSOPHICAL APPROACH

Andrey A. Kovalev

North-Western Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. *Background*. The dialogue of cultures, which has become a consequence of the growing globalization processes of recent decades, has now led to the opposite effect. As a result, nation-states faced an urgent need to protect their mental space from outside interference. The purpose of the study is to identify the relationship between the activities of foreign intelligence agencies and the negative impact on the national mentality and to reveal ways to counter this phenomenon. *Materials and methods*. The present study was based on a mental approach. Its application made it possible to study the state and the people not only as an object of political, sociological or legal research, but also philosophical. The descriptive method and the method of historical analysis were also used. *Results*. The interrelation of such phenomena as the negative impact on the national mentality and the activities of foreign intelligence services is revealed. Different directions of combating the identified threat are considered: legal, informational, psychological, educational, etc. The potential of man and the state as subjects of the struggle for mental space is studied. *Conclusions.* Modern society needs security more than ever before. At the same time, a sense of security often becomes even more significant and preferable than knowledge of specific steps and results to ensure security, which remain under the jurisdiction of the State. A person is vulnerable to covert attacks on his mental space, therefore, a demonstration by the state of interest in his protection and a public expression of trust in the government can give positive results in combating the influence of foreign intelligence services on the national mentality.

Keywords: influence, confrontation, national security, mental security, identity, sovereignty, methods of struggle

For citation: Kovalev A.A. Activities of foreign intelligence services as a threat to national mentality: philosophical approach. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State*". 2025;13(2):140–150. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-14

Введение

Глобализационные процессы, которые к XXI в. приобрели беспрецедентные масштабы, с одной стороны, способствовали так называемому диалогу культур, с другой – спровоцировали новые угрозы безопасности, одной из которых является нарушение ментальной целостности национальных обществ, лишенных идентичности, а нередко и суверенитета. Сближение культур и цивилизаций осуществляется через «взаимодействие систем внутренних глубинно-психических социально-культурных установок общества, социальной группы или отдельного индивида» [1, с. 61]. Такое взаимодействие представляет собой ментальный диалог с конструктивными целями и результатами, однако в том случае, когда оно несет в себе отрицательный потенциал для общества и государства, имеет место ментальное противостояние [2].

Открытое противостояние позволяет устанавливать некоторую предсказуемость и паритет противников. Однако в последние несколько десятилетий мир постепенно отходит от

© Kovalev A.A., 2025. This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

принципов традиционной войны, предпочитая вести ее тайными методами, прибегая к помощи методов «мягкой силы». Согласно этим принципам ведутся сетевые, кибернетические, информационные, психологические, ментальные, когнитивные войны. В этом процессе задействованы различные акторы, как государственные, так и негосударственные. И особое место здесь занимает деятельность специальных служб (спецслужб), которые участвуют в «гибридных» (смешанных) войнах и способны оказывать деструктивное влияние на общество и его ментальные основы.

Тем самым объектом настоящего исследования выступает деятельность иностранных спецслужб, негативно влияющая на национальный менталитет. В качестве предмета исследования выбраны методы противостояния и защиты национального менталитета от деструктивной деятельности иностранных спецслужб.

Цель исследования – выявить взаимосвязь между деятельностью иностранных спецслужб и негативным влиянием на национальный менталитет и раскрыть способы противостояния этому явлению.

Материалы и методы

Деятельность спецслужб рассматривается в статье как некое тайное знание, лишенное публичности и общественного контроля, которое представляет собой важный аспект современных войн – «гибридных», скрытых, духовно ориентированных (т.е. не направленных исключительно на достижение материальных результатов в виде захвата территории, уничтожения личного состава армии противника / гражданского населения / инфраструктуры и т.д.). В исследовании показано, что вполне традиционная государственная служба весьма успешно заняла собственную нишу в некинетических (нефизических) войнах современности.

По ходу исследования была дана некоторая историческая справка о спецслужбах прошлого, а также показана деятельность подобных организаций ряда современных государств. Осмыслен категориальный аппарат, показана связь между деятельностью иностранных спецслужб и влиянием на национальный менталитет. Особое внимание уделено методам противодействия деятельности специальных служб иностранных государств, оказывающих негативное влияние на ментальное пространство общества-мишени.

В основу настоящего исследования был положен ментальный подход. Его применение позволило изучить государство и народ не только как объект политического, социологического или правового исследования, но и философского. Также были использованы описательный метод и метод исторического анализа.

Основная часть

Несмотря на то, что слово «менталитет» активно вошло в научный оборот лишь в XX в., соответствующие идеи можно обнаружить в трудах философов, историков и социологов разных эпох: у Геродота, Гиппократа, Платона, Аристотеля (Античность); Иоганна Готфрида Гердера, Карла фон Савиньи, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Иоганна Готлиба Фихте (немецкая классическая философия XVIII–XIX вв.). В XIX в. представления о национальном менталитете получают социологическое и психологическое обоснование. Так, эта тема была раскрыта в работах Огюста Конта, Герберта Спенсера, Эмиля Дюркгейма, Вильгельма Вундта, Габриэля Тарда, Гюстава Лебона. Тем самым мыслители XIX в. заложили основы дальнейшего изучения национального менталитета, раскрывая его связь с развитием общества, социальной структурой, культурными традициями и исторической памятью.

Термин «менталитет» в современном значении впервые получил активное применение в работах французской исторической школы «Анналов», сложившейся в 1920–1930-х гг. Видными представителями данного направления были Люсьен Февр [3] и Марк Блок [4]. Менталитет рассматривался как система ценностей, убеждений, привычек и способов мышления, определяющих характер эпохи или общества. Такой подход открыл новые горизонты в исторических исследованиях, сместив акцент с политической хроники на анализ долгосрочных культурных и социальных процессов [5].

В отечественной науке национальному менталитету начало уделяться должное внимание только после распада СССР в связи с возникшими проблемами самоидентификации народов постсоветского пространства. В работах российских философов и социологов, таких как Ю. М. Лотман [6] и В. А. Лекторский [7], менталитет рассматривается как совокупность когнитивных и поведенческих паттернов, обусловленных историческим опытом и культурной традицией. Так, Ю. М. Лотман, культуролог и семиотик, изучал механизмы коллективного сознания через символические системы и язык, подчеркивая роль культуры в формировании ментальных установок. В. А. Лекторский, философ и исследователь теории познания, анализировал влияние когнитивных процессов на коллективное мировосприятие.

В современной России продолжается осмысление национального менталитета в условиях глобализации, цифровых технологий и социальных трансформаций. В частности, работы А. С. Панарина [8] и А. Г. Дугина [9] посвящены влиянию цивилизационных факторов на российскую идентичность, трансформации культурных кодов и поиску смыслов в изменяющейся геополитической реальности. Социологические исследования фиксируют динамику общественного сознания, отражая влияние информационных потоков, массовых коммуникаций и изменение традиционных ценностей. В политической философии рассматривается значение ментальных характеристик при формировании национальной идеологии и адаптации общества к вызовам современности, что делает категорию национального менталитета ключевым объектом изучения в гуманитарных науках.

Национальный менталитет является междисциплинарным предметом исследования. Он изучается в политологии, социологии, антропологии, этнологии, философии и прочих социально-гуманитарных дисциплинах. Так, в рамках философского подхода под национальным менталитетом следует понимать особую форму коллективного разума, который определяет параметры бытия народа и его онтологический статус в мире. Таким образом, национальный менталитет позволяет формировать границы возможного и невозможного, допустимого и запретного, рационального и иррационального, а также способы восприятия внешней реальности. Благодаря национальному менталитету складывается отношение к внешнему миру (например, характеризуемое открытостью или замкнутостью).

Слово «менталитет» имеет латинское происхождение, будучи связанным с mentalis, которое восходит к mens («разум», «мышление», «дух»). В латинском языке mentalis означало «относящийся к уму» или «духовный», а в средневековой схоластике mens трактовался как внутренняя способность человека к осмыслению реальности. В XX в. понятие «менталитет» стало активно использоваться благодаря французской исторической школе «Анналов», которая ввела его в научный оборот как категорию, объясняющую особенности восприятия мира и коллективного сознания.

Национальный менталитет основан на историческом опыте, коллективном самосознании, системе ценностей и способах осмысления реальности, присущих конкретному народу. Он не фиксирован как догматическая система, но сохраняет устойчивость, проявляя способность к адаптации в зависимости от исторических и политических обстоятельств. Однако при всей гибкости сохраняется устойчивое ядро, необходимое для целостности и культурной идентичности народа. Когда изменения затрагивают само ядро менталитета и приводят к размыванию ключевых ценностей и смыслов, народ сталкивается с экзистенциальной угрозой утраты самобытности. Тем самым вопрос о сохранности национального менталитета выходит за пределы политических дискуссий, превращаясь в фундаментальную философскую проблему, связанную с основами человеческого существования в коллективной форме.

Существует множество угроз национальному менталитету, которые относятся к сфере обеспечения национальной безопасности. В рамках настоящего исследования будет рассмотрено влияние деятельности иностранных спецслужб на национальный менталитет. Противодействие данной угрозе относится к сфере обеспечения духовной безопасности как важнейшей части национальной безопасности [10].

Итак, понятие «специальная служба», или «спецслужба», не ограничивается только сферой государственной безопасности, оно также затрагивает фундаментальные философские

вопросы власти, контроля, информации и суверенитета. Спецслужба не сводится к простому инструменту государственного управления, а представляет собой особую институцию, находящуюся на пересечении политики, тайных знаний, стратегии и этики.

Слово «специальный» (от латинского *specialis* – «особый», «отличающийся от общего») подчеркивает выполнение нетипичных, исключительных функций, не характерных для обычных государственных институтов. «Служба» обозначает деятельность, направленную на исполнение обязанностей перед государством или обществом. Государственные структуры, относящиеся к специальным службам, решают задачи, связанные с обеспечением безопасности, тайными операциями и стратегическими интересами, выходящими за рамки традиционного управления.

Таким образом, спецслужбы – это инструмент власти, действующий в зоне недекларируемой (тайной, скрытой) политики. Если публичное управление основывается на законах, процедурах и открытых институтах, то деятельность спецслужб связана со скрытыми операциями и недоступными широкой аудитории смыслами. Подобное положение делает из них не просто государственный инструмент, а своеобразную метафизическую силу, работающую на уровне латентного управления. Функционально такие структуры выполняют несколько ключевых задач. Так, разведывательная деятельность охватывает сбор, анализ и интерпретацию стратегически значимой информации. Контрразведка направлена на предотвращение проникновения враждебных элементов в государственные структуры и защиту национальной безопасности. В ряде случаев спецслужбы участвуют в активных операциях: тайных миссиях за рубежом, подрывных акциях и деятельности по манипуляции общественным сознанием и мнением. Их влияние распространяется на широкий спектр скрытого управления: от информационной войны до точечных операций по нейтрализации угроз.

Исторически феномен спецслужб восходит к древним цивилизациям, где разведывательная деятельность играла важную роль в управлении государством и ведении войн. Уже в Новое время формирование национальных государств сделало спецслужбы важным инструментом обеспечения суверенитета, а в XIX в. ведущие европейские державы, такие как Великобритания, Франция, Германия и Россия, сформировали первые профессиональные разведывательные структуры. В XX в. спецслужбы превратились в один из ключевых элементов мировой политики, став инструментами не только военного и дипломатического противостояния, но и скрытого влияния на внутренние процессы других государств [11, с. 318].

Деятельность спецслужб направлена на обеспечение безопасности государства, предотвращение внешних и внутренних угроз, но при этом они способны выступать инструментом теневого влияния, служить механизмом политического принуждения, манипулировать общественным сознанием и даже действовать за пределами правового поля. Возникающее противоречие отражает фундаментальную философскую проблему власти, которая не ограничивается формальными институтами, она принимает формы скрытого, неподконтрольного обществу управления. Спецслужбы воплощают особый вид государственного знания, недоступного большинству граждан, и сближаются с традицией эзотерических сообществ, где сакральная информация концентрировалась в узком кругу посвященных. Они не просто хранят сведения о скрытых механизмах политической и социальной реальности, но формируют их, вступая в сложную зависимость от правящих элит. Обладая доступом к фундаментальным структурам власти, они одновременно сохраняют автономию и остаются инструментом, меняющим свое содержание в зависимости от идеологических установок государства.

Спецслужбы ряда иностранных государств активно применяют механизмы информационного, культурного и психологического воздействия, влияя на национальный менталитет других стран. Они не только собирают разведывательные данные и защищают государственные интересы, но и формируют среду, способствующую продвижению собственных идеологических и стратегических целей.

В группу риска попадают практически все категории граждан, однако наиболее уязвимой является молодежь как восприимчивая ко всему новому и активная общественная сила. Так, усилия иностранных государств по мобилизации молодежи направлены на создание

своего рода декораций для продвижения выгодных сценариев, при этом вся большая политика остается недоступной для вовлеченных молодых людей. При этом, по справедливому мнению С. О. Елишева, молодежь не имеет пропуска во «взрослую» политику, однако ее желание ощущать принадлежность к заметному событию или серьезной группе позволяет спецслужбам иностранных государств умело манипулировать этим вполне естественным желанием [12, с. 126]. Так было и на Украине в 2004 и 2013–2014 гг., и на Болотной площади в 2011–2012 гг., и во многих других государствах, атакованных иностранными спецслужбами с целью организации «цветной революции».

Существует множество способов и организаций во всем мире, которые могут негативно влиять на менталитет противника в собственных интересах. Поэтому необходимо рассмотреть на конкретных примерах, кем и какими методами это может осуществляться.

Итак, Центральное разведывательное управление США (Central Intelligence Agency, CIA) ведет масштабные информационно-психологические операции, манипулируя общественным мнением через глобальные медиа, социальные сети и неправительственные организации [13]. Влияние западных спецслужб часто выражается в их стремлении трансформировать национальные ценности, ослабить традиционные институты и внедрить альтернативные модели общественного развития [14]. Через образовательные программы, грантовые фонды и культурные инициативы формируются элиты, ориентированные на идеологические концепции, чуждые национальной идентичности [15, p. 118]. Так, в рамках образовательного влияния особую роль играет *Программа Фулбрайта* (Fulbright Program), финансируемая правительством США и ориентированная на подготовку будущих политиков, журналистов и общественных лидеров, воспринимающих западные ценности как универсальные. Важным инструментом влияния является также *Международная программа лидерства посетителей* (International Visitor Leadership Program (IVLP)), организуемая Госдепартаментом США для отбора «перспективных лидеров» среди представителей политических и экспертных кругов различных стран. Среди грантовых фондов значительное влияние оказывает *Национальный фонд поддержки демократии* (National Endowment for Democracy (NED)), продвигающий «демократические» реформы и финансирующий оппозиционные движения в странах, политика которых не совпадает с американскими национальными интересами. Аналогичные функции выполняет организация *Фонды открытого общества* (Open Society Foundations (OSF)), основанная Джорджем Соросом. Эта сеть грантодателей продвигает концепцию открытого общества и политических изменений через финансирование общественных организаций, образовательных инициатив и медиаплатформ. Тем самым инструменты долгосрочного воздействия формируют поведенческие установки и мировоззренческую ориентацию будущих элит в заданном направлении. *Агентство национальной безопасности США* (National Security Agency, NSA) контролирует цифровые коммуникации, влияя на информационное пространство других стран [16, p. 699]. Слежка за политическими лидерами, управление алгоритмами социальных сетей и скрытая цензура позволяют формировать выгодные нарративы, изменяя восприятие аудиторией происходящих процессов.

В Великобритании *Секретная разведывательная служба* (Secret Intelligence Service, SIS, более известная как MI6) ведет системную работу по укреплению имиджа Запада как эталона демократического устройства, внедряя в образовательные системы и медиаполе концепции, трансформирующие мировоззрение будущих поколений. Через различные структуры, такие как *Би-би-си* (British Broadcasting Corporation, BBC) и другие международные медиаканалы, распространяются идеи, меняющие представления о социальной справедливости, государственном суверенитете и национальных интересах [17, p. 815].

Генеральный директорат внешней безопасности Франции (Direction générale de la sécurité extérieure, DGSE) активно применяет методы «мягкой силы», продвигая идеи культурного космополитизма, размывания традиционной идентичности и стирания национальных границ. Влияние на общественное сознание осуществляется через академическое сообщество, экспертные группы, гуманитарные проекты и внедрение европейских ценностных

моделей. Так, *Федеральная разведывательная служба Германии* (Bundesnachrichtendienst, BND) в рамках общеевропейских стратегий поддерживает концепции глобализма, мультикультурализма и отказа от этнической самобытности, влияя на социальные процессы в странах Восточной Европы и постсоветского пространства [18].

Министерство государственной безопасности Китая (中华人民共和国国家安全部, Ministry of State Security, MSS) использует экономическое влияние для трансформации культурного сознания, продвигая собственные политико-экономические модели. Через образовательные программы, международные исследовательские центры и контроль над цифровыми платформами китайская концепция государственного устройства распространяется в странах-партнерах, влияя на их политическое и экономическое мышление. В рамках образовательной политики особую роль играют разные программы, такие как *Инициатива «Один пояс, один путь»* (Belt and Road Initiative, BRI), предусматривающая не только экономическое сотрудничество, но и активное вовлечение студентов из развивающихся стран в китайскую образовательную среду.

Ключевыми институтами, способствующими распространению китайской модели жизнеустройства, являются *Университет Цинхуа* (Tsinghua University), *Пекинский университет* (Peking University) и *сеть Институтов Конфуция* (Confucius Institutes), работающих за рубежом и популяризирующих китайские культурные и политические нарративы. Международные исследовательские центры, такие как *Китайская академия современных международных отношений* (China Institutes of Contemporary International Relations, CICIR), аффилированная с Министерством государственной безопасности, и *Центр исследований «Один пояс, один путь»* (BRI Research Center), формируют экспертные сообщества, способствующие продвижению китайского взгляда на глобальные процессы.

Цифровые платформы (WeChat, TikTok (Douyin в Китае), Alibaba Cloud и *государственные СМИ*, включая CGTN (China Global Television Network) и Xinhua) контролируют информационные потоки и продвигают нарративы, соответствующие интересам КНР. Введение китайских стандартов в цифровую сферу с помощью таких проектов, как *«Киберсуверенитет»*, позволяет формировать удобную для государства модель информационного контроля, а это, в свою очередь, способно оказать серьезное влияние на восприятие политических процессов в других странах. Подобные механизмы информационного и идеологического давления формируют новые поведенческие стандарты, создают зависимость от внешних стратегических установок и размывают границы национального менталитета.

В связи с активизацией в новых геополитических и ментально-философских реалиях деятельности спецслужб иностранных государств необходимо обратить пристальное внимание на способы предотвращения их деструктивного влияния на национальный менталитет. Тем самым обеспечивается высокий уровень ментальной безопасности, которая является неотъемлемой частью системы национальной безопасности государства и общества.

Существует ряд направлений, с помощью которых возможно противостоять угрозе влияния деятельности иностранных спецслужб на национальный менталитет России. Среди них выделяются *правовое*, когда происходит выявление и запрет деструктивных организаций / движений (Верховный Суд РФ в 2022 г. признал террористическим международное движение «Колумбайн»[1]); *информационно-психологическое*, в частности предполагающее усиление контроля над информационным пространством; *образовательно-воспитательное*, которое позволяет развивать критическое мышление, усиливает национальную идентичность, расширяет область познания человека, укрепляет его приверженность национальной идее (не противоречащей национальному менталитету) и непосредственно может быть обогащено с помощью применения знаний, основанных на философском осмыслении поставленного исследовательского вопроса, и ряд других.

[1] Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347 (дата обращения: 20.02.2025).

Среди конкретных способов противодействия можно назвать:

1) пропаганду в недружественных государствах, основанную на принципах «гибридной» войны, с целью не только нивелировать антирусские и русофобские настроения, но и, возможно, вызвать симпатии у населения к России, россиянам и русской культуре [19, с. 66];

2) уменьшение зависимости России от иностранных государств с помощью развития отечественных информационных технологий и защиты результатов этого развития от отслеживания со стороны спецслужб иностранных государств;

3) сокращение экономической зависимости России от иностранных государств, которое весьма успешно может реализоваться в процессе начавшейся несколько лет назад политики «декаплинга» (decoupling – «размыкание пары», «расщепление»);

4) повышение конкурентоспособности отечественных спецслужб перед иностранными спецслужбами, это необходимо в том числе для повышения уровня доверия населения к этой организации [20, с. 98].

Таким образом, спецслужбы принимают непосредственное участие в обеспечении ментальной и духовной безопасности государства и общества [21, с. 41]. Они не должны нагнетать обстановку в стране и вызывать страх или пренебрежение со стороны граждан, их задача – наведение порядка и формирование адекватного отношения и к своей работе, и к чуждым культурам / ценностям, и к роли самого народа в международном пространстве и в целом в истории. При этом россияне должны не просто верить в величие своей страны, истории и культуры, но и иметь обоснованные представления об этих аспектах своего мировоззрения и мировосприятия. При этом они должны понимать, что ответственность за «нелюбовь» к Родине не эфемерна, а имеет вполне материальное воплощение, например в виде уголовной ответственности за государственную измену [22, с. 156]. Это касается и граждан, и чиновников на любом уровне, и военных.

Для современной России по-прежнему важно наращивать зарубежное сотрудничество и перенимать успешный опыт из иных экономик, культур, возможно, даже стиля жизни, однако сейчас цена ошибки при выборе способов взаимодействия с внешним миром может быть слишком высока. Так, российский президент В. В. Путин еще в начале своего пути в должности лидера нации отмечал, что «Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу политические силы в состоянии призывать к очередной революции. Под какими бы лозунгами – коммунистическими, национально-патриотическими или радикально-либеральными – ни развернулась бы очередная крутая ломка всего и вся, государство и народ ее не выдержат. Терпение и способность нации к выживанию, равно как и к созиданию, находятся на пределе истощения. Общество просто рухнет – экономически, политически, психологически и морально»[1]. С этим утверждением можно согласиться, ведь сейчас, спустя четверть века, становится очевидным, что утрата суверенитета (географического, политического, цифрового, экономического, а теперь еще и ментального), искажение истории и ослабление национальной идентичности лишают нацию не только прошлого, но и будущего. Таким образом, национальный менталитет как своеобразное промежуточное звено между духом и материей наполняет онтологическим смыслом процесс его защиты и отстаивания перед угрозой влияния деятельности иностранных спецслужб.

Заключение

Национальный менталитет в XXI в. признается важным элементом системы национальной безопасности, в которой ментальная безопасность выступает центральным звеном. Для государства важно использовать все доступные ему методы, позволяющие обеспечивать на высоком уровне ментальную безопасность. И работа по линии спецслужб в этом отношении весьма продуктивна и многообещающа.

[1] Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета : сайт. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html (дата обращения: 20.02.2025).

Для общества спецслужбы – это некая тайна, которая, с одной стороны, наводит страх (возможно, даже экзистенциальный ужас), но с другой – позволяет хотя бы частично осмыслить те возможности, которыми эти службы обладают. Причем такие возможности могут быть как вредными для общества и его безопасности (если речь идет о подрывной деятельности иностранных спецслужб), так и полезными (если контрмеры дают положительный результат).

Таким образом, современное общество как никогда ранее нуждается в безопасности. При этом, вероятно, ощущение безопасности нередко становится даже более значимым и предпочтительным, чем знание конкретных шагов и результатов по ее обеспечению. Иными словами, обществу как носителю национального менталитета для достижения высокого уровня ментальной безопасности важно доверять государству и его методам по достижению желаемых целей. Тандем государства и общества способен улучшить качество ментального пространства, когда государство будет заинтересовано в защите национального менталитета своего народа, а народ, в свою очередь, будет доверять своему правительству и ориентироваться на выбранный им путь борьбы с «невидимым» противником, которого человек не сможет самостоятельно идентифицировать и нейтрализовать.

Список литературы

1. Полежаев Д. В. Философские основания национальной идентичности // Сибирский учитель. 2017. № 2 (111). С. 60–67. EDN: ZDFBBJ
2. Потапов В. В. Институт доверия населения к органам МВД // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 1 (67). С. 49. EDN: SYENJL
3. Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991. 629 с.
4. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 254 с.
5. Шенкао М. А. Изучение ментальностей во французской школе «Анналов» // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 1 (10). С. 60–72. EDN: KUSPBF
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Прогресс : Гнозис, 1992. 270 с.
7. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М. : Канон+, 2012. 383 с.
8. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М. : Издательство Московского университета, 1999. 280 с.
9. Дугин А. Г. Концептуальные подходы к понятию «цивилизация» // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2013. № 1. С. 33–41. EDN: PWXALD
10. Романовская В. Б., Сальников М. В., Силантьева В. А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 52–60. EDN: YJBWIW
11. Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М. : Прогресс : Прогресс-академия, 1992. 685 с.
12. Елишев С. О. Спецслужбы иностранных государств, международные организации и СМИ, поддерживаемые ими, как субъекты манипулятивного воздействия на молодежь // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2018. Т. 24, № 3. С. 121–132. EDN: UXOUSY
13. Lin C. The Dance of Shadows: The New York Times and the CIA // Journalism. 2024. No. 25 (1). P. 75–92. doi: 10.1177/14648849241265187
14. Wilford H. Emotional intelligence: culture, intimacy, and empire in early CIA espionage // Intelligence and National Security. 2022. No. 37 (4). P. 513–525. doi: 10.1080/02684527.2022.2065612
15. Richelson J. T. The US intelligence community. Boulder, Colo. : Westview Press, 2008. 592 p. URL : https://archive.org/details/usintelligenceco0000rich/mode/2up
16. Lockhart J., Moran C. R. Principal consumer: President Biden's approach to intelligence // International Affairs. 2022. No. 98 (2). P. 691–705. doi: 10.1093/ia/iiab210
17. Hoffmann S. Circulation, not cooperation: Towards a new understanding of intelligence agencies as transnationally constituted knowledge providers // Intelligence and National Security. 2021. No. 36(6). P. 807–826. doi: 10.1080/02684527.2021.1938371
18. Jonsson M. Espionage by Europeans: Treason and Counterintelligence in Post-Cold War Europe // Intelligence and National Security. 2023. No. 39 (1). P. 77–92. doi: 10.1080/02684527.2023.2254020

19. Денисов Д. И. Некоторые вопросы порядка формирования и работы Общественного совета при ФСБ России // Военное право. 2021. № 3 (67). С. 64–68. EDN: SGHEVV

20. Марченко Г. В., Забарин А. В., Чимаров С. Ю. Формирование общественного доверия к деятельности правоохранительных органов // Управленческое консультирование. 2022. № 2 (158). С. 93–109. doi: 10.22394/1726-1139-2022-2-93-109 EDN: QBCRMH

21. Кравцов Д. Н. Российские спецслужбы в процессах обеспечения безопасности духовной сферы жизнедеятельности человека, общества и государства: пути трансформации и оптимизации // Академик. 2018. № 4. С. 40–50. EDN: YRIWDR

22. Демчук С. Д. О совершенствовании норм закона об уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж // Военное право. 2019. № 5 (57). С. 153–164. EDN: YFYFXZ

References

1. Polezhaev D.V. Philosophical foundations of national identity. *Sibirsky uchitel' = Siberian Teacher*. 2017;(2):60–67. (In Russ.)

2. Potapov V.V. Institute of Public Confidence in the Ministry of Internal Affairs. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura = Ethnosocium and interethnic culture*. 2014;(1):49. (In Russ.)

3. Febvre L. *Boi za istoriyu = Battles for history*. Moscow: Nauka, 1991:629. (In Russ.)

4. Bloch M. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika = The Apology of history, or the craft of the historian*. Moscow: Nauka, 1986:254. (In Russ.)

5. Shenkao M.A. Study of mentalities in the French Annales school. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development*. 2009;(1):60–72. (In Russ.)

6. Lotman Yu.M. *Kul'tura i vzryv = Culture and explosion*. Moscow: Gnozis; Progress Publishing Group, 1992:270. (In Russ.)

7. Lektorsky V.A. *Filosofiya, poznanie, kul'tura = Philosophy, cognition, culture*. Moscow: Kanon+, 2012:383. (In Russ.)

8. Panarin A.S. *Rossiya v tsiklakh mirovoy istorii = Russia in the cycles of world history*. Moscow: Moscow University Press, 1999:280. (In Russ.)

9. Dugin A.G. Conceptual approaches to the notion of "civilization". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2013;(1):33–41. (In Russ.)

10. Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantyeva V.A. Spiritual security in contemporary Russian society: threats and ways to overcome them. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = Legal state: theory and practice*. 2019;(1):52–60. (In Russ.)

11. Schlesinger A.M. *Tsikly amerikanskoy istorii = Cycles of American history*. Moscow: Progress, Progress-Academy, 1992:685. (In Russ.)

12. Elishev S.O. Foreign intelligence services, international organizations, and media supported by them as actors of manipulative influence on youth. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2018;24(3):121–132. (In Russ.)

13. Lin C. The Dance of Shadows: The New York Times and the CIA. *Journalism*. 2024;25(1):75–92. doi: 10.1177/14648849241265187

14. Wilford H. Emotional intelligence: culture, intimacy, and empire in early CIA espionage. *Intelligence and National Security*. 2022;37(4):513–525. doi: 10.1080/02684527.2022.2065612

15. Richelson J.T. *The US intelligence community*. Boulder, Colo.: Westview Press, 2008:592.

16. Lockhart J., Moran C.R. Principal consumer: President Biden's approach to intelligence. *International Affairs*. 2022;98(2):691–705. doi: 10.1093/ia/iiab210

17. Hoffmann S. Circulation, not cooperation: Towards a new understanding of intelligence agencies as transnationally constituted knowledge providers. *Intelligence and national security*. 2021;36(6):807–826. doi: 10.1080/02684527.2021.1938371

18. Jonsson M. Espionage by Europeans: Treason and Counterintelligence in Post-Cold War Europe. *Intelligence and national security*. 2023;39(1):77–92. doi: 10.1080/02684527.2023.2254020

19. Denisov D.I. Some issues of the formation and work of the Public Council under the FSB of Russia. *Voennoe pravo = Military law*. 2021;(3):64–68. (In Russ.)

20. Marchenko G.V., Zabaryn A.V., Chimarov S.Yu. Formation of public trust in the activities of law enforcement agencies. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management consulting*. 2022;(2):93–109. (In Russ.). doi: 10.22394/1726-1139-2022-2-93-109

21. Kravtsov D.N. Russian intelligence services in the processes of ensuring security in the spiritual sphere of human, society, and state life: transformation and optimization paths. *Akademik = Academician*. 2018;(4):40–50. (In Russ.)

22. Demchuk S.D. On improving the norms of the law on criminal liability for treason and espionage. *Voennoe pravo = Military law*. 2019;(5):153–164. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Ковалев – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7760-5732

A.A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, North-western Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 57/43 Sredny prospekt V.O., St. Petersburg, 199178. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7760-5732

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 22.02.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.04.2025

Принята к публикации / Accepted 30.05.2025